

Институт этнологии и антропологии РАН

И.С.Кон

**ПОДРОСТКОВАЯ
СЕКСУАЛЬНОСТЬ
НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА**

Социально-педагогический анализ

«Феникс+»
Дубна
2001

НУУ

ББК ~~88.37~~

УДК ~~159.9~~

К64

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 01-06-16003д

Кон И.С.

К64 ПОДРОСТКОВАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА.
Социально-педагогический анализ. – Дубна: «Феникс+», 2001. – 208 с.

ISBN 5-9279-0025-9

Новая книга известного социолога и психолога академика И.С.Кона ведущего специалиста по юношеской психологии и по социологии сексуальности дает систематическое, основанное на новейших научных данных, сравнение основных тенденций развития подростковой и юношеской сексуальности в странах Западной Европы и в России за последние полвека. Книга также содержит статьи по психологии подростковой и юношеской сексуальности, истории русской сексуально-эротической культуры о мировых тенденциях сексуального поведения и ценностей в современную эпоху.

Книга адресована социологам, психологам, педагогам, врачам, демографам, работникам культуры и социальным работникам, а также родителям и всем тем, кого интересуют проблемы современной молодежи в России и за рубежом.

ББК 88.37
УДК 159.9

ISBN 5-9279-0025-9

© Кон И.С., 2001

© Оформление. ООО «Феникс+», 2001

И.С. Кон

ПОДРОСТКОВАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА

Социально-педагогический анализ

ИЮТЕКА

Компьютерная верстка А. И. Мамаев

Корректурa Н. А. Басюк

Оформление А. И. Мамаев

ЛР № 066396 от 16.03.2000

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Подписано в печать 10.06.2001. Формат 60 x 90 / 16. Бум. офсетная. Гарнитур: Таймс. Печать офсетная. Объем 13 усл. печ. л. Тираж 2 000 экз. Заказ № 945.

ООО «Феникс+». 141980, Московская обл., г. Дубна, ул. Тверская, д.6А, оф.156. <http://www.dubna.ru/~phoenix+> E-mail: patsuk@dubna.ru

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Предисловие

Подростковая и юношеская сексуальность всегда привлекала к себе внимание взрослых, особенно родителей и воспитателей. Но сексуальные интересы и поведение подростков, как и прочие стороны их жизни, не везде одинаковы и исторически изменчивы. Что изменилось в поведении и ценностях российских тинэйджеров за последние 10-15 лет и как эти изменения соотносятся с тем, что уже давно происходит в странах Запада?

Чтобы получить объективную картину происходящих процессов и сделать из нее правильные социально-педагогические выводы, нужно прежде всего сравнить соответствующие отечественные социологические данные с зарубежными. Именно это составляет главную задачу этой книги, выполненной по гранту РНГФ № 9806-08066 в 1996-1999 годах. Заинтересованные читатели, прежде всего социологи, педагоги и социальные работники, найдут в ней информацию, которая позволит им глубже понять суть происходящего и сделать из этого самостоятельные практические выводы.

Однако учителя, психологи и родители интересуются не только объективными тенденциями сексуального поведения, но и его психологией и культурно-историческим контекстом. Чтобы ответить также и на эти вопросы, я дополнил свою социологическую работу несколькими приложениями, которые можно читать и вне связи с основным текстом.

Первое приложение «Психологические проблемы подростковой сексуальности» представляет собой главу из моей книги «Вкус запретного плода. Сексология для всех» (Москва, «Семья и школа», 1997), специально рассчитанной на учителей и родителей.

Второе приложение «Сексуальное просвещение: что, где, когда?» также имствовано из этой книги и посвящено стратегическим задачам этой деятельности, значение которой в нашей стране, увы, недооценивают.

Однако сексуальное просвещение – не самодовлеющий предмет, а лишь часть более широкой сексуальной культуры, неразрывно связанной с историческими традициями народа и общества. Третье приложение «Исторические особенности русской сексуальной культуры» воспроизводит текст первой главы моей книги «Сексуальная культура в России. Клуб-

ничка на березке» (Москва, О.Г.И. 1997), которая позволяет понять наши современные проблемы в их историческом контексте.

К сожалению, российское общество плохо учится на историческом опыте, даже совсем недавнем, снова и снова наступая на одни и те же грабли. Четвертое приложение «Русская народная борьба со СПИДом» (часть главы двенадцатой вышеупомянутой книги) воспроизводится затем, чтобы любознательный читатель воочию увидел, как одни и те же чиновные люди десятилетиями рассказывают ему одну и ту же сказку про белого бычка и что из этого получается. Почему у нас, как говорили в советские времена, все течет, и ничего не меняется (по крайней мере – к лучшему).

Наконец, последнее, пятое приложение «Человеческие сексуальности на рубеже XXI века» представляет собой теоретико-методологическую рефлексию о современных судьбах сексуальности и связанных с ней явлениях. Эта статья, публикуемая в журнале «Вопросы философии» (2001, № 9), является для меня юбилейной. Двадцать лет назад, в 1981 г., именно этот журнал напечатал мою первую статью по теоретической сексологии. Русского издания книги «Введение в сексологию», которую эта статья предваряла (а сама книга уже была опубликована в Венгрии), пришлось ждать еще 7 лет...

Сегодня печататься легче, чем при советской власти. Но понимание того, что речь идет о серьезных социальных проблемах, в стране по-прежнему отсутствует.

Мне хотелось бы верить, что данная книга – моя последняя работа по этой тематике – поможет читателю лучше понять, что происходит с современными подростками и что для них обязаны сделать взрослые.

*И.Кон
Москва
май 2001 г.*

ВВЕДЕНИЕ.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ИСТОЧНИКИ

Общеизвестно, что за последние годы в сексуальном поведении и установках российской молодежи, прежде всего подростков и юношей, произошли большие изменения, вызывающие растущую социальную озабоченность. Этой теме посвящено несколько серьезных научных публикаций. Однако в российских средствах массовой информации и политических дискуссиях эти проблемы, как правило, освещаются искаженно и интерпретируются неверно.

1. Вместо серьезной научной статистики, политики и журналисты пользуются случайными, недостоверными данными, причем их отбор и выводы из них крайне политизированы.

2. Отечественные данные не сравниваются с тем, что происходит в других развитых странах. В результате закономерные глобальные процессы, вроде снижения рождаемости или снижения возраста сексуального дебюта принимают за местные, локальные, сугубо российские, вытекающие из специфически российских условий и трудностей.

3. Сложные и противоречивые тенденции общественного развития примитивно объясняются «падением нравов», влиянием «растленного Запада» и происками западных спецслужб и фармацевтических кампаний.

4. В средствах массовой информации распространяются заведомо ложные, умышленно фальсифицированные сведения о том, что фактически происходит в западных странах и в России.

5. Сочетание неинформированности, научной безграмотности и политической ангажированности приводит к тому, что формируется неверная социальная политика и стратегия воспитания, направление которых прямо противоположно мировому опыту. Это влечет за собой катастрофические социальные, культурные и эпидемиологические последствия.

Чтобы преодолеть эти опасные тенденции и ложные представления, — разумеется, не у представителей коррумпированной прессы и ее политических заказчиков и спонсоров, а у людей, заинтересованных в понима-

нии реальных социальных процессов и тенденций развития, необходимо спокойное, основанное на проверенных фактах, сравнение сексуального поведения и ценностей российских подростков с тем, что происходит среди их западных сверстников.

Этому и посвящена данная работа. Чтобы избежать обвинений в предвзятости, я умышленно избегаю широких теоретических обобщений, фиксируя внимание главным образом на эмпирических, статистически проверяемых фактах и тенденциях развития сексуального поведения и ценностей подростков и юношей в контексте сексуальной и общей культуры общества. Она имеет сравнительно-исторический и социально-педагогический характер и состоит из четырех частей.

Первая часть книги является вводной, она дает постановку проблемы и общую характеристику основных источников исследования.

Вторая часть посвящена анализу динамики сексуального поведения и ценностей западноевропейских подростков на протяжении второй половины XX в.

Начинать с зарубежных данных естественно, так как процессы, с которыми в последнее десятилетие (а на самом деле, как мы увидим дальше, значительно раньше) столкнулась Россия, имеют глобальный характер, они проявились в западных странах гораздо раньше и лучше изучены, так что можно говорить не только о причинах соответствующих явлений, но и об их долгосрочных последствиях.

Но какая именно история для нас наиболее поучительна?

Обычно, говоря о любых российских тенденциях, их сравнивают с соответствующими американскими, чаще всего разрозненными, показателями. В отличие от этого, в данной работе обобщается не американский, а европейский опыт. На то есть причины как идеологического, так и теоретико-методологического порядка.

Идеологически я хотел избежать конфронтации с характерным для современной российской, особенно официальной ментальности, воинствующим и многоликим антиамериканизмом. Испытывая по отношению к единственной оставшейся сверхдержаве сильный комплекс неполноценности, многие российские политики, журналисты и ученые рассуждают по принципу «сильнее кошки зверя нет». При этом «кошке», с одной стороны, люто завидуют – вот она какая сильная! – а с другой – всячески осуждают ее за безнравственность, хищный характер и прочие недостатки со своей «общечеловеческой», а по сути дела – мышинной точки зрения. Подкреплять или оспаривать эти наивные стереотипы одинаково неинтересно.

Теоретико-методологически американские данные никак не могут служить всеобщим эталоном для сравнения.

Во-первых, население США по многим социальным параметрам крайне неоднородно, там существует не одна, а несколько разных сексу-

альных культур и стилей жизни, «усреднять» которые методологически неправомерно. Их сравнение – самостоятельная научная задача, решать которую должны американисты.

Во-вторых, общий уровень сексуальной культуры, от которого зависят такие важные социальные показатели, как динамика незапланированных беременностей, аборт, изнасилований, заболеваний, передающихся половым путем (ЗППП), уровень сексуальной образованности населения и т.д., во многих европейских странах неизмеримо выше, чем в США, а сами европейские культуры достаточно разнообразны, позволяя сравнить Россию не с одним, а с несколькими типами и вариантами.

В-третьих, традиционная российская культура и ментальность по ряду параметров исторически ближе к европейским, чем к американским образцам. Ни крайний американский индивидуализм, ни агрессивный протестантский фундаментализм русской культуре и сознанию не созвучны.

Поэтому я и предпочел анализировать главным образом европейские данные, используя американские исследования лишь в качестве дополнительного источника.

Основными источниками для этой части работы являются многочисленные национальные и сравнительные (международные) исследования, прежде всего сексологические опросы последних нескольких десятилетий.

В получении этих данных – российские научные библиотеки практически пусты, а на длительную работу в Интернете нет денег – мне очень помогло мое старое (с 1979 года) членство в Международной Академии сексологических исследований и участие в нескольких международных форумах, полностью или частично посвященных подростковой и юношеской сексуальности. Я считаю своим приятным долгом поблагодарить своих зарубежных коллег – перечисление их имен заняло бы слишком много места, – которые приглашали меня на эти встречи и конференции и делились со мной своими, зачастую неопубликованными, эмпирическими данными и теоретическими соображениями.

Существенную помощь в получении необходимой информации оказали мне также Центрально-европейский университет в Будапеште (первое полугодие 1999 г.) и Институт истории имени Макса Планка в Геттингене (лето 2000 года), где я смог ознакомиться с новейшими немецкими исследованиями по своей теме.

В первоначальном проекте я хотел дать сравнительный анализ не только сексуального поведения, ценностей и установок западных подростков, но и разных национальных стратегий сексуального образования и просвещения. К сожалению, это оказалось невозможным из-за недостаточного финансирования. Два года из трех, на которые был рассчитан проект, РФНФ давал деньги исключительно на зарплату, причем львиная доля этих сумм тут же возвращалась в бюджет в форме налогов. Ни ездить куда бы

то ни было, ни приобретать иностранные книги, ни даже пользоваться Интернетом на эти деньги было невозможно. Между тем с сексуальным просвещением нужно знакомиться не только по рекламным проспектам и рассказам коллег, тут многое нужно видеть своими глазами.

Однако исключение этого аспекта темы – не такая большая потеря, как кажется. Системы сексуального просвещения в странах Запада находятся в состоянии постоянного развития и изменения. Опыт, существующий сегодня, послезавтра уже устареет. Между тем в России, по причинам идеологического порядка и в силу неразвитости ее сексуальной культуры, систематического сексуального просвещения нет и в ближайшее время не предвидится. Так что практически изучение зарубежного опыта для нас, увы, почти бесполезно. Когда появится социальный заказ и средства на его реализацию (рано или поздно стране придется этим заняться), другие исследователи выполнят эту задачу на более современном уровне. Сегодня достаточно прояснить самые общие стратегические установки.

Третья часть книги содержит обобщение данных о динамике сексуального поведения, установок и ценностей российских подростков и юношей 1990-х годов. В значительной мере это продолжение моей многолетней работы, начатой еще в 1960-х годах статьей «Половая мораль в свете социологии» («Советская педагогика», 1966, № 12) и продолженной исследованиями юношеской дружбы в 1970-х и психологии юношеского возраста в целом (учебное пособие «Психология ранней юности», выходявшее под разными названиями 4-мя обновленными изданиями с 1979 по 1989 год). Данная книга непосредственно продолжает и развивает выводы моей книги «Сексуальная культура в России. Клубничка на березке» (О.Г.И., 1997), написанной благодаря гранту РГНФ № 95-06-17325.

Мой анализ подростковой сексуальности в России основывается на данных официальной статистики и всех известных мне национальных (опросы, которые проводил ВЦИОМ) и выборочных исследований, проводившихся в России с середины 1960-х годов. Но самый важный источник – три специальных сексологических опроса, проведенных в 1993, 1995 и 1997 гг. при моем непосредственном участии и теоретическом руководстве.

Первый опрос (я буду называть его «опрос 1993») охватил 1615 учащихся 7-11 классов в возрасте от 12 до 17 лет, 16 средних школ и 8 профессионально-технических училищ Москвы и Санкт-Петербурга. Руководители исследования В.Д.Шапиро и В.В.Червяков, научный консультант И.С.Кон, полевой организатор – М.Г.Герасимова. Это был первый в истории России сексологический опрос школьников этого возраста, имевший целью выяснить общую картину их сексуального поведения и установок. Подробно об обстоятельствах сексуального дебюта, типе первого партнера и о других формах сексуальной активности респондентов

не спрашивали. Опрос проводился письменно, анонимно, на основе адаптированного варианта анкеты американского социолога Стэна Уида.

Второй опрос, осуществленный при финансовой поддержке Фонда Макартуров (руководитель проекта В.В.Червяков, участник проекта В.Д.Шапиро, научный консультант И.С.Кон), был проведен в 1995 г (я буду называть его «опрос 1995») среди 16-19-летних не состоящих в браке юношей и девушек (всего 2871 человек) в Москве, Новгороде, Борисоглебске и Ельце на основе новой, значительно более подробной анкеты. Учащиеся средних и профессиональных школ, студенты вузов и работающие подростки во всех четырех подвыборках были представлены приблизительно поровну. Воспитательные учреждения в каждом месте были выбраны по случайному принципу. Опрос проводился письменно и анонимно. По сравнению с опросом 1993 г., анкета содержала более детальные вопросы об обстоятельствах сексуального дебюта, первом и последнем сексуальном партнере, общем числе партнеров и т.д. Впервые в российских сексуальных опросах были затронуты такие деликатные темы, как наличие мастурбационного и гомосексуального опыта, отношение к гомосексуальности и т.д.

Третий опрос (я буду называть его «опрос 1997») проводился под руководством В.В.Червякова (я консультировал его анкеты, за исключением анкеты «Что ты знаешь о сексе? Вопросник № 1 для учащихся») в первом квартале 1997 г. как первая часть социологического мониторинга в рамках проекта по сексуальному просвещению российских школьников, инициированного Министерством образования, при финансовой поддержке Фонда народонаселения ООН (UNFPA) и ЮНЕСКО. Опрашивались школьники 7-9 классов, их родители и учителя. В исследовании согласились участвовать 16 школ из 8 разных регионов (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Архангельск, Краснодар, Красноярск, Удмуртия и Ярославль). Задачей мониторинга было определение уровня знаний школьников о сексуальности, степени их заинтересованности в этих вопросах и половозрастной динамики их сексуального поведения. Поскольку планировалось оценить влияние будущего школьного курса сексуального просвещения на моральные ценности и поведение учащихся, выяснялись также взгляды родителей и учителей на этот предмет и как часто они говорят со своими детьми и учениками на эти темы. Участие в исследовании для всех респондентов было добровольным, анкеты заполнялись анонимно. После отбраковки неправильно или неполно заполненных анкет, для компьютерной обработки было отобрано 4000 опросников, заполненных школьниками, 1300 родительских и 400 учительских анкет

Хотя из-за разницы в выборках и формулировке вопросов данные этих трех исследований строго статистически сопоставимы лишь частично, они позволяют судить как о динамике, так и о современных пробле-

мах и болевых точках подростковой и юношеской сексуальности в России, сравнивая их с аналогичными западными данными.

К времени публикации моей книги «Сексуальная культура в России» (1997) некоторые из этих результатов еще не были обработаны, сравнение их с западными данными имело скорее иллюстративный, чем систематический характер. В настоящей книге это сделано более полно и основательно.

Кроме того, в этой части книги использованы данные проведенного в Петербурге большого сравнительного российско-финляндского исследования, сочетавшего анкетный опрос с анализом ряда сексуальных историй.

Заключительная, **четвертая часть** книги подводит его общие итоги, прогнозирует развитие подростковой и юношеской сексуальности в XXI веке и делает соответствующие социально-политические выводы и социально-педагогические рекомендации относительно сексуального просвещения и образования российской молодежи.

Библиография использованной литературы и источников приводится в конце книги. В тексте указывается только фамилия автора и год издания.

ПОДРОСТКОВАЯ И ЮНОШЕСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ – ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЗА 50 ЛЕТ

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Изучение сексуального поведения и установок населения вообще и подростков в особенности в странах Западной Европы началось уже в самом начале XX в. (см. Кон, 1988). Однако таких исследований было мало, они были нерепрезентативны, а консервативная общественность, особенно клерикалы, как правило, встречала их в штыки, обвиняя в подрыве традиционной морали и духовном растлении молодежи.

На самом деле сдвиги в сексуальном поведении и половой морали – плоть от плоти макросоциальных процессов, начавшихся задолго до XX века, но особенно ускорившихся и усилившихся во второй его половине.

Происходит глобальный процесс изменения и ломки традиционной системы взаимоотношений полов и гендерной стратификации. Отношения мужчин и женщин во всех сферах общественной и личной жизни становятся более демократическими и равными, а стереотипы маскулинности и фемининности – менее полярными, чем прежде. Это дает больший простор развитию индивидуальности, которая уже не обязана втискиваться в прокрустово ложе привычных полоролевых стереотипов (сильный, агрессивный мужчина и нежная, пассивная женщина), но одновременно порождает целый ряд социальных и психологических проблем и конфликтов.

Соответственно этому меняется состав, ролевая структура и социальные функции семьи. В результате снижения рождаемости и «нуклеариза-

ции» семьи она, особенно в городе, становится менее многочисленной. По мере того как некоторые старые социально-экономические функции семьи отмирают или приобретают подчиненное значение, происходит психологизация и интимизация семейных отношений, все большая ценность придается психологической близости, интимности между членами семьи и особенно – супругами. Это повышает автономию и значимость каждого отдельного члена семьи и идет параллельно повышению индивидуальной избирательности брака. Брак по свободному выбору, который обычно символизируется как основанный на любви, более интимен, но одновременно более хрупок, чем традиционный. Отсюда – увеличение количества разводов. У людей появилась установка на возможную временность брачного союза («серийная моногамия»). Обращает на себя внимание также рост числа одиночек, которые по тем или иным причинам вообще не вступают в зарегистрированный брак.

Сдвиги в брачно-семейных отношениях отражают общие закономерности индивидуализации общественной жизни. В патриархальном обществе прошлого отдельный индивид был немислим и не воспринимал себя вне своей социально-групповой принадлежности. Сегодня он все больше чувствует себя центром своего собственного жизненного мира, любые социальные роли и идентичности кажутся только аспектами и ипостасями его Я. Внешний социальный контроль соответственно уступает место самоконтролю. Все большее значение приобретают ценности самовыражения и самореализации. «Воспитание чувств» означает не только и не столько умение контролировать свои чувства и подчинять их разуму, сколько способность адекватно понимать и выражать их, слушаться голоса сердца и т.п.

Эти социально-структурные и культурные сдвиги проявляются в сфере сексуально-эротических ценностей. Налицо

- отделение сексуального поведения от репродуктивного;
- более раннее сексуальное созревание и пробуждение эротических чувств у подростков;
- более раннее начало сексуальной жизни;
- социальное и моральное принятие добрачной сексуальности и сожительства;
- ослабление «двойного стандарта», разных норм и правил сексуального поведения для мужчин и для женщин;
- признание сексуальной удовлетворенности одним из главных факторов удовлетворенности браком и его прочности;
- ресексуализация женщин, которых викторианская мораль считала вообще асексуальными;
- сужение сферы запретного в культуре и рост общественного интереса к эротике;
- рост терпимости по отношению к необычным, вариантным и девиантным формам сексуальности, особенно гомосексуальности;

– увеличение разрыва между поколениями в сексуальных установках, ценностях и поведении: многое из того, что было абсолютно неприемлемо для родителей, дети считают нормальным и естественным.

Сексуальная революция 1960-х годов наглядно показала неэффективность привычных форм социального контроля и необходимость знать и учитывать происходящие в этой сфере жизни изменения. Эпидемия СПИДа еще больше актуализировала эту проблему.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в Западной Европе появились первые большие репрезентативные национальные опросы населения, в которых совместно работали социологи, демографы, сексологи и медики. Самые крупные и методологически совершенные национальные опросы – британский (1991), французский (1992) и финляндский (1992). Хорошие данные есть и по многим другим странам. Например, в 1996 г. в Швеции проведен второй национальный опрос (первый был еще в 1967 г.), охвативший 2810 респондентов от 18 до 79 лет (Lewin, 1996, Helmius, 1998).

Европейское сообщество создало в Брюсселе специальную международную базу данных, в которой представлены Греция, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Западная Германия, Великобритания, Исландия, Нидерланды, Португалия, Швейцария и Норвегия. Их первое обобщение – книга «Сексуальное поведение и ВИЧ / СПИД в Европе. Сравнение национальных опросов» (Hubert, Bajos and Sandfort, 1998).

Хотя выборки и методы (иногда это письменная анкета, иногда – телефонный опрос) этих исследований не совсем одинаковы, они достаточно сопоставимы. Например, во всех анкетах повторяется вопрос «Сколько вам было лет, когда вы имели первое сексуальное сношение?» Более подробные анкеты включали также вопросы о первом поцелуе, первом сексуальном партнере и его возрасте, характере взаимоотношений с ним, обстоятельствах и чувствах, сопутствовавших сексуальному дебюту, кто был его инициатором, какие принимались меры предосторожности и т.д. Иногда респондентов отдельно спрашивали о первом гомосексуальном опыте, если таковой был. Большое внимание уделялось сексуальной технике, методам контрацепции и проблемам безопасного секса.

Массовые сексологические опросы позволяют поставить конкретные проблемы профилактики СПИДа и ЗППП, планирования семьи и воспитания молодежи не узко, а в широкой социально-психологической перспективе, учитывающей эволюцию брачно-семейных отношений, изменения в характере сексуальной культуры, межпоколенных отношениях, процессах и механизмах социализации юношества и т.п.

Национальные анкеты, респондентами которых были взрослые, старше 16 или, чаще, 18 лет, дополняются множеством исследований, посвященных специально подросткам и юношам.

Лучшая из этих работ – «Вступление в сексуальность. Поведение молодых людей в условиях СПИДа» (Lagrange et Lhomond, 1997) основана на данных опроса 6182 15-18-летних французов.

Сотрудники Отдела сексологии Гамбургского университета под руководством Гунтера Шмидта неоднократно опрашивали сопоставимые группы 16-17-летних школьников (Schmidt, 1993). В 1966, 1981 и 1996 гг. они провели три больших опроса университетских студентов, в ходе которых в общей сложности опрошено 8500 молодых, от 20 до 30 лет, мужчин и женщин из 12-15 разных университетов. Это позволяет делать статистически обоснованные выводы о динамике сексуального поведения и ценностей немецкой молодежи за последние 30 лет (Schmidt et al., 1997, Schmidt, 2000)

Другие немецкие исследователи (Bardleben et al., 1995) провели в 1991-94 гг. трехлетний репрезентативный лонгитюд среди молодых людей от 14 до 24 лет, среди которых больше всего представлены 16-18 летние.

Большие сексуальные опросы молодежи осуществлены в Норвегии (Traeen et al., 1992, Traeen and Kvaalem, 1996), Англии (Breakwell and Fife-Shaw, 1992) и некоторых других странах.

Наряду с опросами населения или какой-то его подгруппы в рамках одной западноевропейской страны, начались сравнительные исследования сексуального поведения и ценностей подростков и юношей из нескольких стран, включая бывший СССР. Проведено сравнение сексуального поведения финских подростков с российскими (Haavio-Mannila and Rotkirch, 1997) и эстонскими (Papp, Kontula and Kosunen, 1997), студентов МГУ – с итальянскими студентами (Denisenko, 1998). Очень интересны сравнительные исследования стиля любви и добрачных сексуальных норм американских, японских и российских студентов (Sprecher et al., 1994, 1996, 1998)

Все это позволяет судить о тенденциях развития юношеской сексуальности не голословно-умозрительно, а на основе более или менее достоверных научных фактов. Что же мы фактически знаем?

ВОЗРАСТ СЕКСУАЛЬНОГО ДЕБЮТА

Самая общая тенденция сексуальной жизни второй половины XX в. – снижение возраста сексуального дебюта и уменьшение разницы в этом отношении между мужчинами и женщинами (Bozon and Kontula, 1998).

Особенно велики сдвиги у женщин. В 1950-х годах во всех западноевропейских странах средний возраст начала сексуальной жизни у женщин (поколение родившихся в 1930-х годах) был как минимум на два года выше, чем в 1990-х годах (поколение родившихся в 1972-73 гг.). Часто этот сдвиг значительно больше.

В Швеции процент женщин, начавших половую жизнь в 13 лет и моложе, с 1967 по 1996 увеличился в 6 раз, с 1 % до 6 %, а у мужчин – в 2,5 раза, с 2 % до 5 %. Доля тех, кто сделал это между 14 и 15 годами, выросла у женщин с 7 % до 32 %, а у мужчин с 17 % до 29 %. В среднем медианный возраст сексуального дебюта у шведских женщин снизился на 2,7 года, а у мужчин на 1,2 года. В группе 18-24-летних респондентов в 1996 г. он составляет 16,4 лет для женщин и 16,9 лет для мужчин.

В Англии (1991 год) средний возраст сексуального дебюта за последние 40 лет снизился у женщин с 21 года до 17,3 лет, а у мужчин с 20 лет до 17,0 лет; одновременно резко уменьшился удельный вес поздно начинающих женщин. В Финляндии (1992) средний возраст начала половой жизни составляет у мужчин 17,9, у женщин – 18,1 лет, в Норвегии (1992) – 17,5 и 19,2 лет (при опросе более молодых респондентов эти цифры ниже, средний возраст сексуального дебюта составляет 17,3 года у женщин и 18,0 у мужчин – Traeen and Kvaalem, 1996), во Франции (1992) – 18,1 и 17,0 лет, в Бельгии (1993) – 18,0 и 17,4 лет, в Дании (1989) – 16,7 и 17,4 лет, в Португалии (1991) – 19,0 и 16,2, в Швейцарии (1992) – 18,4 и 18,2

Хотя степень и темпы этих сдвигов неодинаковы в разных странах, налицо одна и та же тенденция. В 1990-х годах раньше всех в Европе сексуальную жизнь начинают молодые исландки (16,3 года). В странах южной Европы женщины, как и раньше, переживают это событие значительно позже и оно теснее связано с реальным или предполагаемым вступлением в брак.

Характер мужского сексуального поведения за последние полвека изменился значительно меньше женского. В южно-европейских странах мужчины всегда начинали половую жизнь сравнительно рано, возраст их сексуального дебюта здесь остался практически тем же (в Португалии он снизился с 16,4 года в 1950-х до 16,2 в начале 1990-х годов). В других странах (Бельгии, Германии и Нидерландах) возраст мужского сексуального дебюта снизился за это время в среднем на два года, с 20 лет и старше до 18 лет и моложе. Иными словами, разница между мужчинами и женщинами всюду уменьшается, но в разной мере, причем в одних странах выравнивание началось раньше, а в других – позже.

В скандинавских странах (Дании, Норвегии и Швеции) наибольшие сдвиги в возрасте сексуального дебюта происходили уже в 1950-х годах, еще до студенческой революции, причем женщины в этом отношении систематически опережают мужчин.

В 1960-х годах тенденция выравнивания возраста сексуального дебюта у мужчин и женщин обнаруживается в большинстве западноевропейских стран – Финляндии, Франции, Германии, Великобритании, Нидерландах, Португалии и в столице Греции Афинах (по остальной Греции данных нет).

Последовательные сдвиги в этом направлении, а также региональные различия хорошо видны в Германии. В 1990-х г. коитальный опыт имели

40 % 16-17-летних западногерманских юношей и 34 % девушек (Schmidt, Klusmann, Zeitzschel, 1993). У их восточногерманских сверстников соответствующие цифры составили 47 % и 59 % у 16-летних и 52 процента и 58 процентов у 17-летних (Weller und Starke, 1993).

По данным другого немецкого опроса (Bardeleben et al., 1995), в 14-15 лет коитальный опыт имели 6,1 % немецких мальчиков и 7,7 % девочек, в 15-16 лет соответственно 15,1 % и 19,0 %; в 16-17 лет – 35,4 % и 42,5 % и в 17-18 лет – 57,5 % и 64,2 %. Средний возраст сексуального дебюта у мальчиков – 16,7 лет, у девочек – 16,5 лет, медианный возраст – 17,6 и 17,2 лет. От первого петтинга до первого коитуса в 1992 г. у мужчин проходит 1,1 года, у женщин – полгода.

Сравнение данных опросов немецких студентов в 1966, 1981 и 1996 гг. показывает, что по основным показателям гетеросексуальной активности (возраст сексуального дебюта, частота сношений у не состоящих в браке студентов за последние 12 месяцев и число сексуальных партнеров) традиционные различия между мужчинами и женщинами не только уменьшились, но как бы «перевернулись». С начала 1970-х годов немецкие студентки начинают сексуальную жизнь раньше, ведут более активную сексуальную жизнь и имеют больше любовников, чем их сверстники-мужчины (Matthiesen, 1999).

Те же тенденции и среди школьников. Среди опрошенных в 1998 г. 14-17 летних немецких девочек коитальный опыт имели 11 % 14-тилетних, 29 % – 15-летних, 45 % 16-тилетних и 67 % 17-тилетних, а у мальчиков – соответственно 10, 13, 36 и 54 % (Youth sexuality 1998). То есть мальчики заметно отстают от девочек. Это верно и относительно других форм сексуальных контактов – поцелуев, петтинга и т.д. Объясняя причины отсутствия у них сексуальных контактов и близких отношений с противоположным полом, девочки и мальчики чаще всего называют «отсутствие партнера» и «застенчивость». Кроме того, почти каждый третий мальчик боится обнаружить свою неловкость и неопытность. 23 % опрошенных мальчиков сталкивались с тем, что девочки им отказывали.

Важно отметить, что повсеместное снижение возраста сексуального дебюта происходит на фоне параллельного **повышения** возраста брачности: современные женщины позже выходят замуж, их браки часто откладываются до завершения образования, а общий коэффициент брачности снижается.

Во всех странах Европейского сообщества средний возраст вступления в брак женщин с 1970 по 1995 г. повысился; максимальный рост – в Дании (на 6,2 года), минимальный в Португалии (на полгода) (Ditch et al., 1998).

Это значит, что сексуальный дебют все чаще происходит до и вне брака, что, в свою очередь, свидетельствует о либерализации сексуальной морали.

В 1970-х годах в тех странах, где снижение возраста сексуального дебюта началось в предыдущей декаде, эта тенденция продолжалась, а там, где ее до сих пор не было (Бельгия и Швейцария), она началась.

В 1980-х годах возраст сексуального дебюта в большинстве западно-европейских стран, за исключением Дании и в меньшей мере Нидерландов, стабилизировался и перестал снижаться.

Поскольку стабилизация возраста сексуального дебюта началась еще до эпидемии СПИДа, она объясняется не страхом заражения, а какими-то другими, более тонкими социально-психологическими причинами – восстановлением в правах романтических ценностей любви и верности, которые воинственно отрицали юные анархисты 1960-х годов, повышением сексуальной избирательности молодежи и ценности психологической интимности, принятием молодежной субкультурой факта индивидуальных различий и т.п.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ

Динамика возраста сексуального дебюта – важнейший показатель изменения так называемого двойного стандарта, разных норм сексуального поведения для мужчин и женщин. Изменения затронули и другие моменты сексуальности, будь то реальное поведение или нормативные установки.

Хотя по темпам своего полового созревания девочки всегда и везде опережают мальчиков, мужчины обычно начинали сексуальную жизнь раньше женщин. В странах южной Европы эта разница до сих пор сохранилась, хотя и уменьшилась. Например, в Португалии и Греции (Афины) в 1950-х годах мужчины начинали сексуальную жизнь на 6 и больше лет раньше своих ровесниц. К концу 1980-х эта разница уменьшилась, составив 3 года в Португалии и 2 года в Афинах. Эта картина похожа на ту, которая существует в странах третьего мира (Таиланд, Филиппины, Бразилия), но там юноши обычно начинают сексуальную жизнь со старшими женщинами или с проститутками, тогда как в Европе это теперь чаще делают со сверстницами. Это еще более характерно для стран северной и центральной Европы (Vozon and Kontula, 1998).

Однако, несмотря на выравнивание возраста сексуальной инициации и приближение его к срокам полового созревания юношей и девушек, определенные различия между ними сохраняются.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ РАЗБРОС В ВОЗРАСТЕ СЕКСУАЛЬНОЙ ИНИЦИАЦИИ

Доля мужчин, начинающих сексуальную жизнь очень рано (в 15 лет и моложе), всюду значительно выше, чем доля женщин (в Дании, Исландии, Англии, Греции и Португалии). Доля мужчин около 25%. Не доля

«ретардантов», вступающих в сексуальные отношения сравнительно поздно (старше 19 лет), среди мужчин также больше, чем среди женщин; в Бельгии, Германии, Нидерландах, Норвегии и Швейцарии такие мужчины составляют 25 %. Когда юноши и молодые мужчины хвастаются своей сексуальной «продвинутостью», многие из них попросту врут, потому что стесняются своей девственности.

Это говорит о большем разнообразии мужских стилей сексуальной жизни с самого ее начала, которое объясняется не только и не столько соционормативными представлениями, вроде того, что стыдно быть «невинным», сколько индивидуальными особенностями мужских сексуальных сценариев.

ВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ С ПЕРВЫМ СЕКСУАЛЬНЫМ ПАРТНЕРОМ

Выравнивание среднего возраста сексуального дебюта мужчин и женщин не означает уравнивания хронологического возраста первых сексуальных партнеров. Распространенное мнение, что современные юноши и девушки начинают сексуальную жизнь с ровесниками, которые сексуально одинаково неопытны, кажется логичным, но когортные сравнения его пока что не подтверждают (Bozon and Kontula, 1998).

У женщин возрастная разница с первым партнером во всех западноевропейских странах остается практически одинаковой и неизменной во времени. Три четверти (в Финляндии – 85 %) женщин начинают со старшим мужчиной и только 5 % – с младшим, причем последнее случается чаще всего в тех случаях, когда женский сексуальный дебют задерживается, происходит поздно. Иными словами, юные девушки обычно начинают со старшими мужчинами, и лишь те, кто по каким-то причинам откладывает это событие до 19 лет и старше, делают это с младшими по возрасту.

У мужчин вариации значительно больше, причем это связано с национальными традициями. Например, двое из трех финнов приобретают свой первый сексуальный опыт с младшей женщиной и только одна треть – с ровесницей. Во Франции же 38 % мужчин начинают со старшей женщиной, 37 % – со сверстницей и только 20 % – с младшей. Примерно то же было и в прошлом (Segalen, 1981). Объясняется ли это специфическими мужскими или женскими сексуальными предпочтениями или просто культурной традицией – вопрос открытый.

Большая возрастная разница между сексуальными партнерами может иметь существенные практические последствия. Недавнее исследование

американского Института Алана Гутмахера, основанное на данных правительственного обследования семей 1995 г., (Family Planning Perspectives, 2000) показало, что сексуальный опыт имели 4 из 10 15-17-летних американок, причем две трети (64 %) из них имели связь со своими ровесниками, возрастная разница с партнером не превышает двух лет. У 29 % девушек партнеры старше на 3-5 лет. Те, у кого партнеры значительно старше, чаще оказываются беременными. Хотя только 7 % сексуально активных девушек от 15 до 17 лет имеют партнеров старше себя на 6 и более лет, эта группа дает 19 % всех подростковых беременностей. Такие пары реже пользуются контрацепцией, что повышает риск зачатия. Зато в случае беременности эти женщины реже прибегают к абортам, чем те, кто имеет дело с более молодыми юношами, которые уклоняются от ответственности за происшествие. Поэтому среди них больше несовершеннолетних матерей. Эти данные показывают, что связь с взрослым мужчиной является для юной девушки фактором повышенного риска, но что вместе с тем старшие мужчины в этом случае чаще берут на себя ответственность, чем мальчики. Это говорит о необходимости дифференцированной социально-педагогической стратегии в этом вопросе.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ СЕКСУАЛЬНОГО ДЕБЮТА

Является ли первая сексуальная связь началом более или менее стабильного партнерства или чем-то одноразовым, случайным? На этот вопрос нет однозначного ответа.

Прежде всего, изменился социальный контекст сексуального дебюта. Сексуальное поведение современных подростков и юношей ни субъективно (по их намерениям), ни объективно (по своим результатам) не является ни matrimониальным, ни репродуктивным. Оно рассматривается как самостоятельная ценность. Как пишет, опираясь на данные трех национальных опросов (американского, британского и французского) Юг Лагранж (Lagrange, 1998), изменения в сексуальном поведении послевоенных поколений связаны с совмещением двух тенденций – а) удлинением индивидуальной длительности перехода от сексуальных ласк к генитальной сексуальности и б) синхронизацией возраста первого коитуса в пределах каждого поколения. Вступление в генитальную сексуальность сегодня зависит прежде всего от возраста, когда молодые люди начинают негенитальные сексуальные обмены, это событие завершает долгий период флирта, начинающийся сразу же по окончании детства. Первый по-

ловой акт сегодня не подготовка к браку, как это часто бывало раньше, а как бы выполнение некоего нормативного обязательства, вроде получения аттестата зрелости.

Соответственно меняется как тип первого сексуального партнера, так и отношение к нему.

С одной стороны, налицо долгосрочная, начавшаяся уже в начале XX в., тенденция снижения удельного веса и роли коммерческого секса, проституции. Во Франции каждый десятый мужчина, родившийся до 1937 г., начинал половую жизнь с проституткой. Современные юноши этого практически не делают, предпочитая контакты с социально равными им женщинами. Проституция остается важным средством сексуального удовлетворения для взрослых мужчин, но она перестала быть институтом сексуальной инициации. Эта тенденция характерна для большинства европейских стран.

С другой стороны, само понятие «добрачной связи» сегодня значит не совсем то же самое, что 50 или 100 лет тому назад. В прошлом девушку чаще всего инициировал и дефлорировал ее будущий супруг, добрачная связь была подготовкой и предвестницей брака. Теперь такая практика стала сравнительно редкой.

Первым сексуальным партнером у женщин, как и у мужчин, все чаще становится случайный человек, связь с которым в дальнейшем не продолжается и не закрепляется. Эта первая связь не обязательно бывает безлюбовной, но она может быть и случайной.

Как и раньше, юноши и девушки испытывают при первом сексуальном контакте не совсем одинаковые чувства. У женщин сексуальный дебют гораздо чаще, чем у мужчин, сочетается или ассоциируется с влюбленностью. Факт влюбленности в своего первого партнера признали две трети финок и француженок, и только половина финнов и треть французов. В качестве главного мотива первой сексуальной связи «страстную любовь» назвали 33 % французских мужчин и 64 % женщин, «легкую влюбленность» – соответственно 27 % и 34 %, вообще без любви сошлись 49 % мужчин и 33 % женщин (Spira et al., 1993).

Эмоциональная окрашенность первых сексуальных контактов юношей и девушек сильно зависит от их возраста. Чем младше юноша в момент своего сексуального дебюта, тем безлюбовнее и прозаичнее это событие. По немецким данным (Bardleben et al., 1995), у большинства мальчиков и юношей моложе 17 лет первые сексуальные связи остаются краткосрочными, часто однократными, долгосрочными партнерскими отношениями они сменяются лишь к 19 годам. У девушек же уже с 14 лет преобладают более стабильные партнерские отношения и, во всяком случае, стремление к таковым.

Несмотря на то, что сексуальность свободно обсуждается в подростковой среде и даже на наличие школьного сексуального просвещения,

первый половой акт часто оказывается для подростков спонтанным и неожиданным. По данным немецкого национального опроса 14-17-летних школьников, «полной неожиданностью» он оказался для 22 % девочек и 33 % мальчиков (Youth sexuality 1998). Заранее планировали это событие только 33 % девочек и 28 % мальчиков. При этом в младших возрастах, вопреки традиции, сексуальное сближение часто инициируют не мальчики, а девочки.

У большинства подростков (64 % девочек и 40 % мальчиков) первая близость была с постоянным бой/герл-френдом. Однако у 7 % девочек и у 19 % мальчиков первым сексуальным партнером оказался случайный знакомый (ая), а у 2 % девочек и 7 % мальчиков – и вовсе посторонний человек. Чаще всего (15 % девочек и 35 % мальчиков) с посторонними и малознакомыми людьми дебютируют те, кто начинает сексуальную жизнь рано, в 14 лет и моложе.

В отношении общего числа сексуальных партнеров традиционные гендерные различия в основном сохраняются, но не всегда и в меньшей степени.

Тем не менее и здесь налицо гендерные сдвиги. Если раньше инициатива сексуального сближения считалась мужской привилегией (и обязанностью), то теперь наблюдается некоторое выравнивание позиций и установок. Однако степень этого «равенства» неодинакова в разных странах, социальных средах и возрастных группах. Например, если некоторые молодые финские мужчины (15 % среди 18-24-летних) готовы приветствовать рост женской сексуальной инициативы, то старшие мужчины этого определенно не одобряют.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СЕКСУАЛЬНЫМ ДЕБЮТОМ

Насколько удачен первый сексуальный опыт, оправдывает ли он ожидания подростков? Помимо индивидуальных особенностей, это сильно зависит от пола, возраста и воспитания.

Среди опрошенных в 1998 г. немецких школьников 70 % мальчиков и 55 % девочек оценили свой первый сексуальный опыт положительно («это было приятно»). Однако 18 % мальчиков и 16 % девочек не пережили при этом «ничего особенного», а 14 % девочек и 2 % мальчиков сказали, что это было им неприятно. Кроме того, 13 % девочек и 12 % мальчиков испытывали потом угрызения совести (Youth sexuality 1998).

Очень важным фактором удовлетворенности является возраст. Это ясно показывают результаты опроса 7400 шотландских школьников (средний возраст – 14,2 года) (Wight et al., 2000). Большинство сексоло-

гических опросов имеют дело со взрослыми людьми старше 18 лет, так что на их ретроспективную оценку накладывается последующий жизненный опыт. Этим же подросткам опрашивали, так сказать, по свежим следам. Первый гетеросексуальный опыт моложе 14 лет имели 18 % мальчиков и 15 % девочек, причем 60 % из них воспользовались в этом случае контрацепцией (какие воспитанные, умные дети!). Однако многие из них – 32 % девочек и 27 % мальчиков – считают, что это случилось слишком рано, а 13 % девочек и 5 % мальчиков – что это вообще не должно было случиться в их возрасте. При этом мальчики чаще всего сожалеют о том, что оказывали давление на своих подружек. У девочек причин для сожалений много и они более разнообразны – пережитое принуждение со стороны партнера, отсутствие предварительного планирования и подготовки, сложности в отношениях с родителями.

Значение возраста подчеркивает и опрос в 1993-94 гг. большой группы новозеландцев. Средний возраст сексуального дебюта в этой группе у юношей был 16, а у девушек – 17 лет. При этом 70 % девушек, переживших его младше 16 лет, сожалеют об этом событии и связывают его с внешним давлением (Dickson et al., 1998).

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЮНОШЕСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Самые важные из них – религия, социальное происхождение и уровень образования.

Более религиозные юноши и особенно девушки позже других вступают в сексуальные отношения и стараются увязать их с матримониальными намерениями. Однако их нравственные установки и реальное поведение сплошь и рядом не совпадают: молодые люди думают и говорят одно, а поступают иначе, нормы молодежной субкультуры перевешивают влияние родительской семьи и церкви.

Рабочие и выходцы из низших слоев общества начинают сексуальную жизнь раньше, чем выходцы из средних слоев. Так было и раньше. В пролетарской среде сексуальная мораль всегда была менее строгой, а социальный контроль за молодежью слабее, чем в буржуазной.

Молодые люди, получающие университетское образование, начинают сексуальную жизнь позже тех, чье образование ограничивается неполной средней или средней школой. Этому способствуют разные, не всегда совпадающие, факторы: а) более длительная социальная и материальная зависимость студентов от родителей, б) иное соотношение ценностей,

ориентация больше на профессиональную карьеру, чем на семью, и т.д. Однако зависимости эти весьма сложные, они требуют конкретного социологического анализа. Кроме того, необходимо учитывать соотношение разных форм сексуальной активности. Более поздний коитальный дебют, как правило, компенсируется у более образованных молодых людей более ранней и более интенсивной мастурбацией, перед которой они испытывают меньше страхов. Это требует системного анализа.

ОТНОШЕНИЕ К СЕКСУАЛЬНОСТИ И МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Общая тенденция развития за 50 лет – рост общественной терпимости и положительного отношения к подростковой сексуальности, как среди взрослых, так и среди самих подростков, причем, чем моложе респонденты, тем они терпимее. Эти различия являются не только возрастными (младшие либеральнее старших), но и когортными (более молодые поколения либеральнее старших). В 1971 г. в Финляндии сексуальные отношения между подростками сочли допустимыми, приемлемыми 38 % мужчин и 14 % женщин от 45 до 54 лет и 75 % и 59 % 18-24-летних. В 1992 г. на тот же вопрос положительно ответили 80 % и 91 % мужчин и 71 % и 91 % женщин соответствующего возраста (Kontula and Naavio-Mannila, 1994). Сами подростки тем более не видят в сексуальных отношениях ничего страшного или запретного.

За поведенческой статистикой стоят качественные, психологические сдвиги. Похоже на то, что сексуальный дебют, при всей его психологической значимости, постепенно утрачивает свое бывшее значение символического рубежа, акта превращения мальчика в мужчину. С одной стороны, половому акту предшествуют достаточно продвинутые, разнообразные и длительные генитальные ласки и игры. С другой стороны, поскольку секс как таковой стал значительно доступнее, многие юноши стремятся не только и не столько к сексу, сколько к более стабильным и психологически интимным парным отношениям. У девушек подобные установки были и раньше.

Растущая сексуальная терпимость не исключает наличия моральных проблем и ценностей. В 1996 г. немецкие студенты, как мужчины, так и женщины, придают значительно больше значения, чем в 1981 г., сексуальной верности и хотят иметь «долгое и верное партнерство». Женщины ценят это качество выше, чем мужчины, любовных приключений у них тоже несколько меньше, чем у мужчин.

Ту же тенденцию показывает и опрос немецких школьников в 1998 г. Одного сексуального партнера имели 48 % девочек и 33 % мальчиков, а свыше трех – 14 % и 22 %. Соответственно различаются и их нравственные установки: безусловной верности ожидают от партнера 78 % девочек и 59 % мальчиков. В целом мальчики допускают большую сексуальную свободу, 15 % из них вообще предпочитают иметь сексуальные отношения, не обремененные никакими другими чувствами и обязательствами. Это соответствует как обыденной практике, так и научным представлениям о большей экстенсивности и «экспериментальности» мужской и особенно подростковой сексуальности.

Если же говорить об исторических тенденциях, то похоже, что характерный для 1960-70-х годов бурный процесс «экстенсивизации» сексуальных отношений, т.е. замены постоянного партнерства случайными временными связями, к началу 1990-х годов остановился (как и снижение возраста сексуальной инициации).

Однако «конец сексуальной революции» вовсе не означает возврата к прежним формам институционализированной жесткой моногамии. Сегодняшние молодые женщины имеют больше краткосрочных, случайных связей, чем это было принято раньше (хотя у женщин таких связей все-таки меньше, чем у мужчин). Гунтер Шмидт (Schmidt, 1999) видит в этом новый этап развития так называемой серийной моногамии, когда человек живет только с одним сексуальным партнером, но таких постоянных партнеров на протяжении жизни у него бывает несколько, а не один, как предполагает идеальный образ пожизненного брака – «пока не разлучит вас смерть». Этот тип отношений описан в моих книгах, начиная с «Введения в сексологию» (1988).

Иными словами, сексуальные отношения молодых мужчин и женщин в последние 15-20 лет стали одновременно более моногамными (связь одновременно только с одним партнером) и более серийными (допускается сменяемость сексуальных партнеров на протяжении жизни). Это, безусловно создаст определенные социальные и этические проблемы, но уменьшает в обществе количество лицемерия и разрыв между нормативными установками и реальным поведением.

БРАКИ И СОЖИТЕЛЬСТВА

Во всех странах ЕС за последние 20 – 25 лет резко повысился удельный вес незарегистрированных партнерских отношений (сожителств), особенно в младших возрастных группах (16 – 29 лет). Больше всего сожителств в 1995 г. было зафиксировано в Дании, во Франции и в Великобритании, меньше всего – в странах южной Европы и в Ирландии.

Однако этот институт имеет разный социальный смысл. В одних странах (Австрия, Финляндия, Франция, Нидерланды, Великобритания) сожителства являются подготовительной, временной стадией брака, в других же (Швеция, Дания) чаще выступают как его альтернативная форма (Ditch et al., 1998)

Резко выросло за последнюю четверть века количество детей, рожденных вне брака по отношению к общей массе новорожденных. Минимальный прирост – в два с лишним раза (Австрия), максимальный – в 8,4 раза (Ирландия). Самый высокий показатель внебрачных рождений в 1995 г. был в Швеции (53 %) и Дании (46,5 %), самый низкий – в Греции (3 %). Любопытно, однако, что прирост на обоих полюсах с 1970 г. одинаков – приблизительно в 3 раза (Ditch et al., 1998).

Уменьшение стабильности брачных отношений проявляется также в росте числа разводов. Хотя их динамика в разных странах неодинакова, общий индекс разводимости в 1995 г. всюду выше, чем в 1970 (Ditch et al., 1998). Это опять-таки сдвиг в сторону серийной моногамии.

ПОДРОСТКОВАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ — ЭЛЕМЕНТ СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

История подростковой и юношеской сексуальности за последние 100 лет убедительно показывает, что ее нельзя рассматривать только в контексте молодежной субкультуры. Она составляет важный элемент общей сексуальной культуры общества и подчинена тем же самым закономерностям развития. Многие явления, которые на поверхностный взгляд кажутся возрастными, в действительности являются когортными. Их можно понять только в широком культурно-историческом контексте и в долгосрочной перспективе.

Финские исследователи, на основе сравнения данных о сексуальном поведении и установок двух репрезентативных национальных опросов 18-54-летних людей в 1971 (опрошено 2252 человека) и в 1992 г. (1718 человек), пришли к выводу о наличии трех разных сексуальных поколений: 1) поколение сексуального подавления, родившееся между 1917 и 1936 годами, 2) поколение сексуальной революции, рожденное между 1937 и 1956 годами, и 3) амбивалентное поколение, рожденное между 1957 и 1973 годами (Haavio-Mannila, Roos and Kontula, 1996). Поколение сексуального подавления придерживалось наиболее рестриктивных норм сексуальной морали, оно осуждало необычные и случайные сексуальные связи и на самом деле реже их практиковало. В поколении сексуальной революции ма-

ятник качнулся в противоположную сторону – это поколение является самым перmissive в своих установках и поведении. Напротив, младшее поколение выглядит скорее двойственным, амбивалентным: оно терпимо относится к необычным и случайным формам сексуальности, но в то же время более семейноориентировано и придаст больше значения супружеской верности. Тем не менее его собственное сексуальное поведение свободно. По сравнению с тем, что было 20 лет назад, члены этого поколения чаще имеют параллельные сексуальные связи и т.д.

Вопреки опасениям моралистов, это не приводит к оскудению и обеднению сексуальной жизни. Напротив, уровень сексуальной удовлетворенности этого поколения выше, чем у предыдущих. Финские данные показывают, что сексуально терпимая и нерелигиозная родительская семья, относительно раннее начало сексуальной жизни, высокий образовательный уровень, сексуальная настойчивость, высокая оценка значимости сексуальности, взаимные любовные чувства, использование эротических материалов, частые сношения и разнообразная сексуальная техника являются факторами, благоприятствующими сексуальной удовлетворенности (Naavio-Mannila and Kontula, 1997). Некоторые из этих параметров являются индивидуально-психологическими, другие же социокультурными.

ЮНОШЕСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В начале сексуальной революции 1960-х годов многие родители и педагоги, не говоря уже о священниках, были склонны приписывать юношеской сексуальности едва ли не все беды и несчастья. Раннее начало сексуальной жизни действительно коррелировало у подростков с плохой учебой, конфликтами с родителями, вовлечением в преступные группы, кражами, угоном автомашин, вандализмом, насилием, курением, пьянством, употреблением наркотиков (Miller and Simon, 1980, Vener and Stewart, 1974, Yamaguchi and Kandel, 1985).

Сама по себе сексуальная активность подростков не была причиной их антисоциального поведения, но за статистическими корреляциями прослеживались контуры такого типа молодежной субкультуры, когда и взрослое общество, и сами тинэйджеры видели в сексуальной жизни, курении, выпивке и баловстве с наркотиками знаки взросления, обретения самостоятельности и независимости от старших, прежде всего от родителей (Кон, 1988). Когда общество перестает табуировать юношескую сексуальность, начинает относиться к ней спокойно, помогая подросткам овладеть необходимыми для жизни знаниями, ее связь с девиантным по-

ведением ослабевает и даже вовсе исчезает. Именно это происходит в Западной Европе.

Сексуальность, перестав быть запретной, уже не связана с девиантным поведением (исключение составляют уличные шайки). Вследствие изменения родительских установок, подростковая сексуальность становится приемлемым сюжетом внутрисемейного общения, а терпимое отношение взрослых побуждает юношей и девушек принимать на себя большую ответственность за последствия своих поступков. Судя по имеющимся данным, сегодняшние юноши меньше зависят не только от родителей, которые вынуждены признать их независимость в этом вопросе, но и от собственных сексуальных импульсов и потенциального давления сверстников.

Что касается стиля подростковой сексуальности (число партнеров, степень агрессивности, склонность к проявлению насилия и т.д.), то он, по крайней мере, у мужчин, зависит, помимо субкультурных влияний, от индивидуальных психологических особенностей, в первую очередь – любви к новизне и риску, за которой, возможно, скрываются различия в уровне секреции тестостерона (Bogaert and Fisher, 1995, Zuckerman, 1994, Wills et al., 1998). Эти свойства являются, по-видимому, врожденными, конституциональными и отличаются устойчивостью.

Косвенным подтверждением этого может служить то, что по данным массовых национальных опросов (в частности, французского), более ранний сексуальный дебют коррелирует с большим числом сексуальных партнеров в последний год перед опросом (это верно для обоих полов), а также с более частыми сношениями за последний месяц. Ранние дебютанты имеют в дальнейшем более разнообразный сексуальный репертуар (например, чаще занимаются анальным сексом). Хотя нормативные установки «ранних» и «поздних» дебютантов практически не различаются, первые ведут более разнообразную сексуальную жизнь. Эта информация потенциально может иметь большое значение для сексуального просвещения и воспитания, подчеркивая необходимость его индивидуализации.

МАСТУРБАЦИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ

Первой формой проявления подростковой сексуальности, особенно у мужчин, издавна была мастурбация. За последние полвека она всюду стала более ранней и более массовой.

В 1971 г. 49 % финских женщин и 26 % мужчин сказали, что никогда не мастурбировали. В 1992 г. так ответили соответственно 23 % и 10 %. Близкие цифры получены в Швеции.

Заметно снизился и возраст первой мастурбации, особенно среди женщин. В 1996 г. медианный возраст первой мастурбации у шведских женщин был 15,6 лет, а у мужчин – 13,3 лет. При когортном сравнении, возраст первой мастурбации в группе 18-24-летних женщин по сравнению с 50 – 65-летними снизился на 6,9 лет, а у мужчин – на 1,2 лет (Helmius, 1998)

При опросе французских подростков от 15 до 18 лет (Lagrange et Lhomond, 1997) мастурбационный опыт имели 93 % мальчиков (средний возраст первой мастурбации коррелирует у них с ломкой голоса и пиком роста) и 45 % девочек. У двух третей мальчиков первая мастурбация предшествует первому поцелую и является первым явным знаком вступления в сексуальную жизнь. Подавляющее большинство девочек, напротив, начинают целоваться раньше, чем мастурбировать. Пик мастурбационной активности у мальчиков приходится на 15 лет, после чего частота ее постепенно снижается, у девушек она, наоборот, растет.

По данным опросов немецких студентов, в 1996 г. как мальчики, так и особенно девочки начинают мастурбировать значительно раньше, чем в 1980-х годах, не говоря уже о 1966 г. (Schmidt, 2000, Dekker, 1999). В последний год перед опросом в 1966 г. мастурбировали 77 %, в 1981 г. 80 % и в 1996 г. 94 % опрошенных студентов. У женщин соответствующие цифры составляют 37 %, 65 % и 74 %. Большинство девушек сегодня начинают мастурбировать до того, как вступают в первую половую связь (раньше так часто делали мальчики). Кроме того, и юноши и девушки мастурбируют сейчас значительно чаще, чем раньше, причем независимо от того, как часто они имеют коитальные отношения, являются ли они одинокими или состоят в стабильных партнерских отношениях и насколько они удовлетворены этими отношениями. То есть мастурбация, которую раньше считали чем-то вынужденным, дополнительным, теперь мирно сосуществует с партнерским сексом. Причем частота коитуса по мере привыкания партнеров друг к другу уменьшается, тогда как частота мастурбации остается более или менее стабильной. Мастурбация перестает быть «детским пороком», каким ее считали в средние века, и воспринимается как нормальная часть взрослой сексуальности.

Подробный анализ мастурбационной практики немецких студентов за последние 4 недели показывает, что между студентами, живущими в сексуально удовлетворительных отношениях, и теми, у которых нет постоянного партнера, есть небольшая разница, но лишь меньшинство опрошенных считает нужным оправдывать свою мастурбацию отсутствием партнерского секса. Четыре пятых прямо говорят, что мастурбация – самостоятельная форма сексуального удовлетворения, наряду с партнерским сексом. Такие данные получены впервые. Более того, студенты, имеющие партнеров, оценивают мастурбацию несколько более положительно, чем одинокие, для которых она вынужденна.

Это значит, что мастурбационная тревожность и чувство вины по этому поводу, отравлявшие жизнь многим поколениям мужчин и женщин, постепенно отходят в прошлое. Причем если большая часть других сдвигов в гетеросексуальном поведении падает на период между 1966 и 1981 гг., то изменение отношения к мастурбации произошло за последние 15 лет.

Сходная картина наблюдается и в других странах. Во французском национальном опросе 67 % мужчин и 72 % женщин сказали, что никогда не испытывают по поводу своей мастурбации чувства вины, среди 18-19-летних мужчин так сказали 82 % (Spira et al, 1993).

Тем не менее для некоторых людей, особенно подростков, вопрос о мастурбации все еще остается деликатным. Тинейджеры предпочитают не отвечать на него или отрицать наличие мастурбационного опыта, который сравнительно легко ретроспективно признают взрослые (Halpern et al, 2000). Авторы британского национального опроса даже не решились спросить о нем своих респондентов. Во всех остальных больших опросах он присутствует, чаще всего – в классической формулировке Кинзи: «В каком возрасте вы первый раз занимались мастурбацией?» Ответы на него могут показывать как реальные поведенческие различия, так и неодинаковую степень откровенности.

Например, при сравнении сексуального опыта 15-летних финских и эстонских школьников, юные финны по большинству пунктов оказались искушеннее своих эстонских ровесников, но самая большая разница обнаружилась в уровне мастурбации. Наличие мастурбационного опыта признали 59 % финских мальчиков и только 15 % эстонских; у девочек соответствующие цифры – 40 % и 6 % (Papp, Kontula, Kosunen, 1997). Вполне возможно, что эстонские подростки действительно мастурбируют меньше финских, но вряд ли эта разница настолько велика. Скорее всего, эстонские подростки просто стесняются сказать правду.

ГОМОСЕКСУАЛЬНОСТЬ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ

Проблемы подростковой и юношеской гомосексуальности я подробно обсуждал в книге «Лунный свет на заре» (1998) и ряде других работ. Нет смысла повторять это здесь.

Наиболее общие тенденции развития за последние 30 лет:

- 1) рост терпимости к однополый любви, особенно среди более молодых (18-24 года) и более образованных людей,
- 2) увеличение числа мужчин и особенно женщин, которые признают, что они испытывали сексуально-эротическое влечение к лицам собственного пола, чаще всего это бывает в юности,

3) однако это не сопровождается ни увеличением числа гомосексуальных контактов (в момент опроса или на протяжении жизни), ни ростом числа людей, считающих себя гомо- или бисексуалами. Увеличения числа или удельного веса гомосексуалов нет почти нигде. Исключительные гомосексуалы всюду составляют незначительное меньшинство населения (Sandfort, 1998).

В репрезентативных национальных опросах, респондентами которых обычно бывают люди старше 18 лет, данных о подростковой гомосексуальности недостаточно, их приходится дополнять специальными обследованиями подростков и гомосексуалов. Кроме того, многим подросткам и юношам трудно однозначно определить свою сексуальную ориентацию и разграничить сексуально-эротические чувства от дружеских.

Из опрошенных в 1987-1991 гг. 1000 английских гомосексуалов (Davies et al., 1994) 22 % еще до 10 лет подозревали, что сексуально отличаются от других мужчин, к 20 годам почти все имели такое подозрение; однако уверен в этом до 10 лет был только каждый десятый, а к 20 годам – 86 %. Четверть из этих мужчин вступили в гомосексуальные контакты еще до того, как заподозрили свою особенность, но две трети сделали это лишь после того, как убедились в своей гомосексуальности.

Восточногерманские мальчики начала 1990-х годов начинали подозревать о своей гомосексуальности в среднем около 16 лет. Однако 19 % эта мысль приходила в голову еще до наступления 12 лет, 46 % – между 13 и 16 годами, а 14 % – только после 21 года (Starke, 1994). Это зависит, с одной стороны, от темпов индивидуального полового созревания и силы либидо, а с другой – от уровня образования: более образованные юноши из интеллигентской среды отстают от рабочих почти на два года. Уверенность в своей гомосексуальности приходит к мужчинам в среднем лишь около 20 лет: у 14 % в 15-16, у 19 % – в 17-18, у остальных гораздо позже. Снова бросаются в глаза социально-образовательные различия: юноши с высшим образованием завершают свое сексуальное самоопределение значительно позже: 64 % из них обретаю уверенность лишь после 21 года, среди рабочих так долго сомневаются 42 %. Видимо, дело в разной степени готовности принять жизнь такой, как она есть.

Гомоэротические чувства и влечения подростков далеко не всегда реализуются. В британском национальном опросе наличие влечения к людям собственного пола признали 6,6 % 16 – 24-летних мужчин и 5,1 % женщин, практический же гомосексуальный опыт признали только 2,6 % и 1,4 % опрошенных (Wellings et al., 1994).

Во французском национальном опросе гомоэротическое влечение признали 3,9 % 18-19-летних юношей и 5,2 % девушек (Spira et al., 1993). При непосредственном опросе 15-18 летних французов соответствующие цифры составили 5,8 % и 6,4 % (Lagrange et Lhomond, 1997). Однако среди подростков, испытывающих влечение к лицам собственного пола, исклю-

чительным или преобладающим оно является лишь у 25 % мальчиков и 10 % девочек, причем с возрастом, от 15 к 17 годам оно ослабевает. Наличие практического гомосексуального опыта признали только 1,4 % мальчиков и 1,3 % девочек (в национальном опросе 18-19-летних – 1,1 % и 1,4 %).

Даже те подростки, которые охотно сексуально экспериментируют со сверстниками собственного пола, не склонны идентифицировать себя в качестве геев или лесбиянок. Сексуальная идентичность – явление гораздо более сложное, чем сексуальное поведение или воображение.

Хотя почти 25 % немецких юношей и девушек начала 1990-х годов (Bardleben, 1995) имели какой-то гомоэротический опыт, подавляющее большинство их считают себя гетеросексуалами; лишь 3,5 % юношей назвали себя бисексуалами, 0,5 % – преимущественно гомосексуалами и 0,3 % – гомосексуалами; у девушек соответствующие цифры – 2,6 %, 0,3 % и 0,3 %. С возрастом сексуальная ориентация становится более определенной. Доля юношей, считающих себя исключительно гетеросексуалами, увеличивается с 80,5 % среди 14-15-летних до 89,6 % у 19-24-летних, тогда как доля бисексуалов уменьшается у юношей с 10,6 % до 2,1 %, а у девушек – с 4,6 % до 2,8 %. «Гомосексуалами» юноши начинают называть себя только после 18 лет, да и то лишь 0,5 % подвыборки.

Парадоксальные, на первый взгляд, результаты получены при опросе немецких студентов. Уровень терпимости к однополым сексуальным отношениям за последние 30 лет резко вырос. В 1966 г. их считали допустимыми 37 %, в 1981 г. – 84 % и в 1996 г. – 91 % 20-30-летних мужчин и 40 %, 92 % и 94 % женщин этого возраста. Люди стали чаще признаваться в том, что им случалось испытывать влечение к лицам собственного пола. В 1966 г. 88 % мужчин и 82 % женщин сказали, что никогда не испытывали таких чувств, а в 1996 г. – соответственно 68 % и 44 %. Напротив, подростковое гомосексуальное экспериментирование стало значительно более редким. В 1966 и 1981 гг. гомосексуальные контакты в юности (до 17 лет) имели 18 % опрошенных, а в 1996 – только 7 %.

По мнению Г.Шмидта, это объясняется именно тем, что гомосексуальность стала видимой и слышимой. Раньше подростки играли в гомосексуальные игры «просто так», не придавая им особого значения. Теперь это поведение стало более проблематичным и знаковым, поэтому юноши, которые еще не определились относительно своей сексуальной ориентации, предпочитают его избегать. «Исключительно» или «преимущественно» гомосексуальными в 1996 г. признали себя 4 % мужчин и 0,9 % женщин. Иными словами, «нормализация» однополый любви существенно облегчает жизнь людей, которые по тем или иным причинам к ней предрасположены, но вовсе не означает «гомосексуализации» общества или молодежи.

Среди факторов, способствующих развитию подросткового гомоэротизма, известную роль играет гендерная сегрегация. Среди обследован-

ных в начале 1960-х учащихся английских школ-интернатов наличие гомосексуальных контактов признали 44 % и собственное участие в них – 28 % мальчиков; среди учащихся дневных школ соответствующие цифры составляют 18 % и 3 % (Schofield, 1965). В начале 1990-х годов, англичане, учившиеся в закрытых школах, имели в 2,5 раза больше гомосексуального опыта и в 3 раза больше генитальных контактов с мужчинами, чем учащиеся смешанных школ; свыше одного гомосексуального партнера имели в 3 раза больше мужчин из первой группы. В менее выраженной форме это типично и для женщин (Wellings, 1994). Однако существенного влияния на сексуальную ориентацию взрослых этот ранний опыт не оказывает (учащиеся смешанных школ и школ-интернатов по этому признаку не различаются).

Судя по выборочным ретроспективным исследованиям, юные геи и лесбиянки нередко опережают своих «натуральных» ровесников по ряду показателей психосексуального развития. Восточногерманские гомосексуалы свое первое семяизвержение и первый оргазм (60 % – при мастурбации) пережили на год раньше своих «натуральных» сверстников. Средний возраст начала мастурбации у них 12,7 года, почти на год раньше гетеросексуальных мальчиков (13,5 года). 25 % начали мастурбировать до одиннадцати лет, 21 % в двенадцать, 23 % – в тринадцать, 17 % – в четырнадцать и 14 % – в пятнадцать лет (Starke, 1994). Зато «взрослую» сексуальную жизнь геи начинают значительно позже. 33 % имели первую гомосексуальную связь с ровесником, 15 % – с женщиной старше на 2-4 года, 36 % – с партнером старше на 4 и больше года и 16 % – с младшим.

Средний возраст первого гомосексуального опыта английских мужчин-гомосексуалов в 1987-1991 гг. – 15,7 года, средняя разница с первым партнером – один год. У 40 % это был ровесник, у 60 % – юноша на 1-2 года старше или моложе, только 20 % начали половую жизнь с женщиной на 10 лет старше себя. (Davies et al., 1994).

Либерализация общественной морали облегчает юным геям и лесбиянкам принятие себя и «выход из чулана». Но даже в самых благоприятных условиях этот процесс сопряжен с социально-психологическими трудностями, вызывая мучительное чувство одиночества, депрессии и повышенную склонность к самоубийствам (см. Кон, 1999)

БЕЗОПАСНЫЙ СЕКС

Либерализация сексуальной морали и рост подростковой сексуальной активности в условиях, когда молодые люди не имели адекватной сексуальной информации, повсеместно сопровождались социальными и эпи-

демиологическими издержками – увеличением числа незапланированных зачатий и беременностей, ростом ЗППП, к которым в 1980-х гг. присоединился ВИЧ, и т.п. Консервативные круги использовали эти трудности, особенно эпидемию ВИЧ, для развертывания антисексуальной истерии и призывов вернуться к полумифическому «целомудренному прошлому». Никаких положительных результатов это не дало.

В результате профессиональное сообщество ученых, а затем и общественное мнение стали склоняться в сторону стратегии **нормализации**, то есть принятия как взрослой, так и подростковой сексуальности в качестве нормальных, закономерных явлений, которые не подлежат запрету, а нуждаются только в профессиональной помощи для избежания нежелательных и опасных последствий. Главным фактором социальной политики стало сексуальное просвещение.

Эта новая, перmissive стратегия оказалась значительно более эффективной. Систематическое сравнение статистических показателей динамики подростковых беременностей, абортов, ЗППП и изнасилований показывает, что в терпимых, перmissive странах (скандинавские страны, Нидерланды), дело обстоит гораздо лучше, чем в тех, где больше уповают на запреты и ограничения, как, например, в США. В 1996 г. число абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста в Нидерландах составляло 6,5, а в США – 22,9 (David, 1999). Исследователи объясняют успех Нидерландов превосходной программой сексуального просвещения и тем, что социальная политика государства совпадает с личными установками людей.

Это верно и относительно подростков. Хотя раскованная юношеская сексуальность часто бывает рискованной, за последние десятилетия значительно повысилась контрацептивная культура. По сравнению с 1970 годами в Европе уменьшилась доля молодых людей, не пользующихся контрацепцией при первом сношении. Резко улучшились показатели по ЗППП и заражению ВИЧ-инфекцией.

Ослабление сексистских стереотипов массового сознания и традиционных идеалов «крутой» маскулинности способствует переориентации подростковой сексуальности с модели «завоевания» женщины мужчиной на модель коммуникации, переговоров и взаимного согласия (Rademakers, 1997). Это уменьшает распространенность сексуального насилия. Тем не менее, оно существует. 15,4 % французских девушек и 2,3 % юношей от 15 до 18 лет сказали, что испытали какое-то сексуальное принуждение, а у 4,7 % девочек и 0,3 % мальчиков вынужденным был первый половой акт (Lagrange et Lhomond). Близкие цифры дает и американское национальное исследование (Laumann et al., 1994). Зато в Норвегии, где женское равноправие имеет более глубокие корни, среди опрошенных 16 – 20-летних пережили свой сексуальный дебют «под нажимом» только 2,7 % девушек и ни один юноша (Traeen and Kvaalem, 1996).

ИСТОЧНИКИ И ХАРАКТЕР СЕКСУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Противники школьного сексуального просвещения считают, что это — дело родительской семьи. На самом деле, так никогда и нигде не было. «В первобытных обществах, где функции четко распределены, подготовкой подростков к половой жизни также занимались не родители, а кто-то из старших членов рода, специально облеченный этими обязанностями. Информация столь интимного свойства, если ее сообщает близкий человек, создает напряженное эмоционально-эротическое поле, в котором неловко чувствуют себя и родители, и дети. Не только родители чувствуют себя неуютно при разговорах на половые темы, но и подростки предпочитают получать эту информацию каким-то иным путем, беседа с родителями на эти темы их смущает и шокирует» (Кон, 1979, с. 137).

В современном обществе семейный разговор на «сексуальные» темы стал культурно и психологически более приемлемым, чем раньше. Однако сравнительные исследования показывают, что независимо от степени терпимости и просвещенности родителей современные подростки больше ориентируются на нормы собственного поколения.

На конференции в Амстердаме «Sexuality beyond boundaries» (1997) американская исследовательница Ami Shalet рассказывала, что она опросила небольшую группу американских и голландских родителей, имеющих детей-тинейджеров, об их отношении к сексуальности. Небо и земля! Для американских родителей подростковый секс — следствие «бушующих гормонов», приносящих всевозможные ужасы, от которых детей надо всячески оберегать. Голландские родители относятся ко всему спокойно и готовы согласиться даже с тем, чтобы шестнадцатилетние мальчик и девочка спали в одной комнате в родительском доме, единственное требование — чтобы секс был безопасным. Счастливые юные голландцы, свободные от родительской опеки? Не совсем так.

Янита Равенслут, опросившая большую группу голландских родителей и их детей, нашла, что хотя голландские родители думают, что они достаточно терпимы и часто говорят с детьми на интимные темы, их дети этого мнения не разделяют. Больше того — они и не нуждаются в родительской опеке. Необходимые сведения о сексуальности голландские подростки получают в школе и из специальной литературы, а свои интимные проблемы предпочитают обсуждать с друзьями и решать самостоятельно: «Спасибо, мама (папы в эти дела обычно не встречаются), но в этом я разберусь сам (сама)». Конфликтов с родителями тут действительно меньше, но не за счет лучшего понимания, а за счет большей автономии. Так же относятся к этой проблеме и 15-18 летние французы.

Короче говоря, хотя уровень родительского авторитета и контроля за сексуальным поведением подростков в разных странах неодинаков, родительская семья нигде не является ключевым каналом сексуального просвещения, и это не рассматривается как катастрофа. Родительская семья – важный фактор нравственного и эмоционального воспитания детей, но собственно сексуального просвещения, как и всякого иного образования, она не даст и дать не может. Это делают другие социальные институты – общество сверстников, средства массовой информации, но прежде всего – школа.

Интересны в этом плане данные опроса, проведенного в 1998 г. Германским центром по сексуальному просвещению (Youth sexuality, 1998). В целом роль родительской семьи для немецких подростков выше, чем в некоторых других странах (возможно, сказываются и особенности проведения данного опроса). В качестве важнейшего источника сексуальной информации родительскую семью назвали 69 % опрошенных мальчиков и 43 % девочек. Но говорит на эти темы преимущественно мать. Отца упомянули только 33 % мальчиков и 13 % девочек, учителя – 34 % и 29 %. А 25 % мальчиков и 11 % девочек сказали, что они ни с кем не могут обсуждать вопросы секса.

В семьях с более образованными родителями подростки получают больше информации. Однако с возрастом предпочитаемые подростками источники информации меняются, причем они хотели бы получать больше информации из внесемейных источников. Среди 14-летних мальчиков 30 % назвали предпочитаемым источником информации мать, а среди 17-летних – 22 %; отца назвали соответственно 30 % и 16 %. У девочек желание обсуждать эти вопросы с матерью уменьшается с 49 % в 14 лет до 30 % в 17 лет, а с отцом – с 7 % до 4 %. При этом сексуально искушенные подростки склонны меньше доверять родителям и чаще предпочитают обращаться в консультативные центры.

Многие важнейшие проблемы сексуальности из разговоров родителей с детьми практически выпадают. Хотя, по их собственным словам, на сексуальные темы с дочерьми говорили 72 %, а с сыновьями – 55 % родителей, они предпочитают говорить с детьми скорее о ценностных, нравственных аспектах сексуальности, чем о сексуальной технике и о связанных с сексом опасностях. Довольно многие родители не уверены в эффективности своего воспитания и хотят, чтобы сексуальным просвещением занималась также и школа.

В последние годы в Германии в этом отношении достигнуты определенные успехи. Какую-то форму сексуального просвещения в школе получили 87 % опрошенных девочек и 83 % мальчиков, причем 69 % девочек и 70 % мальчиков считают школьные курсы важным источником информации.

Однако качество школьного, как и семейного, сексуального просвещения оставляет желать лучшего. Хотя 75 % опрошенных девочек и 80 % мальчиков считают, что располагают достаточной сексуальной информа-

цией, на контрольные вопросы (например, в какой стадии менструального цикла зачатие наиболее вероятно) многие девочки и особенно мальчики ответить либо вовсе не могли, либо отвечали неправильно.

Сексуальное просвещение, как и всякое образование, создает определенные нормативные ограничения и самоограничения. Существующие в большинстве западноевропейских стран школьные курсы сексуального просвещения не ослабляют подростковых сексуальных желаний, но они несколько отсрочивают сексуальный дебют и, самое главное, делают его более безопасным. В частности, эти курсы значительно повышают вероятность использования контрацепции уже при «первом разе». Из опрошенных в 1998 г. юных немцев не воспользовались контрацепцией «при первом опыте» только 11 % девочек и 12 % мальчиков, значительно меньше, чем в прошлые годы. Наибольшей популярностью у подростков пользуется презерватив (его использовали при сексуальном дебюте 68 % девочек и 55 % мальчиков). В дальнейшем, по мере накопления сексуального опыта, немецкие подростки начинают пользоваться презервативами регулярно, хотя не все и не всегда.

Сравнение опыта Великобритании и Нидерландов (Ingham and van Zessen, 1998) показывает, что школьное сексуальное просвещение является одним из главных факторов социального благополучия в этой сфере жизни, но для этого оно должно начинаться задолго до того, как подростки вступают в сексуальные отношения. С этим мнением согласны практически все европейские и американские специалисты: «Сексуальное образование должно начинаться рано, до того, как ученики начнут свои сексуальные карьеры, чтобы дать им шанс подготовиться к этому ключевому жизненному переходу. Поэтому необходимо нацелить его на младшие возрастные группы, 12-ти или 13-летних, а не на 15-ти или 16-летних» (Vozon and Kontula, 1998, p.63)

ЧТО МОЖЕТ И ЧЕГО НЕ МОЖЕТ СЕКСУАЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ?

Когда сексуальное просвещение на Западе только начиналось, оно всюду вызывало жаркие споры, на его счет существовало множество необоснованных страхов и столько же беспочвенных упований. Клерикалы и консерваторы были непоколебимо уверены в том, что любая сексуальная информация развращает подростков, повышает их сексуальную активность, увеличивает количество добрых связей, беременностей и прочих ужасов. Радикалы столь же категорически утверждали, что стоит только ввести

половое просвещение, как все проблемы подростковой, да и взрослой сексуальности исчезнут, никто никого не будет насиловать, девушки будут строго следовать принципу «умри, но не давай поцелуй без любви», а в браках воцарится небывалая сексуальная и прочая гармония.

Реальный педагогический опыт безоговорочно рассеивает как иррациональные страхи, так и завышенные ожидания (см. Кон, 1997).

Прежде всего были рассеяны опасения учителей и родителей, что школьное сексуальное просвещение будет поощрять подростков к более раннему сексуальному дебюту. В 1993 г. по заказу Всемирной организации здравоохранения, группа ученых проанализировала, как разные программы сексуального просвещения влияют на сексуальное поведение школьников. (Baldo, Aggleton, Slutkin; D.Kirby et al., 1994). Оказалось, что ни одна из действующих программ не способствует ускорению начала сексуальной жизни учащихся: школьный курс либо отсрочивает начало половой жизни, либо делает ее более упорядоченной. Сексуально активные школьники, прошедшие соответствующий курс, поступают менее рискованно, чем их менее образованные сверстники. При этом программы, которые не просто призывали подростков не спешить с началом половой жизни, но и обучали их правилам безопасного секса, значительно эффективнее тех, которые пропагандировали только сексуальное воздержание. Самыми успешными являются программы, которые а) начинаются раньше, чем школьники вступают в половые отношения, и б) вооружают учащихся не только знаниями (анатомия и физиология репродуктивной системы, сведения о контрацепции и т.п.), но и психологическими навыками и социально-нравственными нормами (как нужно поступать в критических ситуациях, как сопротивляться нажиму сверстников и т.п.)

Сексуальное просвещение не делает сексуально-эротические установки и ценности подростков единообразными, соответствующими желаниям и нормативным ожиданиям старших. Рецептов всеобщего сексуального счастья и благополучия вообще нет и быть не может. Сексуальное просвещение – не черная и не белая магия, глупо ждать от него чудес. Тем не менее оно полезно и эффективно.

1) Дети и подростки, прошедшие систематический курс сексуального просвещения, больше знают о сексуальности, и их знания более достоверны.

2) Это не снимает проблем и трудностей психосексуального развития, но облегчает разрешение возникающих при этом конфликтов.

3) Знание облегчает понимание и терпимость к чужим взглядам и поведению, что весьма ценно как в личном, так и общественном плане.

4) Если курс сексуального просвещения включает сведения о контрацепции и преподается достаточно рано, он резко уменьшает количество подростковых беременностей и абортов.

5) Почти все современные программы сексуального просвещения включают в себя, наряду с научной сексологической информацией, об-

суждение нравственно-психологических вопросов, с которыми сталкиваются подростки и их родители. Школьники охотно посещают эти интерактивные занятия.

Кроме своих непосредственных результатов, состоящих в том, что оно делает подростковый секс более цивилизованным и безопасным (для самого подростка и для других людей), сексуальное просвещение имеет также долгосрочный, исторический эффект: люди, получившие в детстве хорошее сексуальное воспитание, не только сами живут лучше, но и передают свои знания и навыки детям, что уменьшает напряженность в отношениях между родителями и детьми и способствует общему росту социальной терпимости и культуры.

Сексуальная нетерпимость и сопутствующая ей агрессивность не только отражает общий дух социальной нетерпимости, но и является одной из ее причин. Не случайно среди противников сексуального просвещения преобладают люди а) страдающие от собственной психосексуальной скованности, б) менее образованные и в) политически консервативные. Противники сексуального просвещения, как правило, выступают не только против него, но и против женского равноправия, признания гражданских прав сексуальных и этнических меньшинств, за запрещение аборт, сохранение смертной казни, телесных наказаний и т.д. Отношение к сексуальному просвещению, как ни важно оно само по себе, – только лакмусовая бумажка или, если угодно, верхушка огромного социально-политического айсберга, подводная часть которого значительно больше и опаснее видимой.

По причинам, изложенным во введении к этой книге, мне не удалось проанализировать, как конкретно поставлено сексуальное просвещение в различных странах и как при этом взаимодействуют школа, семья, медицинские учреждения, государственные и общинные институты и средства массовой информации. Картина эта сложная и в высшей степени пестрая. Однако специалистам ясно, что ни один отдельно взятый социальный институт, без координации причем не административно-бюрократической, а творческой, своих усилий с деятельностью всех других институтов со своими задачами не справится.

Особенно большое значение придается в этом плане Интернету, в котором современные подростки проводят все больше времени. Интересен, например, опыт работы Германского федерального центра медицинского просвещения, Bundeszentrale fuer gesundheit Aufklaerung (DzG A), который находится в Кельне и отвечает за сексуальное просвещение всего населения Германии. Я уже цитировал его отчет о сексуальном поведении 14-17-летних школьников, основанный на опросе 2500 юношей и девушек из обеих частей Германии и такого же числа интервью с их родителями. Этот национальный опрос – уже четвертый (предыдущие проводились в 1980, 1994 и 1996 годах).

Однако это не главная работа Центра. Он издает и бесплатно по первой же просьбе рассылает всем желающим прекрасно изданные научно-популярные книги и методические пособия, с учетом этнокультурных различий разных групп населения (например, турок, чья традиционная культура отличается от немецкой). Абсолютно все его издания и материалы представлены в Интернете, причем не только на немецком, но и на английском языке. Существует особая консультативная служба для подростков. На сайте <http://www.loveline.de> размещен отличный сексологический словарь для подростков. А эта служба в Германии – не единственная. Немецкий подросток, у которого возникли какие-то сексуальные тревоги, может совершенно бесплатно и анонимно, не «засвечиваясь», получить по Интернету грамотный ответ на любые свои вопросы, а в случае необходимости – продолжить разговор лично со специалистом.

А ведь Германия далеко не так либеральна, как Голландия, где сексуальное просвещение начинается уже в начальных классах и где социальная статистика по «опасному» сексу – самая лучшая в Европе.

Большой положительный опыт сексуального просвещения молодежи и подростков имеет соседняя Финляндия, причем финские специалисты охотно делятся своим опытом с российскими коллегами (Косунен и Римпела, 1997)

Сексологи из клиники сексуального здоровья Финской федерации семьи провели через Интернет опрос 1735 13-18 летних девушек. Главными источниками знаний о сексуальности 35 % назвали школу, 25 % – журналы, 12 % – друзей и только 5 % – родителей. 60 % опрошенных еще не имели коитального опыта. По мнению девочек, их отношения с мальчиками основываются прежде всего на любовных чувствах. От первого коитуса они ждут положительных эмоций. 72 % девственниц ждут, что первый опыт будет романтическим и сексуально успешным, однако 28 % опасаются боли и других неприятностей. Среди тех, кто уже имеет этот опыт, 66 % оценивают его вполне положительно. Только 10 % сказали, что было больно, 9 % – что это было бессмысленно, 6 % – что было плохо и 8 % сожалеют об этом. 83 % девушек были влюблены в первого партнера, но 3 % сказали, что испытали сексуальное принуждение. В 29 % случаев инициатива принадлежала мальчику, в 9 % – девочке, в 42 % – обоим и 20 % это «просто случилось». 75 % девочек воспользовались презервативом, никакой контрацепции не использовали 14 %. 97 % девушек считают, что за контрацепцию отвечают оба партнера. (Korteniemi-Poikela et al., 2000)

Там же описывается опыт сексуального просвещения девочек от 7 до 14 лет (Saarelainen, 2000). Для подростков (девушки до 18, мальчики до 20 лет) с 1988 г. существует бесплатная консультативная служба – «Открытый дом», которую финансирует Ассоциация игровых автоматов. В 1999 г. его посетили 1095 девушек и 37 мальчиков. Мальчики чаще поль-

зуются анонимными телефонными службами и электронной почтой, которые тоже общедоступны (Bildjuschkin et al., 2000)

В отличие от РАПС, Финскую федерацию семьи в развращении детей никто не обвиняет и к суду не привлекает. НАТОвские спецслужбы в этом деле тоже не замечены.

Бывшая советская Эстония тоже встала на опасный путь. В Таллинне и Тарту существует специальная консультативная служба для мальчиков, причем не только на эстонском, но и на русском языке. Кроме того, для подростков есть специальный вебсайт, который в 1999 г. посетили 32 000 человек. Больше половины вопросов задали мальчики, в том числе о мастурбации – 30 %, преждевременной эякуляции – 20 %, венболезнях – 15 %, гениталиях – 10 %, женском оргазме – 10 % (Poolamets, 2000).

Кроме национальных организаций, сексуальным просвещением занимаются многочисленные международные организации. Совершенно случайно я нашел в Интернете сайт <http://www.europeer.lu.se/html>, где представлена международная ассоциация AIDS peer education, с центром в Швеции, в которой участвуют 14 стран и которая активно вовлекает самих подростков в профилактику страшной эпидемии. Хорошо представлен в Интернете американский SIECUS. Было бы желание и деньги на оплату Интернета, а международный опыт сегодня всем доступен.

Разумеется, я не хочу сказать, что во всех европейских странах сексуальное просвещение поставлено хорошо. Помимо содержательных и методических трудностей, оно находится под постоянным прессом со стороны консервативных сил, прежде всего – католической церкви. Сегодня уже почти никто не требует отменить и запретить сексуальное просвещение, но его хотят сделать менее откровенным и подчинить, насколько это возможно, религиозным ценностям. Это не всегда делается грубо и прямолинейно.

Католическая церковь стала заниматься сексуальным воспитанием и образованием своей паствы задолго до того, как это пришло в голову государственным учреждениям. Помню свое удивление, когда в 1970-х годах я увидел в римских церквях и польских костелах объявления и программы учебных курсов на эти темы. В СССР это было тогда абсолютно невозможно, КПСС была святее папы Римского. Другое дело – качество церковного сексуального образования. Учитывая отрицательное отношение католической церкви к контрацепции, оно просто не может быть удовлетворительным.

Однако в целом можно сказать, что западноевропейские страны и их правительства (которые нередко консервативнее своих народов), столкнувшись с последствиями сексуальной революции, воленс-ноленс были вынуждены их осмыслить, принять объективные тенденции общественного развития и выработать соответствующую конструктивную социальную политику.

В России происходит нечто прямо противоположное.

ПОДРОСТКОВАЯ И ЮНОШЕСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ В РОССИИ

Достоверно ответить на вопросы о долгосрочной динамике сексуальной жизни россиян вообще и подростков в особенности очень трудно, потому что исследований такого рода советская власть не поощряла и не разрешала.

Немногочисленные научные исследования, лучшими из которых были работы моего бывшего аспиранта С.И.Голода, все являются выборочными и распределены крайне неравномерно: о студентах мы знаем значительно больше, чем о рабочих, о жителях больших городов – неизмеримо больше, чем о сельчанах. Опросы, проводившиеся педагогами и врачами, часто сделаны социологически некорректно, особенно выборка респондентов, а их инструментарий (вопросники, тесты и т.п.) не подвергался предварительной проверке на достоверность. К тому же из-за дефицита бумаги и недостатка средств ни одно даже самое лучшее отечественное исследование сексуального поведения и установок **никогда** не было опубликовано полностью и в надлежащей научной форме, то есть со всеми вопросниками, таблицами, статистическими выкладками и т.д. В подавляющем большинстве случаев публикуются краткие итоговые результаты, которым вы можете верить или не верить в зависимости от ваших собственных представлений о предмете и о профессиональной репутации авторов.

Впрочем, многие из перечисленных недостатков характерны и для западных исследований недавнего прошлого. Сами исследователи критикуют их гораздо глубже, чем их противники.

Однако, несмотря на недостаток фактических данных, можно с уверенностью сказать, что главные долгосрочные тенденции сексуального поведения россиян уже в 1960-70-х годах были принципиально теми же, что и странах Запада, и имели те же самые глубинные причины.

Первая из этих тенденций – снижение среднего возраста начала сексуальной жизни.

Когортная динамика возраста сексуального дебюта ленинградских студентов по обобщенным данным С.И.Голода (каждая подвыборка состоит из 500 студентов обоего пола из разных вузов, в возрасте от 18 до 24 лет, как правило – неженатых) представлена в таблице 1.

Таблица 1

*Возраст начала сексуальной жизни ленинградскими студентами
(% тех, кто уже имеет сексуальный опыт)*

Возраст	Год проведения опроса		
	1965	1972	1995
Моложе 16	5,3	8,2	12,2
16-18	33,0	30,8	52,8
19-21	39,5	43,8	30,7
22-24	19,5	16,0	3,2
Позже	2,7	1,2	1,1

(Голод, 1996)

Те же тенденции наблюдались и среди других категорий городской молодежи. Среди опрошенных Голодом в 1969 г. молодых специалистов, повышавших в Ленинграде свою квалификацию, моложе 16 лет начали сексуальную жизнь 7 % мужчин и 1 % женщин, между 16 и 18 годами – 22 % и 8 %, от 19 до 21 года – 30 % и 40 %. При аналогичном опросе двадцать лет спустя, в 1989 г., эти цифры составили соответственно: 11 % и 1 %, 32 % и 13 %, 42 % и 46 % (Голод, 1990).

По данным выборочных эпидемиологических обследований, проведенных в Москве О.К. Лосевой, которая сравнивала сексуальное поведение венерологических больных с поведением аналогичных контрольных групп, состоявших из людей, которые обращались в кожно-венерологический диспансер не в связи с венерологическими заболеваниями, средний возраст начала половой жизни у контрольных групп в 1983/84 гг. по сравнению с 1975/76 снизился у мужчин с 19,2 до 18,1 года и у женщин – с 21,8 до 20,6 года (Лосева, 1991).

При сравнительном обследовании сексуального поведения и установок советских и немецких студентов в июне 1990 г. (в СССР было опрошено 1509 человек) средний возраст начала половой жизни советских студентов-мужчин составил 18,4 года, а у женщин – 19,0 лет (Штарке и Лисовский, 1993).

Как видим, цифры расходятся не так уж сильно.

Снижение возраста сексуального дебюта и увеличение числа сексуальных контактов подростков констатирует и обзорная статья Виктории Сакевич («Сексуальное и репродуктивное поведение подростков в России»,

2001). Например, по данным регионального исследования 1996 года «Репродуктивное здоровье российских женщин» (ВЦИОМ, CDC [США], USAID), более 70 процентов женщин, которым на момент опроса было 20-24 года, имели сексуальные отношения до достижения возраста 20 лет, тогда как среди женщин в возрасте 40-44 лет таких было менее половины (табл. 2).

Таблица 2

Доля опрошенных женщин, имевших сексуальные отношения до достижения 16, 18 и 20 лет. 1996 год, в процентах

Возраст в момент опроса	Ивановская область			Екатеринбург			Пермь		
	до 16 лет	до 18 лет	до 20 лет	до 16 лет	до 18 лет	до 20 лет	до 16 лет	до 18 лет	до 20 лет
20-24	9,1	37,2	72,6	10,7	43,9	75,5	5,6	40,0	74,6
25-29	4,5	21,3	57,5	1,8	19,8	61,8	1,7	28,3	62,2
30-34	7,0	20,6	53,6	2,7	16,7	51,4	0,6	18,9	52,7
35-39	1,0	11,4	46,9	1,0	10,0	44,6	0,3	9,5	47,0
40-44	1,9	8,2	36,5	2,2	9,5	46,9	0,3	8,9	39,2

Источник: Репродуктивное здоровье российских женщин. Исследование 1996 года. Итоговый отчет. ВЦИОМ, CDC (США), USAID. 1998.

Поведенческим сдвигам соответствуют аналогичные сдвиги в общественном сознании. По данным репрезентативного опроса ВЦИОМ (июнь 1993), средний возраст начала половой жизни (ответы на вопрос «В каком возрасте вы впервые вступили в половую связь?») был 19,5 года. А на вопрос «С какого возраста, по вашему мнению, допустимо начало половой жизни?» люди, среди которых было значительно больше пожилых, чем юных, назвали 17,9 года (усредненный показатель). Это значит, что даже представители старших поколений считают снижение возраста сексуального дебюта оправданным и естественным.

Снижение возраста сексуальной инициации и либерализация половой морали распространяется на оба пола. Однако традиционные гендерные различия в характере сексуального поведения и установок мужчин и женщин (мужчине позволено больше, чем женщине) в Советском Союзе полностью сохранялись и воспринимались в качестве естественных (в том числе – и исследователями).

В 1960-х годах, отвечая на вопрос Голода, считают ли они принципиально возможным для себя вступить в сексуальную связь с «любимым» человеком, в группе молодых ленинградских рабочих и служащих (126 человек) положительно ответили 91 % мужчин и 81 % женщин. С просто «знакомым(ой)» это готовы были сделать около 60 % мужчин и только 14 % женщин. Отвечая на вопрос, почему они до сих пор не вступили в

сексуальную связь, мужчины чаще всего (48,5 %) ссылались на «отсутствие случая», тогда как женщины чаще апеллировали к моральным соображениям (34,1 %) или отсутствию сексуальных потребностей (34,1 %). (Харчев и Голод, 1969). Даже если это отчасти лишь словесная дань привычному стереотипу, этот двойной стандарт характерен, тем более что он обнаруживается и в позднейших опросах.

В 1978/79 учебном году в рамках большого опроса студентов 18 вузов страны (3721 человек) Голодом был задан вопрос: «Как вы думаете, с какой целью юноши и девушки вступают сегодня в интимные отношения?» (в опубликованной книге Голода соответствующая таблица, по требованию редакторов, была ханжески названа «Мотивы ухаживания») (Голод, 1984) ответы распределились следующим образом (таблица 3):

Таблица 3

Мотивы вступления советских студентов в интимную связь

<i>Ответы</i>	<i>Мужчины (%) № 1829</i>	<i>Женщины (%) № 1892</i>
Взаимная любовь	28,8	46,1
Предполагается вступление в брак	6,6	9,4
Самоутверждение	5,5	3,6
Приятное времяпрепровождение	20,2	11,0
Желание эмоционального контакта	10,6	7,7
Стремление к получению удовольствия	18,1	9,2
Расширение чувства свободы, независимости	1,8	2,2
Престижно, модно	4,1	4,8
Любопытство	4,9	5,6

Из таблицы 3 видно, что в сознании советских студентов ухаживание и сексуальность были резко отделены от матримониальных намерений и имели самостоятельную ценность. Решающее значение для легитимации сексуальной связи имели, с одной стороны, эмоционально-коммуникативные (любовь, потребность в эмоциональной близости), а с другой – гедонистически-развлекательные (приятное времяпрепровождение, получение удовольствия) мотивы и ценности. Однако женщины значительно чаще ссылаются на любовь, а мужчины – на развлечение и удовольствие. Впрочем, здесь нет национальной специфики – эти различия прослеживаются и на Западе, при всем ослаблении гендерных различий и стереотипов.

Важный показатель либерализации половой морали – рост терпимости к добрачным связям. Несмотря на ханжескую нетерпимость официальной советской морали и педагогики, реальное общественное мнение,

особенно молодежное, уже в 1960-е годы относилось к добрачным отношениям спокойно и равнодушно.

Из 500 ленинградских студентов, опрошенных Голодом в 1965 г., добрачные связи признали допустимыми 45 %, недопустимыми – 22 %, неопределенную позицию заняли 33 % опрошенных. Семь лет спустя ответы аналогичной студенческой выборки составили 47 % «за», 14 % «против» и 39 % неопределенных ответов. Моральная оценка добрачных отношений зависит, с одной стороны, от их мотивации (по любви или «просто так»), а с другой – от социальной среды. Например, в большой студенческой выборке Голода 1978/79 гг. добрачные связи оправдывали 58 % ленинградцев, 50 % жителей областных центров, 47 % жителей малых городов, 41 % жителей поселков городского типа и только 35 % сельских жителей.

Эти тенденции характерны не только для молодежи. При всесоюзном опросе ВЦИОМ в мае 1989 г. (опрошено 3014 человек от 16 лет и старше) семья оказалась одной из высших личных ценностей (ее упомянули 89,5 % ответивших). Тем не менее многие люди принципиально допускали и незарегистрированное сожительство: 22,5 % респондентов считают его неприемлемым, 33,5 % – допустимым в определенных случаях, а каждый третий – допустимым всегда, причем в младшей возрастной группе, до 20 лет, сожительство осуждают меньше 14 %, среди 50-59-летних – 30,5 %, а в группе старше 60 лет – 47,3 %. Характерно, что если с возрастом терпимость к официально неоформленным отношениям снижается, то с образовательным уровнем она, наоборот, растет (Мацковский и Бодрова, 1990). Эту тенденцию обнаруживают и позднейшие опросы общественного мнения.

Каковы бы ни были публично высказываемые суждения, добрачные связи в России массовы. В подавляющем большинстве случаев брачный союз не предшествует сексуальной близости, а закрепляет ее, причем с каждым новым поколением это считается все более нормальным. В репрезентативном опросе ВЦИОМ в 1994 году, наличие добрачного сексуального опыта признали 52 % мужчин и 42 % женщин, причем в группе людей старше 55 лет этот опыт имели 28 %, а среди людей моложе 25 лет – 77 % состоящих в браке (Bodrova, 1997)

О том же (а также о низкой контрацептивной культуре россиян) свидетельствовал и неуклонный рост абсолютного числа и сравнительного удельного веса (по отношению ко всем перворождениям) добрачных зачатий. Проанализировав архивы Ленинградского дворца регистрации новорожденных «Малютка» за несколько лет, Голод нашел, что из 239 супружеских пар, зарегистрировавших рождение первенца в декабре 1963 г., 69 (24 %) зачали его за три месяца до юридического оформления брака; в декабре 1968 г. из 852 пар таких было 196 (23 %), в декабре 1973 г. из 851 пары – 240 (28 %), в декабре 1978 г. из 643 пар – 243 (38 %), в декабре

1984 г. из 448 пар – 223 (49 %). Сходные результаты дало изучение регистрационных актов одного из районов Ленинграда (Голод, 1990).

«Скороспелые» дети модны в нашей стране и сейчас. По данным национальной 5 % микропереписи 1995 г., от даты регистрации брака до рождения первого ребенка в России в среднем проходит около 6 месяцев.

Это не случайность, а долгосрочная тенденция (см. «Сексуальное и репродуктивное поведение подростков в России», 2001) В конце 80-х – начале 90-х годов «омоложение» сексуального опыта сочеталось с «омоложением» брачности: средний возраст вступления в первый брак как мужчин, так и женщин снижался. Но в 1994 году возникла новая тенденция: средний возраст вступления в первый брак стал повышаться (см. рис. 1).

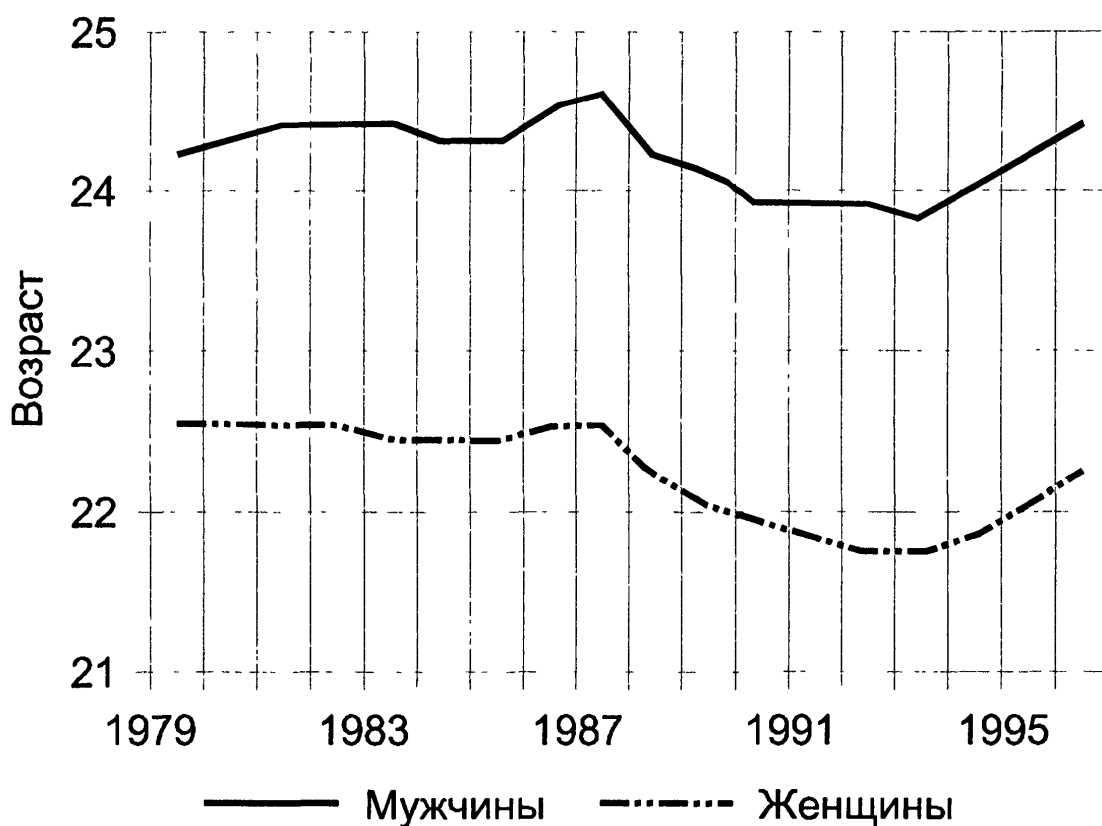

Рис. 1. Средний возраст при вступлении в первый брак. Россия, 1979-1996.

Источник: *Население России 1998. М., 1999, с. 29.*

Хотя средний возраст вступления в первый брак в России всё ещё остаётся довольно низким – 24,4 года для мужчин и 22,2 для женщин в 1996 году – россияне, по-видимому, все больше отходят от традиционной модели всеобщей ранней брачности, что соответствует и долговременной исторической тенденции (см. таблицу 4).

Среди подростков доля рождений, «узаконенных» браком после зачатия, намного больше, чем среди женщин старших возрастов. Протогенетический интервал (время между вступлением в брак и рождением ре-

бенка), который составлял более 1,6 года для брачных когорт начала 1950-х годов, для когорт, вступивших в брак в 1993 году, составил менее 5 месяцев (по данным микропереписи 1994 года). Доля детей, зачатых до брака, но родившихся после формальной регистрации брака, у молодых женщин – не менее 40 процентов.

Таблица 4

Доля состоящих в браке мужчин и женщин в возрастах до 25 лет на 1000 лиц соответствующего возраста (по данным переписей населения)

Год	Мужчины			Женщины		
	16-17 лет	18-19 лет	20-24 года	16-17 лет	18-19 лет	20-24 года
1926	9	138	509	45	280	682
1939	5	63	361	34	222	599
1959	4	38	269	24	143	479
1970	4	40	297	20	159	536
1979	7	40	395	27	193	595
1989	11	48	381	37	230	618
1994*	5	61	374	38	237	565
1994**	36,4	15,1	7,7	30,1	11,5	6,7

* 5-процентная микроперепись населения России.

** доля незарегистрированных браков в %.

Источники: *Население России за 100 лет (1897-1997). Статистический сборник. М., Госкомстат России, 1998, с. 80-81; Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.) М., Госкомстат России, 1995, с. 8-9; Борисов В., Синельников А. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М., 1996, с. 24.*

В 1980-х – начале 1990-х годов сексуальная активность советской молодежи была уже достаточно автономна не только от брака, но и от романтической любви.

В уже упомянутом советско-германском опросе 1990 г. молодые россияне высказали меньше уверенности в посястороннем существовании «так называемой большой любви», чем их немецкие сверстники, причем только 33 % процента советских студентов, по сравнению с 53 % восточных и 49 % западных немцев), сказали, что они сами ее испытали. Наименее романтичными оказались при этом российские юноши. Секс без любви для них не только морально вполне приемлем, но и фактически широко распространен. Они заметно опередили своих немецких сверстников по количеству (4,3) сексуальных партнеров (Штарке и Лисовский, 1993).

О прагматическом отношении российской молодежи к любви, браку и сексу свидетельствует и сравнительное исследование «стилей любви» американских, японских и русских студентов. Ученые спрашивали университетских студентов: «Согласились ли бы вы вступить в брак с человеком, в которого вы не влюблены, если он обладает всеми остальными

желаемыми вами качествами?» Ответить можно было только «да» или «нет». Авторы ожидали, что только индивидуалистически воспитанные американцы будут непременно требовать любви, а русские и японцы будут более практичными. Но оказалось, что для японцев любовь почти так же важна, как и для американцев, мало кто из них готов вступить в брак без любви. Российские мужчины оказались лишь слегка более прагматичными, чем остальные; жениться без любви готовы 30 % опрошенных. Зато русские женщины преподнесли сюрприз: выйти замуж без любви согласны 41 % опрошенных девушек (Sprecher et al., 1994)

Сравнительное исследование сексуальной перmissивности и двойного стандарта у американских, российских и японских студентов (Sprecher and Hatfield, 1996) показало, что в целом американские студенты относятся к добрачному сексу терпимее российских и японских, причем в США и в России (но не в Японии) мужчины в этом отношении терпимее женщин. Молодые россияне больше своих американских и японских сверстников придерживаются в этом вопросе двойного стандарта. Однако российские студенты значительно опередили как американцев, так и японцев по степени своей готовности вступить в сексуальную связь на первом же свидании. Иными словами, если американцы и японцы допускают для себя возможность сексуального сближения на более поздних стадиях ухаживания и знакомства, то многие молодые россияне, как мужчины, так и женщины, готовы лечь в постель чуть ли не с первым встречным.

Таким образом, говорить о «целомудренном советском прошлом», нравственные устои которого были подорваны под влиянием «растленного Запада» только за последние 5-7 лет, нет ни малейших оснований.

По мнению Ольги Бочаровой, опирающейся на анализ данных ВЦИОМ, «... шаг в сторону сексуальной перmissивности был сделан не сейчас, а в 70-х, не нынешней молодежью, которая «подхватила эстафету», а предыдущим поколением... «Послеоттепельное поколение» разрушило старую нормативную структуру и отделило секс от семьи. Можно назвать этот ценностный сдвиг «бархатной сексуальной революцией», почти незаметно для современников подточившей одну из опор социального порядка» (Бочарова, 1996, с.106-107). Нынешнее поколение лишь продолжило эту тенденцию в гораздо более явной, открытой форме. Тем не менее, по мнению Бочаровой, «за исключением высокостатусных современных групп, для большинства продолжают действовать достаточно жесткие, патриархально ориентированные схемы» (Бочарова, 1996, с.107).

О том, что главные сдвиги в сексуальном поведении и ценностях россиян произошли не в 1990-х, а в 1960-х годах, свидетельствуют и данные уникального сравнительного российско-финляндского исследования, проведенного в Петербурге Анной Роткирх и Элиной Хаавиа-Маннила (Haavia-Mannila, 1998, Rotkirch, 2000). Оно состояло из двух частей.

Первая часть – анкетный опрос в 1996 г. репрезентативной выборки из 2081 петербуржца от 18 до 74 лет, результаты которого сопоставлялись с данным финского национального опроса 1992 года и опроса городского населения Финляндии 1971 г.

Вторая часть, проведенная в 1996 г. вместе с сотрудниками Петербургского Института социологии Александром Клециным и Елизаветой Лагуновой, представляла собой конкурс автобиографических сочинений о любовной и сексуальной жизни петербуржцев, по образцу того, который был проведен в Финляндии. На газетное объявление откликнулись 54 человека. Семь автобиографий были отклонены как недостаточно подробные, а остальные 47 (25 женских и 22 мужских), написанных людьми, родившимися между 1923 и 1973 годами, подверглись основательному анализу. Их длина составляла от 2 до 70 страниц, и они содержали чрезвычайно ценную качественную информацию о сексуальной жизни и переживаниях петербуржцев. Десять из этих автобиографий были в 1996-97 годах опубликованы Е. Лагуновой в питерском еженедельнике «Час пик». В сочетании с более грубыми данными массовых опросов биографический метод дает поистине уникальную информацию о переживаниях и чувствах людей, которых массовая анкета уловить не в состоянии (о методологии этого исследования см. Темкина, 1999). Тем интереснее, что данные биографического исследования оказались сопоставимы с результатами сексологических опросов.

В отличие от Кона (Кон, 1995, 1997), который периодизировал историю российской сексуальной культуры в соответствии с целями и методами государственной политики регулирования сексуальности, финские исследователи идут как бы изнутри, от меняющихся ценностей самих респондентов. При этом выделяются три главных социально-возрастных поколения (когорты).

Старшее поколение, состоящее из людей, родившихся между 1920 и 1945 годами, психологически сформировавшееся в 1935-1960 гг., они называют поколением, принужденным к молчанию (*silenced generation*), когда любой дискурс о сексуальности был практически запрещен.

Среднее поколение, родившееся между 1945 и 1965 годами, чье формирование приходится на 1960-1980-е годы, они называют поколением персонализации (*generation of personalization*), когда сексуальность становится более свободной и рефлексированной.

Младшее поколение, родившееся после 1965 года и сформировавшееся после 1980 года, они называют поколением артикуляции (*generation of articulation*), для которого сексуальность стала нормальной частью повседневной жизни, о которой можно свободно говорить, спорить, равняться не на социальные, а на личные нормы и т.д.

На первый взгляд, различия между последним, младшим поколением и первыми двумя значительно больше, чем между старшим и средним.

Однако, по мнению Роткирх, это касается больше установок, чем поведения, решающие сдвиги в котором произошли в 1970-х годах, когда не только снизился возраст сексуального дебюта, но и сама сексуальная жизнь людей стала значительно более разнообразной.

Как в старшем поколении, в эти годы происходило постепенное снижение возраста первого свидания (с 19 до 18 лет у обоих полов) и первого коитуса (до 18 лет у мужчин и 19 лет у женщин). Но главное – сами сексуальные практики стали более разнообразными. Число ленинградских мужчин, имевших параллельные, внебрачные связи, превысило 50 % опрошенных, а у женщин число супружеских неверностей по сравнению с предыдущим поколением удвоилось, с 15 до почти 30 %. Почти половина опрошенных уже практиковали такие, сравнительно новые, сексуальные техники, как оральный секс и позицию «женщина сверху». В этом поколении существенно снизилась оценка девственности как условия вступления в брак и т.д. Доля людей, не получивших в детстве никакой сексуальной информации, снизилась с 90 % до 80 %, хотя удовлетворительным полученный объем информации считают, как и в старшем поколении, меньше 5 % опрошенных.

Общее направление этих изменений в Ленинграде было тем же, что и в Финляндии, но со значительным, на 10-15 лет, отставанием. Например, у финских женщин значительное увеличение числа сексуальных партнеров приходится на когорту 1946-1950 годов рождения, а у ленинградок – на поколение родившихся между 1956-1960 годами. Разница в наличии опыта мастурбации и орального секса между финнами и петербуржцами составляет около 15 лет. По целому ряду параметров сексуальное поведение и установки петербуржцев в 1996 г. были больше похожи на финскую сексуальную культуру 1971, нежели 1992 года.

По мнению Роткирх, существенное отличие российской сексуальной революции от финской заключается в соотношении ее поведенческих и идеологических компонентов. В демократической Финляндии сдвигам в сексуальном поведении предшествовали публичные споры и дискуссии, можно сказать, что *«публичная идеология изменилась раньше, чем сексуальная практика»* (Rotkirch, 2000, p.175-176). В авторитарном Советском Союзе дело обстояло наоборот: сначала произошли поведенческие сдвиги и только потом, десять лет спустя, одновременно с гласностью, последовало их публичное признание. В конце 1970-х годов многие люди жили так, как если бы сексуальная революция уже произошла, но ее артикуляция, прежде всего – публичная, но отчасти и приватная, между сексуальными партнерами, началась только потом. *«Сексуальные практики изменились гораздо раньше публичной идеологии, которая только начинает это делать»* (там же).

В принципе я согласен с этим мнением. Однако появление публично-го сексуального дискурса, равно как и ослабление внешнего контроля за

сексуальностью, не может не способствовать дальнейшим поведенческим сдвигам. Это особенно наглядно видно на примере молодежной субкультуры. Сегодняшние российские подростки не просто сделали тайное явным, но и значительно ускорили ранее намечившиеся процессы, со всеми их положительными и отрицательными сторонами.

Вот как выглядит сексуальное поведение и установки российских городских подростков и юношей 1990-х годов по данным наших трех исследований.

Подобно своим «предкам», в 1993 г. столичные (московские и петербургские) подростки начинали ухаживать и назначать свидания задолго до завершения полового созревания: примерно половина их делает это еще не достигнув 12 лет. К шестнадцати годам трепета уединенных встреч не испытал лишь один из пяти. Однако более или менее устойчивые пары возникают гораздо позже. К моменту опроса даже в группе 16-17-летних свыше половины постоянной пары еще не имели. Вообще ухаживание, влюбленности и сексуальная близость – вещи совершенно разные. Так было и раньше.

Наличие сексуального опыта (половой акт) в целом по выборке признали около 15 % девочек и 22 % мальчиков. Почти половина сексуальноискушенных подростков (34 % девочек и 57 % мальчиков) свой первый половой акт пережили до пятнадцати лет, а 5 % девочек и 20 % мальчиков – в 12 лет и младше. При подсчете по отдельным возрастным группам среди не достигших 14 лет сексуально искушены 2 %, среди 14-15-летних – 13 %, среди 16-17-летних – 36 %. Это несколько больше, чем в студенческой выборке Голода.

В 1995 г. возраст сексуального дебюта заметно снизился: среди шестнадцатилетних первый половой акт пережили 50,5 % юношей и 33,3 % девушек, среди семнадцатилетних – соответственно 57,1 % и 52,4 %, среди восемнадцатилетних – 69,8 % и 50,8 % процента и среди девятнадцатилетних – 77,5 % и 54,8 % (см. таблицу 5).

Таблица 5

Количество сексуально активных подростков по возрасту и полу в 1993 и 1995 гг. (%)

Пол	Год проведения опроса	Возраст, лет							
		12	13	14	15	16	17	18	19
Мужской	1993	2,3	4,1	11,4	17	38,2	49,3	–	–
	1995	–	–	–	–	50,5	57,1	69,8	77,5
Женский	1993	0	1,8	3,7	11,8	25,5	45,8	–	–
	1995	–	–	–	–	33,3	52,4	50,8	54,8

За два года – сдвиг весьма внушительный. Однако выборки 1993 и 1995 гг. не вполне сопоставимы. Чтобы устранить возможную ошибку, мы перечитали данные по отдельным подвыборкам, сопоставив возраст сексуального дебюта московских 16-летних школьников 1993 г. с такими же московскими школьниками 1995. То же самое было сделано по учащимся ПТУ. Сдвиги идут в одном том же направлении (см. таблицу 6).

Таблица 6

Удельный вес сексуально искушенных школьников и учащихся ПТУ в зависимости от пола и возраста в выборках 1993 и 1995 годов

Пол	Год проведения опроса	Тип учебного заведения			
		Школа		ПТУ	
		16-летние	17-летние	16-летние	17-летние
Мужской	1993	35,7	42,9	41,2	55,9
	1995	44,1	44,1	62,7	71,9
Женский	1993	16,4	29,0	39,3	58,5
	1995	23,9	40,3	46,0	60,8

Кроме того, в выборке 1995 мы сравнили ответы 16-летних девушек и юношей с ответами 19-летних. Среди 16-летних девушек сексуально искушенных оказалось вдвое больше (23 % против 11 %), чем среди 19-летних, когда им было 16 лет. Большая разница (45 % против 24 %) выявилась и при сравнении 17-летних девушек с 19-летними. У мальчиков различия меньше, но идут в том же направлении.

Следовательно, есть основания думать, что **снижение возраста сексуального дебюта – не случайность, а продолжение закономерной долгосрочной тенденции**, подобно тому, как это происходило на Западе в 1970-х гг.

То, что соответствующие сдвиги больше у женщин, чем у мужчин, также закономерно. Сексуальная революция XX в. – в первую очередь женская революция, в ходе которой многие привычные гендерные различия исчезают или уменьшаются. Но поскольку в России этот процесс начался позже, а традиционная символическая и бытовая культура была более патриархальной, чем на Западе, соответствующие гендерные различия и связанные с ними установки здесь пока что сохраняются – мальчики начинают сексуальную жизнь значительно раньше девочек и имеют больше сексуальных партнеров. В этом отношении Россия ближе к странам Южной Европы и Франции, чем к скандинавским странам, Голландии и Германии.

Однако следует иметь в виду, что для многих российских (как и для французских) мальчиков-подростков сексуальный дебют остается одно-

разовым событием, своего рода пробным шаром, тогда как их сверстницы, раз начав половую жизнь, продолжают ее более или менее регулярно.

Зависимость подростковой сексуальности от социальных факторов ясно выступает при сравнении возраста сексуального дебюта и прочих форм сексуальной активности учащихся общеобразовательной школы и учащихся ПТУ (таблица 6). Учащиеся ПТУ начинают половую жизнь значительно раньше, чем их сверстники из обычных школ; особенно велика эта разница у девочек (среди 16-летних учениц ПТУ сексуально-искушенных почти вдвое больше, чем среди школьниц). За этим явно стоит неравенство социальных, в том числе семейных, условий развития.

По данным опроса 1995 года, сексуальное поведение подростков варьирует также в зависимости от размера города. Среди юношей-школьников Москвы и Новгорода сексуальный опыт имел практически каждый второй, тогда как в Борисоглебске – только каждый третий. Еще более строгие нормы в малых городах у девушек; если в Москве сексуальный опыт имела каждая третья 16-летняя школьница, то в Борисоглебске – лишь 14 %. В патриархальных городах и районах Сибири эта цифра, вероятно, будет значительно ниже. К сожалению, мы ничего не знаем о сексуальном поведении и установках сельских подростков.

Хотя романтический культ любви и дружбы, как и ориентация на семейные ценности (желание в будущем вступить в брак и иметь детей), у российских подростков достаточно сильны, на характер их сексуально-эротических интересов это мало влияет. Замечание Фрейда о раздвоенности «чувственного» (сексуальные потребности) и «нежного» (потребность в любви) влечения в полной мере относится и к нашим современным подросткам. Ранний сексуальный дебют, особенно у юношей, вовсе не означает ни страстной любви, ни начала регулярной половой жизни. Наоборот, ранние сексуальные связи часто безлюбовны и прозаичны и не опираются на опыт дружеских отношений между юношами и девушками.

По данным опроса 1993 г., почти треть сексуально искушенных подростков никогда не имели друзей противоположного пола. Особенно бедным выглядит коммуникативный мир мальчиков, 41 % которых не имеют постоянной подруги. Девушки сообщают о дружбе с мальчиками значительно чаще (никогда не дружили с мальчиками лишь 17 % опрошенных девушек). Насколько позволяют судить наши данные, структура и ценности дружеского общения юношей и девушек не особенно отличается от той, которая была установлена в нашем исследовании юношеской дружбы в 1970 г. (Кон, 1989).

Но хотя девушки ценят психологическую интимность выше юношей и, однажды начав половую жизнь, чаще продолжают ее с тем же самым партнером, в раннем юношеском возрасте постоянные партнерские отношения сравнительно редки. По данным опроса в 1988 г. Е.И.Сотниковой и С.Г.Перминовой группы 15-19-летних московских школьниц и

учащихся ПТУ, постоянного сексуального партнера не имела каждая четвертая (26,7 %) сексуальноискушенная девушка, а среди 14-15-летних – целых две трети (66,7 %) (Сотникова и Перминова, 1993). Чувственное удовольствие и психологическая интимность – две главные сексуальные ценности, которые в ранней юности редко совмещаются друг с другом.

Опрос 1995 года, в котором подробно фиксировались обстоятельства сексуального дебюта и особенности первого партнера, позволяет конкретизировать эту картину. Только 35 % 16–19-летних девушек и 15 % юношей сказали, что были влюблены в своего первого партнера. Остальные довольствовались просто симпатией («нравился») или вообще ничего романтического не чувствовали (так ответил почти каждый четвертый юноша). 21 % юношей и 11 % девушек начали свою сексуальную жизнь с человеком, которого до этого вовсе не знали; 19 % девушек и 9 % юношей были знакомы со своим первым партнером не больше недели, 15 % тех и других – около месяца, 12 % юношей и 16 % девушек – два-три месяца. Только 22 % юношей и 34 % девушек были знакомы со своим избранником год или больше. У многих первая связь была случайной и сразу же прервалась. Более или менее регулярную половую жизнь ведут лишь немногие 16-19-летние.

Существенная разница между юношами и девушками существует не только в возрасте собственного сексуального дебюта, но и в возрасте своего первого партнера. У девушек первая сексуальная близость, как правило, происходит с более старшим (на два и более года) мужчиной. Эта закономерность, наиболее выраженная в раннем возрасте, сохраняется во всех обследованных группах.

40 % 13-14-летних девочек дебютируют с уже совершеннолетними мужчинами. Каждый пятый мальчик этого возраста также приобретает свой первый сексуальный опыт с совершеннолетней женщиной. Но если девушки довольно часто переживают свой «первый раз» с мужчинами, которые старше их больше чем на пять лет (так произошло у 22 % опрошенных), то для юношей такой большой возрастной разрыв – редкость (менее пяти процентов), чаще все происходит в пределах собственной возрастной группы.

Сверстники становятся первыми сексуальными партнерами чаще всего в том случае, если знакомство длилось долго, более года. Почти половина (48 %) девушек, дебютировавших со своими сверстниками, отдались им после более чем годичного знакомства. Большинство юношей, начиная с пятнадцати лет, осуществляют первые сексуальные эксперименты со сверстницами, а затем, после восемнадцати лет, переключаются на более юных, чем они сами, девушек.

Судя по ответам большинства опрошенных, сексуальный дебют редко бывает осознанным шагом, подготовленным длительной историей взаимоотношений или пылким чувством. Всего четверть (26 %) опрошенных

юношей и менее трети (31 %) девушек предвидели, что «это» произойдет именно с данным человеком. Для многих выбор партнера оказался случайностью. У 30 % девушек до момента сближения вообще не возникало особого желания интимной близости с кем бы то ни было. У юношей такое желание было, но большей частью не персонифицировалось, им просто хотелось это с кем-то проделать. Лишь около половины девушек и четверть юношей сказали, что их первым партнером по сексу стал постоянный партнер (девушка). Отчасти потому, что такого человека у них не было, а отчасти потому, что отношения с таким человеком психологически сложнее.

Таблица 7

Разница в возрасте с первым половым партнером в зависимости от пола и возраста респондента во время первого полового опыта

Возраст респондента во время первого полового опыта	Первые сексуальный партнер...					
	на два и более года моложе		примерно того же возраста (± 1 год)		на два и более года старше	
	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши
13 лет	0	1,9	6,3	38,9	93,8	55,6
14 лет	0	0,8	28,6	48,5	70,1	50,8
15 лет	0	3,5	24,7	62,7	75,3	30,7
16 лет	0,4	4,4	33,9	75	65,6	19,1
17 лет	1,6	6,4	38,3	82,4	60,2	9,6
18 лет	1,4	12,3	39,1	65,8	59,4	21,9

Вопреки распространенным представлениям, что подростки чаще всего сходятся под влиянием алкогольного опьянения, примерно половина сексуальных дебютов (у 56 % девушек и у 45 % юношей) произошли, когда оба партнера были трезвы. Хотя это событие нередко предваряется выпивкой, две трети опрошенных девушек и половина юношей сказали, что во время своего первого полового акта они сами были совершенно трезвы.

Пережитые при первой близости впечатления навсегда сохраняются в памяти и сильно влияют на последующую сексуальную жизнь. Эти переживания напрямую связаны с теми чувствами, которые они испытывали с своему первому партнеру.

Как видно из таблицы 8, юноши и девушки, которые были влюблены в своего партнера, оценивают свою первую близость значительно выше, чем те, которые были к нему (к ней) равнодушны. При наличии влюбленности безусловно хорошее впечатление от первого коитуса осталось у 47,8 % юношей и у 26,2 % девушек, а при ее отсутствии – только у 28,2 %

юношей и у 4,6 % девушек. Резко отрицательное впечатление от первой близости при наличии влюбленности осталось только у 0,7 % юношей и 0,8 % девушек. При отсутствии же эмоциональной вовлеченности доля резко отрицательных оценок возрастает у юношей в три с половиной раза (2,4 %), а у девушек – в 33 раза (26,4 %)!

Таблица 8

Оценка мальчиками и девочками своего первой сексуальной близости в зависимости от чувств, которые они испытывали к партнеру (опрос 1995 г), %

Чувство до сближения	Пол	Впечатление о первом половом акте				
		Безусловно хорошее	Скорее хорошее	Трудно сказать, никакого	Скорее плохое	Безусловно плохое
Никакого	Мальчики	28,2	37,9	25,2	6,3	2,4
	Девочки	4,6	14,9	34,5	19,5	26,4
Нравился (ась)	Мальчики	42,0	44,4	9,1	4,2	0,2
	Девочки	17,8	33,3	26,3	19	3,5
Была влюбленность	Мальчики	47,8	41,3	5,1	5,1	0,7
	Девочки	26,2	40,5	17,7	14,8	0,8
Не уверен(а)	Мальчики	30,8	43,6	20,5	3,8	1,3
	Девочки	12,8	17,9	28,2	30,8	10,3

Значительно меньшая удовлетворенность женщин своим первым сексуальным опытом (даже в самом благоприятном варианте безусловно положительная оценка едва превышает 26 %) объясняется как социально-психологическими, так и психофизиологическими факторами (дефлорация и страх перед ней), причем и те и другие в какой-то степени универсальны.

Свой сексуальный минимум (эякуляцию) мальчик получает почти всегда. Кроме того, ему психологически важен сам факт состоявшейся сексуальной инициации: «Я это сделал! Теперь есть что рассказать ребятам!» Даже если партнерша не вызывала у них никаких чувств, а полученное удовольствие было меньше, чем при мастурбации, две трети юношей воспринимают свой первый половой акт как положительное и радостное событие; «безусловно плохое» и «в основном плохое» впечатление осталось лишь у 8,7 % опрошенных юношей.

Женские сексуальные реакции и переживания тоньше и сложнее, в них представлено больше эмоциональных компонентов. Поэтому доля неудовлетворенных составляет у девушек почти 46 %.

Однако при наличии влюбленности эти половые различия резко уменьшаются. Число безусловно недовольных своим «первым разом» юношей и девушек невелико, меньше 1 %, и практически одинаково, разница составляет 0,1 %, а доля полностью и в основном довольных возрастает у юношей до 89 %, а у девушек – до 67 %.

Однако получение удовольствия, хотя сам подросток этого зачастую не сознает, связано не только с его сексуально-физиологической, но и эмоционально-коммуникативной зрелостью. Чем младше подросток (особенно девочка) в момент своего сексуального дебюта, тем меньше вероятность, что сексуальное сближение совпадет с высокой эмоциональной вовлеченностью, и тем больше у него будет оснований для тревог и разочарований.

В опросе 1995 г. мы спрашивали респондентов не только об их непосредственной реакции, но и о том, как они оценивают свой первый сексуальный опыт по прошествии некоторого времени. При этом снова выявились гендерные различия.

Почти треть юношей считают, что это было правильное решение. Примерно столько же – что «первый раз» не имел в их жизни большого значения. Каждый четвертый мальчик испытывает по этому поводу смешанные чувства, видя в нем как хорошие, так и плохие стороны. Один из десяти испытывает некоторое сожаление, но только единицы считают это событие серьезной ошибкой.

Девичьи ретроспективные оценки более осторожны. Только одна из пяти опрошенных считает, что приняла правильное решение, и столько же девушек думают, что совершили ошибку. Самый частый ответ – смешанные чувства, признание того, что этот опыт имел как положительные, так и отрицательные стороны. Однако гораздо меньше девушек, чем мальчиков, – всего 13 % – считают это событие несущественным фактом своей биографии.

Характерно, что мнения девушек сильно зависят от возраста их собственного сексуального дебюта. Большинство (53 %) тех, кто начал сексуальную жизнь в 13 лет и моложе, сожалеют об этом. В целом, среди девушек, которые пережили сексуальный дебют до 16 лет, ответов, выражающих сожаление, больше, чем положительных оценок. У юношей такой зависимости нет. Это сопоставимо с немецкими, шотландскими и новозеландскими данными, приведенными в предыдущем разделе книги.

В опросе 1995 г. мы также сравнивали реальный возраст собственного сексуального дебюта респондентов с тем, который они считают для него оптимальным. Свыше половины (55 %) сексуально искушенных девочек и 41 % мальчиков назвали при этом более старший возраст, чем тот, в котором они сами это сделали!

Как в 1993, так и в 1995 г. значительная часть сексуальных дебютов у девочек была не совсем добровольной и сопровождалась какой-то степе-

нию принуждения. В опросе 1993 г. 24 % девочек и 11 % мальчиков сказали, что испытали какое-то сексуальное принуждение. Близкие цифры – 25 % и 12 % получил в Петербурге И.И. Лунин. В опросе 1995 г., объясняя причины неудовлетворенности своим первым половым актом, 21,8 % девушек и 2 % юношей сказали, что он был совершен по принуждению, под нажимом. 29 % девушек сказали, что сопротивлялись этому нажиму, но 22 % «сначала сопротивлялись, а потом согласились», а 7 % «возражали и сопротивлялись до самого конца».

Последний ответ практически эквивалентен признанию факта изнасилования. Однако фактическая интерпретация подобных событий весьма сложна и деликатна.

В России, как и на Западе, мужское и женское понимание сексуального насилия, особенно при свиданиях, не совпадают. Как правило, многие мальчики не считают свои действия в подобных случаях преступными и не признают, что они причинили ущерб женщине. Каждый четвертый юноша в той или иной степени согласился с предложенным в нашем опроснике мнением, что «Нельзя осуждать парня, если он займется сексом с девушкой, с которой он долгое время встречался, даже против ее воли».

Отчасти это следствие сексуальной и общей невоспитанности, непонимания женской психологии и неумения разговаривать с женщиной на сексуальные темы. Но нужно учитывать также распространенный среди женщин обычай притворного сопротивления сексуальным домогательствам, когда говорят «нет», а подразумевают «да». В России, где традиционные полоролевые стереотипы сильнее, чем на Западе, так делают особенно часто. На вопрос, случалось ли им когда-нибудь сказать «нет», «хотя они сами намеревались и хотели вступить в сексуальные отношения», утвердительно ответили 59 % студенток Владимирского политехнического института (по сравнению с 38 % американок и 37 % японок); 30 % этих девушек поступали так дважды или трижды, а 12 % – больше четырех раз (Sprecher et al., 1994).

Как бы то ни было, сексуальное насилие и принуждение – важный элемент современной российской молодежной субкультуры и его необходимо учитывать при изучении подростковой и юношеской сексуальности.

Как и у взрослых, сексуальное поведение подростков и юношей связано с определенными социально-групповыми и индивидуальными особенностями. Наши исследования выявили здесь некоторые характерные тенденции. В частности, сравнение в опросе 1993 г. сексуально-искушенных и девственных 16-летних подростков показывает важные социальные и психологические корреляты ранней, по сравнению со среднестатистическими показателями, сексуальной инициации.

Поскольку секс для подростка – нечто запретное и рискованное, раньше других в него вовлекаются те, кто любит риск и самопроверку и нуждается в самоутверждении. Например, с утверждением «Я получаю

настоящее удовольствие, совершая довольно-таки рискованные поступки» согласились 58 % сексуальноактивных подростков и только 43 % девственников. Суждение «Мне нравится постоянно испытывать себя, делая что-нибудь немного рискованное» применили к себе 65 % первой и 44 % второй группы. Больше половины сексуальноактивных и менее трети девственных подростков сказали: «Я часто стараюсь проверить, насколько далеко я могу зайти». 43 % сексуально опытных подростков сказали, что они «иногда делают что-то специально, чтобы шокировать родителей или других взрослых, просто для смеха». У девственников таких ответов на 12 % меньше.

Эта картина вполне соответствует данным новейших западных сексологических исследований, которые показывают, что связь уровня сексуальной активности (возраст сексуального дебюта и число партнеров) и общей эмоциональной раскованности, проявляющейся в любви к риску, необычным поступкам и новым переживаниям, которая особенно характерна для юношей, действительно существует и, возможно, связана с индивидуальными различиями в уровне секреции тестостерона.

Высокая сексуальная активность сочетается у подростков также с целым рядом других психологических черт.

Сексуальноактивные подростки более уверены в себе, чтобы не сказать – самоуверенны. Однако психологическая независимость от старших часто оборачивается у них повышенной конформностью, рабской зависимостью от сверстников. Среди сексуально-активных чаще встречаются юноши и девушки, податливые на уговоры и заразные примеры окружающих. В опросе 1993 г. 52 % таких ребят сказали: «Иногда я позволяю другим уговорить себя сделать то, чего, как я знаю, делать не следует». Девственников с подобной самохарактеристикой на 10 % меньше.

У сексуальноактивных подростков учебная успеваемость и дисциплина несколько ниже, чем у девственников. Среди них в два с половиной раза больше второгодников и тех, кого учителям приходилось отстранять от занятий. Планирующих продолжить учебу в вузе среди них на 10 % меньше.

Более раннее начало половой жизни статистически связано с разными формами девиантного, социально неодобряемого поведения. Курящих и пьющих среди сексуальноактивных шестнадцатилетних втрое больше, чем среди девственников. С наркотиками в 1993 г. баловались соответственно 32 % и 6 %. В 1995 г. на вопрос «Пробовал ли ты травку?» утвердительно ответили 83 % сексуальноактивных и только 26 % в выборке в целом. По данным опроса Научного центра охраны здоровья детей и подростков Российской Академии медицинских наук, 71,5 % сексуально активных мальчиков курят, 82,3 % употребляют спиртные напитки, 43,1 % пробовали наркотики (Царегородцев, Гаврилова, Зелинская, Такунов, 1997).

Так же ведут себя, по мнению этих ребят, и их друзья. На вопрос «Многие ли из твоих друзей употребляют наркотики или алкоголь?»

«большинство» и «практически все» ответили 51 % сексуально активных и 25 % девственных старшеклассников.

За этим социально-психологическим синдромом иногда стоят неблагоприятные социальные, прежде всего семейные условия. Ранняя сексуальная инициация более характерна для выходцев из менее образованных семей. Это особенно ясно видно при сопоставлении учащихся элитных общеобразовательных школ с учащимися ПТУ. По данным опроса 1993 г., среди подростков с ранним сексуальным опытом чуть больше таких, которые воспитывались в неполных семьях, но разница эта статистически незначима. Образовательный уровень и социальный статус их родителей, особенно отцов, у них несколько ниже среднего. Доля отцов, не имеющих постоянного места работы, среди них почти втрое выше, а возможность свободного обсуждения с родителями проблем секса в таких семьях значительно ниже. Однако влияние семьи в целом требует специального исследования и не должно заслонять врожденных индивидуальных различий, без учета которых эффективное сексуальное просвещение просто невозможно.

Как и на Западе, сексуальное поведение и ценности российских подростков имеют четко выраженные когортные особенности, представители разных поколений часто имеют по этим вопросам разные мнения.

В опросе 1997 года подросткам, их учителям и родителям предлагалось выразить свое согласие или несогласие с определенным набором суждений, начиная от полезности или вредности добрачного сексуального опыта и кончая отношением к гомосексуальности. Как и следовало ожидать, практически по всем вопросам подростки значительно либеральнее и даже радикальнее взрослых. Отчасти за этим стоят межпоколенные, когортные различия, то, что отцы и дети воспитывались в других культурных условиях, а отчасти – социально-возрастные различия: молодые люди больше склонны к сексуальному либерализму, тогда как воспитатели опасаются его нежелательных последствий.

Как и на Западе, очень важную, решающую роль в формировании нормативных ориентаций подростков, особенно относительно сексуальности, играет общество сверстников, которое часто подталкивает подростков к более ранней сексуальной инициации. Хотя 44 % девочек и 39 % мальчиков в 1993 г. сказали, что не знают, совпадают ли их взгляды на секс со взглядами их соучеников, 35 % девушек и 45 % юношей считают, что они тождественны или похожи. С возрастом эта предполагаемая общность взглядов увеличивается с 35 % у тех, кто младше 14-ти лет, до 60 % у 16-17-летних.

Несмотря на то, что подавляющее большинство российских подростков отрицают давление со стороны сверстников в сторону более раннего начала сексуальной жизни, такое давление, особенно на мальчиков, реально существует и достаточно сильно. На вопрос «Твои друзья одобрили бы или

осудили молодых людей твоего возраста за половые сношения?» 11 % 16-летних девственников сказали, что осудили бы, 46 % – что не стали бы ни осуждать, ни поддерживать, и 42 % – что отнеслись бы одобрительно. Среди сексуально искушенных соответствующие цифры составляют 4 %, 30 % и 67 %. Ребята явно рассчитывают на поддержку ровесников. Как соотносится при этом выбор друзей по принципу общности взглядов и поведения, с одной стороны, и сознательная ориентация на групповые ценности и нормы, с другой, – тема самостоятельного исследования.

Заслуживает внимания то, что многие подростки, особенно мальчики, склонны преувеличивать сексуальную «продвинутость» своих друзей и однокашников. В 1993 году только 36 % 16-17-летних сами имели сексуальный опыт. Однако на вопрос: «Сколько примерно твоих друзей уже имели половые сношения?» 15 % этой возрастной группы ответили «примерно половина», 16 % – «больше половины» и еще столько же – «практически все». У сексуально искушенных аберрация еще больше: «никто» – меньше одного процента, «меньше половины» – 21 %, «примерно половина» – 18 %, «больше половины» – 26 %, «практически все» – 33 %. Завышенная оценка возрастной «нормы» толкает подростка к рискованным сексуальным и прочим экспериментам: не могу же я отставать от других?!

Нравственные убеждения, с которыми подростки сверяют свои поступки, противоречивы, непоследовательны и далеко не всегда реализуются в поведении (как и у взрослых).

41 % опрошенных в 1993 году 12-17 летних девочек и 29 % мальчиков сказали, что придают важное значение религии. 46 % девочек и 23 % мальчиков говорят, что добрачный секс противоречит их убеждениям. Однако среди 16-17-летних, у которых этот вопрос из теоретического становится практическим, так считают уже только 21 %, а 60 % этого мнения открыто не разделяют.

Установки и взгляды подростков часто радикальней их собственного поведения. Отчасти этот радикализм показной, демонстративный, но отчасти это предвестник грядущих поведенческих сдвигов. Как показывает международный опыт, сдвиги в установках и ценностях большей частью опережают изменения в реальном сексуальном поведении.

В отличие от консервативных взрослых, для которых подростковый секс – опасное, отклоняющееся от нормы, поведение, сами подростки считают его нормальным и естественным. С мнением «Нереально думать, что молодежь удержится от занятий сексом в подростковом возрасте» в 1993 г. полностью согласились 46 % мальчиков и 36 % девочек. 53 % мальчиков и 36 % девочек не видят ничего плохого в добрачных отношениях, если молодые люди любят друг друга. С суждением «К половым сношениям нужно относиться как ко вполне нормальной и ожидаемой части свиданий подростков» полностью согласились 36 % мальчиков и 21 % девочек (среди сексуально искушенных 16-летних – соответственно

56 % и 37 %). Эти мнения более сдержанны, чем мнения американских подростков 1970-х годов, но эта сдержанность имеет границы.

Анализ ответов на вопрос: «Если ты не занимался (не занималась) сексом или сейчас сознательно воздерживаешься от дальнейших сексуальных контактов, то почему?», показывает, что подростковая мотивация в этом вопросе довольно прагматична. Ответы обобщены в таблице 9:

Таблица 9

Мотивы сексуального воздержания подростков (опрос 1993 г.)

<i>Вариант ответа</i>	<i>Девочки, %</i>	<i>Мальчики, %</i>
Это против моих религиозных убеждений	9,9	5,4
Это не кажется мне особенно привлекательным	20,0	9,3
Мне не хочется вдруг столкнуться с проблемой нежелательной беременности	31,5	17,4
Я не хочу заполучить СПИД или какую-нибудь другую болезнь, передающуюся половым путем	40,9	30,7
Я не нашел (не нашла) еще, с кем бы этим стоило заняться	13,5	26,0
У меня пока не было подходящего случая	7,7	20,4
Это вызвало бы у меня чувство неудобства	14,7	7,9
Это кажется мне неправильным с моральной точки зрения	13,7	6,4
Я еще не чувствую себя готовым (готовой) к этому	26,0	13,9
Я не хочу расстраивать своих родителей	15,9	7,9
Я не хочу, чтобы кто-нибудь мною пользовался для своих целей, для своего удовольствия	25,7	8,1
Другой ответ	4,6	5,3
Не ответили	8,4	19,0

Моральные («Почему я не должен?») и психологические («Почему я не хочу?») доводы отступают на второй план перед соображениями практического свойства: «Чего я боюсь?» и «Что мне мешает?», особенно у мальчиков.

В опросе 1995 г. молодых людей просили ответить, какие причины удерживают их от вступления в сексуальную связь, а затем указать, что из перечисленного для них наиболее важно, то есть выбрать из нескольких причин одну. Самым важным фактором для обоих полов, который указали 39 % девушек и 30 % юношей, оказалось «Я еще не нашел под-

ходящего человека». У юношей на втором месте (23 %) стоит собственная застенчивость и нерешительность (среди девушек так ответили меньше 5 %) и на третьем (18 %) – отсутствие возможности (среди девушек так ответили меньше 4 %). У девушек вторая по значимости (19 %) причина сексуальной сдержанности – чувство своей неготовности к столь ответственному шагу (среди юношей так ответили вдвое меньше), а третья (12 %) – нежелание быть использованной ради чьего-то удовольствия (только 0,6 % мальчиков выбрали этот вариант). Девушки в два с половиной раза больше мальчиков озабочены проблемой возможной беременности и вдвое больше – негативной реакцией родителей.

Если вспомнить предыдущий раздел книги, очевидно, что **ничего особенного и сенсационного в российских цифрах нет. Они, как и стоящие за ними социальные и психологические проблемы, вполне сопоставимы с западными и отражают одни и те же общие тенденции.**

Тип современной российской подростковой сексуальной культуры очень похож на ту, которая существовала в США и в странах Западной Европы 30 лет тому назад. Раннее начало сексуальной жизни тогда тоже коррелировало с плохой учебой, конфликтами с родителями, вовлечением в преступные группы, кражами, угоном автомашин, вандализмом, насилием, курением, пьянством, употреблением наркотиков (Miller and Simon, 1980; Vener and Stewart, 1974; Yamaguchi and Kandel, 1985).

Сама по себе подростковая сексуальность отнюдь не была причиной антисоциального поведения, но за статистическими корреляциями прослеживались контуры такого типа молодежной субкультуры, когда и взрослое общество и сами тинейджеры видят в сексуальной жизни, курении, выпивке и баловстве с наркотиками знаки взросления, обретения самостоятельности от старших, прежде всего от родителей. Когда общество перестает табуировать юношескую сексуальность, начинает относиться к ней спокойно, помогая подросткам овладеть необходимыми для жизни знаниями, ее связь с девиантным поведением ослабевает и даже вовсе исчезает, что и было показано выше на опыте стран Западной Европы.

Однако так происходит только там, где взрослое общество обладает достаточно высокой сексуальной культурой и терпимостью. США, где консервативные силы пытались в конце 1960-х остановить сексуальную революцию с помощью заклинаний и запретов, уверяя, что сексуальное просвещение – «грязный коммунистический заговор для подрыва духовного здоровья американской молодежи», сейчас расплачиваются за это неслыханным в Западном мире размахом сексуального насилия, подростковых беременностей и абортов. Разумеется, это зависит от множества социальных причин, но сексуальная безграмотность, в сочетании с культом насилия в средствах массовой информации, тоже немало этому способствует.

США имеют едва ли не лучшие в мире научные исследования проблем пола и сексуальности. Но, когда в конце 1989 г. Институт Кинзи

протестировал 1974 взрослых американцев, задав им 18 элементарных сексологических вопросов, 55 % опрошенных провалились, не сумев правильно ответить даже на половину вопросов, только пять (!!!) человек получили «пятерки» и 68 (4 %) – «четверки». Да и как могло быть иначе, если лишь 14 % этих людей получили в юности какое-то сексуальное образование? (Reinisch, 1990).

В опросе, проведенном в начале 1990-х годов супругами Джанус, 53 % мужчин и 33 % женщин сказали, что главные сведения о сексе почерпнули на улице, 25 % и 40 % – в кругу семьи, и только 20 % мужчин и 25 % женщин – в школе (Janus and Janus, 1993). В последние годы сексуальное просвещение в США стало улучшаться. Судя по данным недавних опросов, три четверти тинейджеров так или иначе обсуждают эти вопросы с родителями, и 72 % имели какие-то занятия в школе (Teens Talk about Sex, 1996) Девять из десяти опрошенных 18-19-летних американцев сказали, что они получили какое-то систематическое сексуальное просвещение (Kenen, 1997). Именно этим американцы объясняют достигнутое в 1995 году – впервые с 1970 года! – пятипроцентное снижение числа подростков, начавших половую жизнь между 15 и 19 годами (количество девушек, начавших сексуальную жизнь в этом возрасте, снизилось с 55 % в 1990 до 50 % в 1995, а доля юношей – с 60 % в 1988 до 55 % в 1995 году), а также значительное – на 7,8 % – снижение беременностей в этой возрастной группе (National and State-Specific Pregnancy Rates Among Adolescents, 2000)

Американские ученые и педагоги понимают, что возраст сексуального дебюта зависит от многих социальных и психологических факторов. Кэролайн Т.Хэлперн и ее сотрудники (Университет Северной Каролины) установили, что более умственно развитые (имеющие более высокий IQ) подростки больше остальных склонны отложить свой сексуальный дебют, потому что они лучше понимают опасности ранней сексуальной жизни и имеют лучше сформулированные жизненные планы (Halpern, 2000) . С другой стороны, по данным того же проекта, возраст сексуального дебюта зависит также от конституциональных особенностей подростка: мальчики с более высоким уровнем тестостерона склонны делать это раньше тех, у кого секреция тестостерона слабее (Halpern, 1993; Program activities..., 2000).

Неоднозначными оказались и результаты так называемого движения пледжеров (от англ. pledge – обет, обязательство). По инициативе ряда религиозных организаций США, многие американские школьники (около 9 процентов юношей и 16 процентов девушек, учащихся в 7-12 классах) дали торжественный публичный обет воздерживаться от сексуальных связей до вступления в брак. Вопреки ожиданиям скептиков, многие подростки действительно соблюдают это обещание (Bearman and Brueckner, 2000). Но это зависит от множества условий.

Среди пледжеров, как их называют, преобладают подростки, которые и без торжественного обязательства не стали бы торопиться с сексуальным дебютом (влияние семьи, религиозно-нравственные убеждения). Кроме того, эффект зависит от микросоциальной среды. Пледжеры выполняют свой обет там, где они чувствуют себя особым моральным сообществом. Если в данной школе пледжеров мало, обет легко забывается. Не соблюдают его и там, где к движению примкнуло большинство подростков: в этом случае обязательство становится формальным, его соблюдение не даст подростку желанного чувства собственной «избранности» (как обязательное членство в комсомоле в советское время). У некоторых ребят отношение к обету меняется с возрастом.

Наконец, современная подростковая сексуальность не обязательно бывает коитальной. Принятие обета отсрочивает первый половой акт. А как это влияет на мастурбацию и оральный секс? Ведь пледжеры мотивируют свое воздержание не соображениями безопасности, а моральными принципами. Я спросил об этом исследователя этого движения доктора Питера Бермана, но он сказал, что никаких данных на сей счет нет. Не исключено, что речь идет не столько о сексуальном воздержании, сколько о замене одной формы сексуального удовлетворения другими. Билл Клинтон тоже не считал свои занятия с Моникой Левински сексом...

Отношение американских родителей к школьному сексуальному просвещению остается противоречивым. Абсолютное большинство их хотят сделать его более всеобъемлющим, но при этом избежать обсуждения самых острых вопросов. Об этом убедительно свидетельствуют результаты недавнего национального опроса, опубликованные агентством Рейтер 27 сентября 2000 года (Zwillich, 2000).

Опрос проводило по телефону известное калифорнийское агентство Kaiser Family Foundation. Общенациональная выборка включала 1500 школьников с 7 по 12 класс и их родителей, 1000 преподавателей курса сексуального просвещения в общественных школах и свыше 300 директоров школ.

89 % школьников сказали, что к 11 или 12 классу они получили в школе какое-то сексуальное образование. Почти все родители сказали, что этот курс должен поощрять подростков не вступать в сексуальные отношения до брака. В то же время две трети считают, что тинейджеров нужно учить не только ждать до брака, но и пользоваться контрацепцией и приемами безопасного секса, если они не готовы ждать. По крайней мере, 75 % родителей сказали, что эти уроки должны включать и многие другие темы, такие как гомосексуальность, аборт, правильное применение презервативов, как проверяться на ВИЧ и другие болезни, передающиеся половым путем.

Как заметила руководительница опроса Тина Хофф, коротко говоря, «родители хотят всего сразу». Однако краткосрочные школьные курсы секспросвета не позволяют это сделать. Три четверти опрошенных учи-

телей сказали, что их курсы были непродолжительными, иногда всего несколько уроков. Три четверти родителей считают, что этот курс должен продолжаться полсеместра или дольше.

Краткосрочные курсы не включают многих важных вопросов. 97 % родителей хотят, чтобы их детей научили, что делать в случае изнасилования. Но только 59 % подростков сказали, что в их классах затрагивались эти вопросы. Такой же разрыв между родительскими ожиданиями и действительностью прослеживается в таких вопросах как гомосексуальность и «как говорить о сексе с родителями и партнерами».

Большой разрыв существует между предполагаемыми целями сексуального просвещения и тем, что реально происходит в классе. Треть учителей и директоров школ сказали, что главная заповедь школьных курсов – «только воздержание». Но лишь 18 % опрошенных школьников сказали, что в школе им говорили только это. Видимо, несмотря на запреты, учителя отвечают также на вопросы о контрацепции, сексуальной технике и т.д.

Но как ни плохо обстоит дело в США, в России все гораздо хуже. **Российские подростки «догоняют» и «перегоняют» своих западных ровесников в крайне сложных и неблагоприятных социокультурных условиях, а официальное общество и государство не только не помогают им, но усугубляют их трудности.**

Первая из них – **отсутствие систематического сексуального образования.** Дефицит научной информации о сексуальности и разрыв между поколениями в этих вопросах в постсоветской России велик, как нигде. Об этом говорят все имеющиеся социологические данные.

В 1991 г. на вопрос ВЦИОМ «Говорили ли ваши родители с вами на темы полового воспитания?» положительно ответили 13 %, отрицательно – 87 % опрошенных. Особенно обделены родительским вниманием мальчики: если с девочками говорили 15 % родителей, то с мальчиками – только 10 %. Снова бросается в глаза социально-возрастная дифференциация: среди людей моложе 25 лет положительно ответили на этот вопрос 27-28 %, а среди тех, кому больше 55 лет, – только 5 %. Городские родители говорят на эти темы чаще, чем сельские и т.д.

Собственных детей респонденты воспитывают или собираются воспитывать иначе. На вопрос «Говорили ли вы, собираетесь ли вы говорить со своими детьми на темы полового воспитания?» утвердительно ответили 51 % (женщин на 6 % больше, чем мужчин), отрицательно – 48 %. Однако перевес положительных ответов достигается главным образом за счет молодежи, уменьшаясь с 83 % в группе 20-24-летних, которые говорят только о своих намерениях, до 23-24 % среди тех, кто старше 55 лет.

Для опрошенных Сотниковой и Перминовой девушек-москвичек в 1988 г. главным источником информации по вопросам пола и контрацепции (56 %) были подруги и знакомые; доля родителей составила 9,7 %, медицинских работников – 3,8 %, учителей – 1,2 %.

По данным нашего опроса 1993 г., больше двух третей родителей никогда не говорили со своими детьми о сексе, а те, кто этих тем касался, делали это один-два раза. Сами ребята спрашивать родителей стесняются или не хотят. За последний год перед опросом 67 % девочек и 77 % мальчиков ни разу не задавали таких вопросов. Не удивительно, что на вопрос «Насколько совпадают твои взгляды и принципы, касающиеся секса, со взглядами и принципами твоих родителей?» свыше половины подростков ответили: «Не знаю». Тем не менее 38 % 16-17-летних были убеждены, что их взгляды решительно расходятся с родительскими.

Так же «невинна» по части сексуального просвещения и школа. Только 17 % учащихся двух крупнейших столичных городов получили в школе какие-то сведения, как правило, одну или две лекции, остальные – ничего.

При опросе в 1997 г. учащихся 7-9-х классов 16 пилотных школ (869 мальчиков и 928 девочек) в восьми разных регионах выяснилось, что специальные занятия или уроки по сексуальному просвещению (чаще всего – одно-два занятия) посещали лишь 16 % мальчиков и 23 % девочек. Основными источниками знаний о сексе (таблица 10) являются печатные издания (30 % процентов мальчиков и 28 % девочек), фильмы и телепередачи (22 % и 13 %), разговоры с друзьями (22 % и 16 %). Родителей и других родственников упомянули 6 % мальчиков и 15 % девочек, учителей и лекторов – 3 % и 4 %, медицинских работников – 2 % и 4 %.

По сравнению со своими родителями, которых опрашивали по сходной анкете, сегодняшние школьники имеют значительно более разнообразные и более надежные источники информации, чем их отцы и матери в их возрасте. Если родительское поколение, как и предыдущие, черпало главную информацию из разговоров со своими сверстниками, то теперь на первый план выходят печатные и электронные источники информации. Но ничего похожего на систематическое сексуальное образование в стране нет.

Самые авторитетные для подростков взрослые – родители и учителя – не могут и не хотят заниматься этим делом. Опрос 1997 г. подтвердил, что лишь ничтожная доля родителей (чаще матерей) говорят с подростками на эти темы, да и то, как правило, в самой общей форме.

Так же инертна и беспомощна и школа. 67 % учителей пилотных школ сказали, что девочки-ученицы никогда не задавали им вопросов о взаимоотношениях между полами (применительно к мальчикам доля отрицательных ответов возрастает до 87 %), а большинство из тех, кому такие вопросы задавали, признались, что старались дать обтекаемый ответ или перевести разговор на другую тему. На вопрос «Ощущаете ли Вы себя готовой / готовым дать ответы на вопросы, связанные с сексуальным развитием и поведением учащихся, если в Вам обратятся школьники или их родители?» определенно утвердительно ответили только 11,5 % учителей. Боюсь, что и они переоценили свои реальные знания.

Таблица 10

Главные источники знаний о сексуальности, по полу и школьному классу. Опрос 1997 г. (%)

Источники информации	Класс						Всего	
	7		8		9			
	Пол		Пол		Пол		Пол	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Книги, журналы, газеты	52,5	54,1	57,4	63,6	66,5	62,3	60,7	60,8
Разговоры с друзьями	38,8	36,6	54,9	55,8	47,5	56,3	47,7	51,6
Кино, телевидение	39,9	38,7	54,5	50,4	56,1	45,5	52,0	45,4
Родители и другие родственники	8,2	32,0	10,2	25,6	12,4	24,3	10,8	26,4
Учителя, лекторы	8,2	7,2	3,3	7,4	9,1	16,5	7,2	11,6
Братья, сестры	6,6	13,4	9,8	11,6	8,9	6,3	8,6	9,5
Профессиональная консультация	4,4	4,6	2,5	4,7	6,1	18,8	4,6	11,3
Медицинские работники	1,6	9,3	2,0	7,0	3,6	11,0	2,7	9,4
Сексуальный партнер(ша)	3,3	2,6	7,0	5,0	4,8	7,5	5,1	5,6
Собственный опыт	7,1	1,5	6,6	4,7	7,9	8,0	7,3	5,5
Другое	0,5	2,6	1,2	1,6	0,8	1,8	0,9	1,9

Интересно выявленное И.И.Луниным в 1993 г. расхождение в оценке подростками «достоверности» и «доступности» разных источников сексуальной информации. Достоверность информации от родителей оценивается высоко (56 %), уступая только медицинской литературе, но этот источник кажется подросткам наименее доступным. Напротив, друзья – самый доступный (80 % процентов), но наименее достоверный (32 %) источник информации о сексе. Следующие наиболее доступные источники информации: видеофильмы (72 %), художественная литература (65 %) и эротические журналы (53 %). Их достоверность подростки оценивают невысоко, но у них практически нет выбора...

В самые последние годы все большую роль в сексуальном самообразовании подрастающего поколения приобретает Интернет, но он доступен лишь ничтожному меньшинству подростков, да и почерпнуть там можно практически что угодно. Специальных просветительных сайтов для подростков в российском Интернете нет. Это вынуждает их посещать немногочисленные сайты для взрослых или бесчисленные эротические и порнографические сайты.

КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

В воспитании нуждается не столько общественное мнение, сколько общественные деятели.

Оскар Уайльд

Как же справляется российское общество с этой задачей?

Разговоры о необходимости введения в стране сексуального образования начались в СССР еще в 1962 г., их история подробно изложена в моей книге «Сексуальная культура в России. Клубничка на березке» (1997).

Половое воспитание мыслилось прежде всего как воспитание нравственное, собственно сексуальное просвещение вызывало у педагогов панический страх и часто объявлялось ненужным. О том, чтобы знакомить подростков с основами контрацепции, никто даже и не помышлял. Созданный в Академии Педагогических наук СССР сектор «этико-эстетических проблем полового воспитания» занимался главным образом морализированием, пропагандой полного сексуального воздержания до 25-30 лет и запугивал подростков ужасными последствиями мастурбации (импотенция, потеря памяти и т.д. и т.п.).

С введением в школьные программы в 1983-85 гг. курсов «Гигиеническое и половое воспитание» (12 часов в 8 классе) и «Этика и психология семейной жизни» (34 часа в 9-10 классах) дело, казалось, сдвинулось с места. Однако новый курс не был методически подготовлен. Прежде всего, никто не позаботился заранее об обучении учителей, моя статья на эту тему в «Учительской газете» так и называлась «Научите учителя». Учебные пособия для учителей А.Г.Хрипковой и Д.В.Колесова содержали полезные сведения по анатомии и физиологии, но самые важные психоло-

гические проблемы трактовали примитивно и с заведомо проигрышных охранительных позиций. Учебники для самих школьников сексуальные сюжеты вообще старались обойти. Немногочисленные профессиональные публикации, – книга Д.Н.Исасва и В.Е.Кагана «Половое воспитание и психогигиена пола у детей» (Ленинград, 1979, 1980), популярные книги В.Е.Кагана «Родителям о половом воспитании» (Москва, 1989), «Воспитателю о сексологии» (Москва, 1991) не могли изменить общей картины. Разработанные учеными программы дифференцированного полового просвещения для учащихся разного возраста остались невостребованными. Врачи и педагоги не имели, да и не искали общего языка, а психологи в этом деле вовсе не участвовали. В результате школьный курс практически оказался мертворожденным.

С наступлением эпохи перестройки и гласности о необходимости сексуального просвещения во весь голос заговорили средства массовой информации, а социологи начали время от времени зондировать, как отнесется к этому общественное мнение. Несмотря на чудовищную неинформированность населения, его реакция с самого начала была положительной.

Во всех репрезентативных опросах общественного мнения, которые ВЦИОМ проводил с 1989 года, подавляющее большинство взрослого населения высказывалось в пользу систематического сексуального просвещения, особенно школьного.

Во всесоюзном опросе в конце 1989 г. ответы на вопрос: «Какие каналы получения информации по вопросам сексуальной жизни вы считаете наиболее приемлемыми и эффективными?» распределились следующим образом:

- специальный учебный курс в школах, учебных заведениях – 45,6 %;
- специальная научно-популярная литература – 42,5 %;
- специальные научно-популярные фильмы, специальная научно-популярная программа телевидения – 28,7 %;
- консультации у врачей-специалистов – 22,2 %;
- беседы с родителями – 21,4 %;
- обсуждение проблем сексуальной жизни со сверстниками – 5,3 %;
- другие способы – 0,7 %;
- просвещение молодежи в вопросах сексуальной жизни вообще не нужно – 3,0 %;
- затруднились с ответом – 6,2 %.

При всероссийском опросе 1991 г. за введение уроков полового просвещения в школе, начиная с 5-6 класса, высказались 60 % (женщины – 61 %, мужчины – 58 %), против – 21 %. При этом бросалась в глаза возрастная разница: среди людей моложе 25 лет положительно ответили свыше 80 %, а среди тех, кто старше 60, – 38 %. Получается, что люди, для которых секс уже перестал быть актуальным, стараются заблокировать информацию, необходимую тем, у кого жизнь впереди.

В анкете ВЦИОМ 1992 г. (всесоюзный опрос) был вопрос, преподаванию каких школьных предметов сейчас следовало бы, по мнению респондентов, уделить наибольшее внимание. В длинном списке предметов фигурировала «гигиена сексуальных отношений» (название, прямо скажем, не слишком увлекательное). В славянском регионе этот предмет вышел у мужчин на шестое, а у женщин – на четвертое по значимости место. Младшая возрастная группа (от 16 до 20 лет) поставила его на первое (его упомянули 29 % опрошенных), а группа 20-24-летних – на второе место.

По данным общенационального опроса ВЦИОМ в 1994 г., 81 % взрослых выступают за введение полового просвещения в образовательных учреждениях для 14-16-летних подростков и только 10 процентов – против (категорически против лишь 2,7 % мужчин и 4,4 % женщин). Мужчины поддерживают сексуальное просвещение больше, чем женщины, молодые – больше, чем пожилые (среди респондентов моложе 25 лет безусловно поддерживают введение такого курса 70 %, а среди тех, кто старше 55 лет, – 32 %), а люди с высшим образованием – больше, чем с начальным (61 %: 38 %). 42 % мужчин и 37 % женщин согласны даже на то, чтобы этот курс получали 10-13-летние школьники (Бодрова, 1997).

Выборочные опросы школьников, учителей и родителей показывают то же самое.

В нашем опросе 16-19 летних юношей и девушек в 1995 г. с мнением, что «сексуальным отношениям нужно уделять не меньше внимания, чем учебе или работе», согласились 59 % девушек и 60 % юношей (не согласились 21 % и 23 %). С идеей ввести в школах специальный курс сексуального просвещения были согласны 88 % девушек и 78,5 % юношей (против – 5 % и 9 %).

При опросе в 1997 г. за введение специального школьного предмета, посвященного сексуальным отношениям, высказались более 80 % педагогов и около 90 % учащихся 7 – 9 классов и их родителей.

Разумеется, это только верхушка айсберга. Как только заходит вопрос о том, чем именно должно заниматься сексуальное просвещение, кто и как должен его проводить, мнения людей расходятся.

При анкетировании группы школьников в Москве в 1993 г., 50 % подростков сказали, что хотели бы получать информацию от врачей, 22 % – из специальной литературы, 18 % – от родителей и никто – от школьных учителей. На вопрос о необходимости специальных школьных уроков полового просвещения положительно ответили 71 % учителей, 69 % родителей и только 21 % подростков. Между прочим, 83 % учителей тоже считают, что вести этот предмет должен «человек со стороны» (Буторина, 1994).

Расходятся подростки и взрослые и в своих требованиях к содержанию соответствующего курса. Если взрослых заботят прежде всего проблемы безопасного секса, но подростки хотят, наряду с этим, получить информацию о способах максимизации сексуального удовольствия.

Как выглядят представления подростков о содержании школьного курса сексуального просвещения по данным нашего опроса 1997 г., видно из таблицы 11.

Таблица 11

Вопросы, которые школьники считают самыми важными в курсе сексуального образования. Опрос 1997 г. (%)

Вопросы	Класс						Всего	
	7		8		9			
	Пол		Пол		Пол		Пол	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Психология взаимоотношений между полами	54,6	60,8	59,8	69,8	62,2	67,0	59,8	66,4
Зачатие, беременность и роды	49,7	64,9	45,5	52,7	39,6	54,3	43,6	56,2
Сексуальная ориентация, гомосексуальность и т.д.	27,9	26,8	27,0	24,4	18,8	24,3	23,3	24,9
Сексуальная техника: как получить от секса больше удовольствия	44,3	32,5	55,7	41,5	59,9	43,5	55,2	40,4
Сексуальная анатомия	45,4	42,8	43,0	46,5	44,4	45,8	44,2	45,3
Брак и семейная жизнь	63,4	79,4	58,2	70,2	56,6	66,5	58,6	70,5
Сексуальная гигиена	58,5	59,8	53,7	52,3	55,6	50,0	55,7	52,9
Методы контрацепции	47,5	63,4	51,6	67,4	62,2	69,3	55,8	67,4
Сексуальное насилие и как его избежать	50,3	72,2	47,5	74,8	51,0	76,8	49,8	75,1
Профилактика заболеваний, передаваемых половым путем, и СПИДа	72,1	82,5	76,6	83,3	78,7	84,0	76,6	83,5
Улучшение сексуального здоровья	55,7	49,0	56,6	52,7	62,4	52,8	59,2	51,9

Совершенно очевидно, что эти разные требования и ожидания требуют тщательного обсуждения и согласования, на которое способны только специалисты, которых в России никто никогда не готовил.

Понимая, что одно государство с проблемами планирования семьи не справится, советская общественность в конце 1980-х годов начала создавать для этой цели независимые фонды и организации. В январе 1989 г. была создана Международная ассоциация «Семья и здоровье» во главе с известным гинекологом и эндокринологом И.А. Мануиловой. В 1991 г., после распада Советского Союза, была создана Российская ассоциация

планирования семьи (РАПС) под председательством академика медицины В.И. Кулакова (генеральный директор И.И. Гребешева). При помощи Международной Федерации планирования семьи РАПС проводит большую пропагандистскую и просветительскую работу. С 1993 г. она издает международный медицинский журнал «Планирование семьи», проводит семинары по подготовке социальных работников, выпустила несколько книг для социальных работников и популярных брошюр для подростков. Переводимый ею журнал «Выбор» (с 1997 г., раньше он назывался «Планирование семьи в Европе») дает ценную информацию о состоянии сексуального здоровья и планирования семьи в Европе. Там же опубликована и собственная концепция РАПС (Гребешева, Камсюк, Алесина, 1997). Очень много делают и местные отделения РАПС.

В Северо-Западном административном округе Москвы успешно работает Медико-педагогический центр для подростков. В результате его усилий в округе вдвое снизилось число аборт у несовершеннолетних девушек. «В моей школе не было ни одной беременности течение трех лет работы сотрудников молодежного центра. До этого я не знала, что делать», – говорит директор Учебно-воспитательного комплекса № 1875 И.В. Сивцова. В работе Национальной конференции РАПС на тему «Репродуктивное здоровье и сексуальное воспитание молодежи» (1994) участвовали ряд парламентских комиссий, министерств и ведомств.

Прислушавшись к мнению специалистов, государство начало в 1994 году специальную президентскую программу «Планирование семьи», целями которой является содействие реализации прав каждой семьи, каждого человека, мужчины и женщины, свободно и без принуждения решать, сколько и когда они хотели бы иметь детей; охрана репродуктивного здоровья населения; профилактика аборт, болезней, передаваемых половым путем, и СПИДа. Чтобы законодательно оформить эту социальную политику, фракция «Женщины России» внесла в Государственную думу законопроект «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления», который предусматривал:

- право свободно и без принуждения решать вопрос, когда и сколько иметь детей в семье,
- право на предупреждение аборт путем использования современных средств контрацепции,
- право на получение качественных услуг в области планирования семьи и охраны репродуктивного здоровья,
- право на получение грамотной и доступной информации о безопасном сексуальном поведении и охране репродуктивного здоровья, получение образования в этой области в учебных учреждениях.

«Планирование семьи» оказалось едва ли не единственной относительно успешной государственной программой. В результате совместных усилий медиков и социальных работников значительно больше женщин в Рос-

сии стали применять контрацепцию. По данным серьезного независимого исследования (Entwisle, 1996), в конце 1995 г. контрацепцией пользовались 63 % замужних женщин репродуктивного возраста (20-49 лет).

Повышение контрацептивной культуры способствовало снижению числа аборт. Число искусственных абортов на 1000 женщин фертильного возраста (15-49 лет) снизилось, по данным официальной статистики, с 88 в 1993 до 74 в 1995 году (Госкомстат, 1996, с. 210-211) Некоторые независимые авторы дают даже более низкую цифру – 55 абортов (с учетом миниаборт) на 1000 женщин от 20 до 49 лет (Бодрова, с.19).

Снизилось число нежелательных беременностей и абортов и в младшей возрастной группе (см. рис. 2).

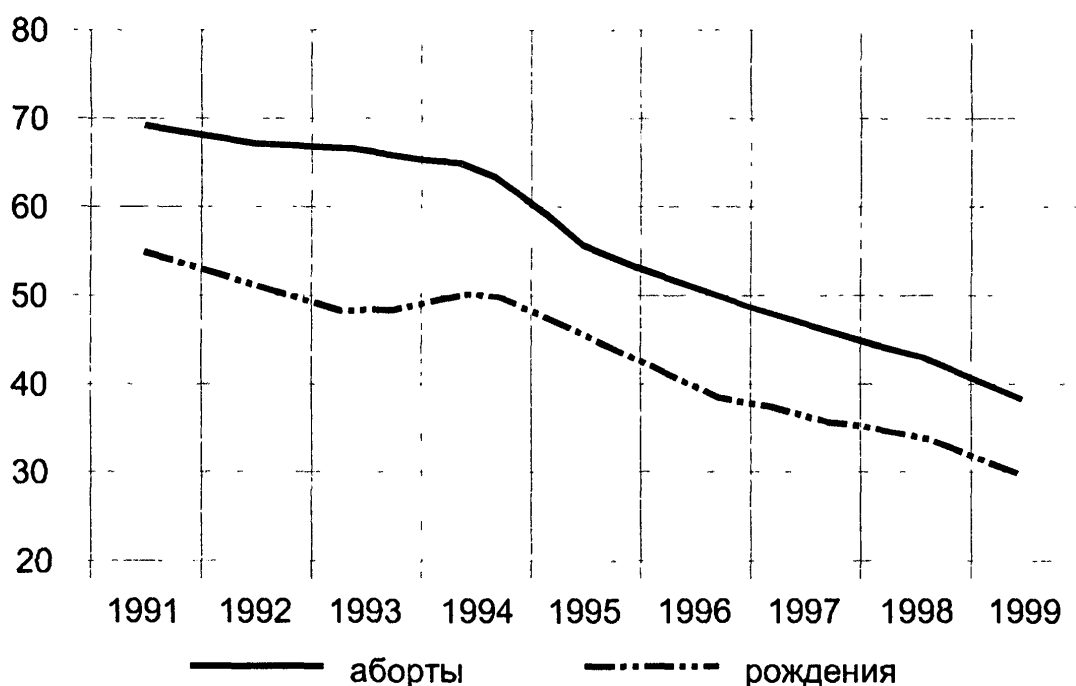

Рис. 2. Число абортов и число живорождений у женщин в возрасте до 20 лет, на 1000 человек.

Источник: Данные Госкомстата России («Сексуальное и репродуктивное поведение подростков в России», 2001).

Однако эти успехи относительны.

Российские мужчины и женщины используют контрацепцию значительно реже, чем в западных странах, особенно при первом сексуальном контакте. По данным исследования «Репродуктивное здоровье российских женщин» (ВЦИОМ, CDC [США], USAID), только 44 % респондентов в возрасте 15-24 года использовали какие-либо МСК при первом половом контакте. В Нидерландах, где уровень подростковых беременностей один из самых низких в мире, доля подростков, использующих контрацепцию при сексуальном дебюте, составляет 85 процентов, в США она равна 75 процентам. На контрацептивное поведение подростков влияет недостаточная информированность; распространенное мнение об отрицательном влиянии противозачаточных средств на здоровье; их не-

надежность; сложность применения; дороговизна; собственная психологическая неподготовленность; желание сохранить тайну интимных отношений от родственников, знакомых, врачей («Сексуальное и репродуктивное поведение подростков в России», 2001).

По числу аборт на 100 рождений Россия опережает США приблизительно в 8 раз, Англию и Францию – в 10, Нидерланды – в 20 раз. Из трех беременностей родами завершается только одна. В стране ежегодно прерывается свыше 170 тысяч первых беременностей.

По официальным данным, аборты составляют 56 % исходов беременности (аборты + живорождения) у женщин в возрасте 15-19 лет. Иными словами, в указанном возрасте на 100 рождений приходится около 130 аборт. Помимо официально зарегистрированных, существуют еще нелегальные аборты, которые попадают в статистику только в том случае, если из-за осложнений требуют госпитализации. Данные выборочных обследований о соотношении аборт и родов в подростковом возрасте довольно противоречивы. Согласно исследованию «Репродуктивное здоровье российских женщин» (ВЦИОМ, CDC [США], USAID), у респонденток в возрасте 15-19 лет в 1994-1996 годах искусственным аборт закончилось 30 % беременностей в Ивановской области, 42 % беременностей – в Екатеринбурге и 54 % – в Перми («Сексуальное и репродуктивное поведение подростков в России», 2001).

По данным Санкт-Петербургского городского консультативно-диагностического центра здоровья подростков «Ювента», 80 % женщин приходят в гинекологическую клинику лишь после того, как они уже попытались, часто с ущербом для здоровья, решить проблему собственными силами.

На фоне других стран российские данные выглядят и вовсе неприглядно. (См. рисунок из статьи Сакевич. «Сексуальное и репродуктивное поведение подростков в России», 2001).

Кроме нежелательных беременностей и аборт, к числу опасных последствий сексуальной революции в условиях экономического упадка, обеднения и глобальной криминализации страны относятся также рост проституции, в особенности подростковой и детской проституции, распространенность в молодежной среде сексуального насилия и т.д. В прессе то и дело появляются сенсационные сообщения о торговле несовершеннолетними девочками и мальчиками. Производство детской, в том числе гомосексуальной порнографии в некоторых городах поставлено на поток и осуществляется почти открыто. Однако дальше журналистских сенсаций дело не идет, да и уровень анализа фактов, как правило, оставляет желать лучшего. Разговоры о «защите детей» сплошь и рядом служат лишь предлогом для усиления административно-правовых репрессий, требований повышения легального возраста согласия, введения произвольных запретов на распространение неугодных властям эротических изданий и т.д.

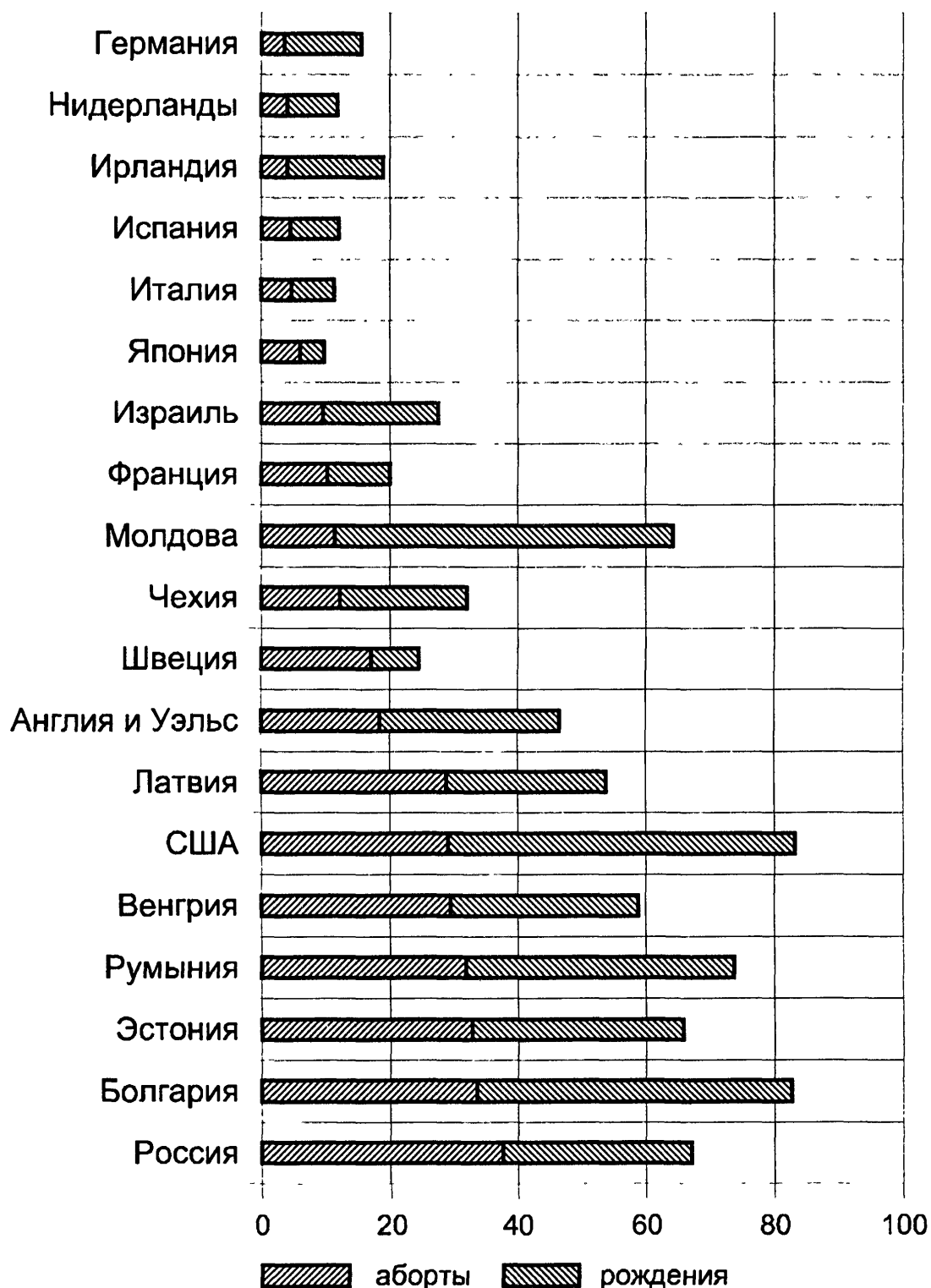

Рис. 3. Число живорождений, абортов и беременностей на 1000 женщин в возрасте 15-19 лет в некоторых развитых странах. Последние годы, за которые имеются данные: Россия – 1999.

Страны на рисунке ранжированы по величине коэффициента абортов у женщин в возрасте 15-19 лет. Как видно, Россия лидирует по этому показателю среди представленных стран.

Сумма чисел абортов и чисел рождений показывает приблизительное число беременностей (если пренебречь небольшим числом мертворождений и выкидышей). По числу подростковых беременностей из представленных стран первое место занимают США – 84 на 1000 женщин, тогда как в России – 68), но подростковых абортов там все же меньше, чем в России (29 против 38 на 1000 женщин).

Особенно серьезной проблемой является катастрофический, принимающий эпидемические масштабы, рост заболеваемости населения, прежде всего – молодежи, болезнями, передаваемыми половым путем (БППП), и СПИДом.

Таблица 12

Зарегистрированные случаи заболеваний сифилисом и гонореей среди детей, подростков и взрослых (впервые установленный диагноз), на 100000 лиц соответствующего возраста

	1991	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Сифилис							
<i>Дети 0-14 лет</i>							
Мальчики	0,1	1,4	3,0	6,2	8,9	9,3	7,9
Девочки	0,2	3,4	6,9	11,3	14,4	14,3	11,5
<i>Подростки 15-17</i>							
Юноши	4,6	65,3	128,3	186,1	181,4	137,2	93,9
Девушки	14,1	217,4	432,1	596,4	561,3	425,7	300,8
<i>Молодежь 18-19</i>							
Мужчины	13,0	187,0	353,1	500,3	491,9	417,7	320,0
Женщины	35,7	467,1	907,4	1302,7	1258,3	999,9	763,3
<i>Все население</i>							
Мужчины	7,9	92,7	189,1	277,6	288,3	243,7	195,6
Женщины	6,7	80,3	166,8	253,9	268,3	227,5	179,7
Гонорея (острая и хроническая)							
<i>Дети 0-14 лет</i>							
Мальчики	0,6	2,2	2,3	1,9	1,5	1,2	1,3
Девочки	7,9	15,4	12,9	10,7	7,5	7,3	7,3
<i>Подростки 15-17</i>							
Юноши	211,6	333,4	283,2	236,9	190,0	162,7	173,6
Девушки	302,1	371,9	296,8	225,3	175,9	155,3	152,6
<i>Молодежь 18-19</i>							
Мужчины	527,8	1032,8	767,8	643,9	520,4	498,3	618,9
Женщины	749,8	934,2	686,1	538,3	405,9	344,0	362,9
<i>Все население</i>							
Мужчины	212,1	272,4	234,6	192,7	162,7	151,2	182,6
Женщины	103,0	145,8	119,7	91,8	71,6	60,8	65,1

Источник: «Сексуальное и репродуктивное поведение подростков в России», 2001

Как следует из таблицы 12, в ряде случаев рост венерической заболеваемости в наибольшей степени затронул младшие возрастные группы. В частности, заболеваемость сифилисом увеличилась во всех возрастных группах населения, но наиболее интенсивно – среди детей и подростков. С 1991 по 1996 год рост первичной заболеваемости составил среди девочек 0-14 лет – 56,5 раза, девушек-подростков – 42,3 раза, взрослых женщин – 37,9 раза.

После 1997 года регистрируется некоторое снижение числа заболеваний сифилисом для обоих полов. Однако ситуация с другими ЗППП осложняется. Опережающими темпами растет регистрация распространенности хламидийной, уреаплазменной и вирус-герпесной инфекций, которых раньше официальная статистика не учитывала. Гонорея регистрировалась всегда, и тенденция к росту ее распространенности отмечалась уже давно. Так, за 80-е годы число выявленных больных с впервые установленным диагнозом среди 15-17-летних юношей и девушек выросло более чем в 2 раза, а у 18-19 летних – в 1,4 раза в расчете на 100000 лиц. С середины 1990-х годов регистрируемая заболеваемость гонореей снижалась, но в 1999 – вновь немного возросла (особенно среди юношей). Что будет дальше, никто с уверенностью сказать не может.

Самое серьезное ЗППП, конечно, СПИД. Еще недавно ситуация с заболеваемостью ВИЧ/СПИД в России была относительно благополучной. Первый случай инфицирования ВИЧ в России был отмечен в 1987 году. В течение 10 лет Россия относилась к числу стран с низким уровнем распространения ВИЧ-инфекции, в период с 1987 по 1996 год в стране было зарегистрировано всего 1062 случая. Новый этап эпидемии ВИЧ/СПИДа в России начался в середине 1996 года, когда в ряде городов возникла вспышка ВИЧ-инфекции среди внутривенных потребителей наркотиков. Вирус стал распространяться очень высокими темпами. В 1997 году было выявлено ВИЧ-инфицированных в 2,8 раза больше, чем в 1996, а в 1999 – в 4,4 раза больше, чем в 1998. В начале 2001 года общее число зарегистрированных случаев ВИЧ-инфекции достигло 86 тысяч, за 2000 год оно почти утроилось. 75 процентов новых случаев заражения приходится на молодежь от 15 до 29 лет. В ряде регионов страны рост инфекции принял эпидемический характер.

Все эти явления взаимосвязаны, имеют социальные причины и не могут быть устранены только с помощью воспитательно-образовательных методов. Однако, как показывает опыт всех цивилизованных стран, адекватное сексуальное просвещение играет в этом деле далеко не последнюю роль. Систематическое снижение заболеваемости СПИДом в странах Запада за последние годы обеспечено всецело и исключительно эффективной пропагандой, одной из предпосылок которой является достаточно высокий уровень сексуальной культуры населения.

Понимая это, но не имея в своем распоряжении ни средств, ни подготовленных кадров, Министерство образования РФ создало в 1994 г. при

участии Минздрава общественный экспертный совет, в который был приглашен и я, и начало искать материальную и методическую помощь за рубежом. В составе совета были руководящие работники просвещения, в том числе местные, представители Минздрава и отдельные ученые (никого из них я раньше не встречал). К сожалению, вопреки моим рекомендациям, ни на одном этапе этой работы к ней не был привлечен доктор медицинских наук профессор В.Е. Каган, единственный человек в стране, сочетающий солидные теоретические знания с практическим опытом сексуального просвещения (он проводил лекции и семинары для подростков в разных регионах страны) и одинаково авторитетный как для врачей, так и для педагогов (его книги и учебные пособия печатали и «Медицина» и «Педагогика»). Не привлекались и учителя-практики, хотя некоторый положительный опыт в стране был (например, в Ярославле). Не было и реального взаимодействия с РАПС. Видимо, обе организации побаивались взаимной конкуренции. Впрочем, самостоятельность в новом деле часто приносит больше пользы, чем вреда, тем более что у них были разные акценты: в РАПС доминировали врачи, особенно гинекологи, а в учреждениях Минобразования – педагоги.

Первым потенциальным западным партнером Минобразования стала известная голландская фармацевтическая фирма «Органон», сотрудники которой предложили России бесплатно использовать, после соответствующей адаптации, свою 12-часовую школьную программу, с которой в свое время начиналось школьное просвещение в Нидерландах, считающееся в Европе образцовым. Однако сотрудники «Органона» могли оказать России только учебно-методическую помощь. Денег на экспериментальную проверку и адаптацию программы к российским условиям фирма не дала (и не обещала), Европейское Сообщество в финансовой помощи тоже отказало.

После этого Министерство образования обратилось за содействием в ООН и после принятых в подобных делах сложных и длительных согласований летом 1996 г. получило от Фонда народонаселения ООН финансовую помощь для проведения экспериментальной работы в течение трех лет для подготовки 30 часового курса полового воспитания в 7-9 классах 16 пилотных школ, чтобы на этой основе в дальнейшем создать необходимые стране альтернативные программы, учебные пособия и т.д. Иностранцы (голландские) специалисты предполагались только в роли консультантов, разрабатывать программу для другой страны, с другой культурой, никто из них не хотел и не брался. Кстати, сотрудники «Органона» при этом сразу же отпали, потому что ООН, во избежание злоупотреблений, никогда не финансирует проектов, в которых участвуют работники коммерческих фирм. Это вам не коррумпированная Россия.

Важной частью проекта был социологический мониторинг. С помощью специально разработанных анкет предполагалось до начала работы

в школах определить структуру сексуального поведения и установок подростков, с которыми предстояло работать, а также уровень их сексологических знаний. Одновременно опрашивались их учителя и родители. Второй мониторинг должен был быть проведен в середине работы, а третий – после ее завершения, чтобы объективно оценить эффективность проделанного и сравнить сексуальное поведение и уровень знаний учащихся пилотных школ с тем, что происходит с их сверстниками в обычных школах. Только после этого предстояло решить, что и в какой форме следует внедрять в практику образования. То есть планировалась серьезная научная работа. Руководителем мониторинга был назначен В.В.Червяков, специалист по проведению массовых опросов, в том числе – сексологических, а научным консультантом я.

Сами педагогические программы должны были создавать, проверять и дорабатывать российские авторы, круг которых не был определен заранее, в рабочей группе этим занимался доцент МГПУ Б.И. Шапиро, но, насколько я знаю, сам он в школе этот предмет не преподавал. Организационно-финансовое руководство проектом, чтобы российские чиновники не пустили деньги по другому назначению, было поручено ЮНЕСКО, почему и сам он в просторечии стал называться «проектом ЮНЕСКО».

Вопреки дезинформации Медведевой и Шишовой, я не только не был руководителем «проекта ЮНЕСКО», но даже не входил в его рабочую группу и не участвовал в разработке его рабочих документов. Все это время, с 10 января по 23 ноября 1996 г., я находился в научной командировке в США, занимаясь совершенно другими вопросами, Министерство образования за это время со мной ни разу не связывалось. Полный комплект относящихся к проекту документов я, как и другие члены экспертного совета, получил только на его заседании в январе 1997 г., когда в прессе уже бушевал скандал, а ксерокопию так называемых «альтернативных программ» я получил от Президента РАО А.В. Петровского, которому их принес какой-то священник. С официальным руководителем проекта зам. министра образования Е.Е. Чепурных я виделся только на двух или трех публичных заседаниях, никаких деловых контактов, даже телефонных, у нас не было.

Единственное, что я читал и одобрил, были составленные В.В. Червяковым социологические с учетом соответствующего международного опыта и наших собственных исследований 1993 и 1995 годов анкеты для школьников, их учителей и родителей. Вопросник «Что ты знаешь о сексе?», с помощью которого должны были измеряться сексуальные знания учащихся, в этот пакет не входил, и, на мой взгляд, он был недоработан, некоторые его вопросы не соответствовали возрасту учащихся и могли шокировать посторонних людей. Хотя должен признать, что динамику уровня сексологических знаний и интересов у учащихся от 7 к 9 классу даже этот несовершенный инструмент в какой-то степени уловил (это

была его единственная цель – понять, когда и как изменяются знания подростков об основных параметрах сексуальности).

Дальше события развивались по обычному российскому сценарию.

Министерские чиновники не позаботились о политическом и морально-психологическом обеспечении проекта. Средствам массовой информации и общественности не разъяснили заранее ни его целей и задач, ни того, что это пробная, экспериментальная работа. Более того, одновременно с информацией о начале работы над проектом Министерство разослало по школам 5 альтернативных программ полового воспитания, написанных не имеющими опыта работы в школе отечественными авторами, без учета возрастных особенностей детей, местной специфики и школьных учебных планов (одна программа была рассчитана на 374 часа, с первого по десятый класс).

Сама по себе идея альтернативных программ был разумной. На первом же заседании экспертного совета в 1994 г., когда обсуждался проект совместной работы с «Органоном», я говорил, что, независимо от успеха этого проекта, стране необходимо несколько разных вариантов программ, чтобы регионы и школы имели возможность свободного выбора, единая программа для такой гигантской страны – нелепость. Все с этим согласились. Как только Министерству удалось получить из бюджета ничтожную по тем временам сумму в 5 млн. рублей, оно разделило эти деньги между пятью маленькими временными коллективами, но не на конкурсной основе, а по собственному усмотрению, не согласовав это даже с собственным экспертным советом. Когда я случайно узнал об этом, то письменно, факсом, выразил по этому поводу резкий протест. Зам. министра М.Н. Лазутова со мной согласилась и обещала, что подготовленные проекты программ будут надлежащим образом обсуждены. Но это также не было сделано, никому из «посторонних» программы не показали.

Вопреки тому, что писала об этом пресса, ничего особенно крамольного по содержанию в этих документах не было. Их главный и неустранимый недостаток состоял в том, что это были не школьные программы, за которыми всегда стоит какой-то практический опыт, методические разработки и т.д., а просто более или менее случайные наборы назывных предложений, показывающих, что тот или иной автор считает нужным знать или преподавать. Ничего лучшего в отведенный срок авторы, достаточно компетентные, хоть и не в данной узкой области, люди, сделать физически не могли. Обсуждать эти проекты всерьез было невозможно. Если бы их разослали специалистам, никто столь сырых документов не одобрил бы.

Но сотрудники Министерства, не посоветовавшись с собственными экспертами, распечатали сборник тиражом в 38000 экземпляров и разослали директорам школ как уже одобренные и рекомендованные Министерством. Это не могло не внести смятения в умы – люди не могли понять, кто, чем и как собирается заниматься. Сырые самодеятельные пред-

ложения были приняты прессой за «проект ЮНЕСКО», который якобы вот-вот будет внедрен по всей стране.

Этим, естественно, воспользовались политические противники не только сексуального просвещения, но и всей политики демократических реформ.

Вместо конструктивной критики проекта, которая была бы только полезна, его действительные и воображаемые недостатки, а точнее – сама идея сексуального просвещения, были использованы консервативными силами для раздувания политического скандала и антизападных настроений. Логика этой пропагандистской компании по разжиганию моральной паники была стандартной:

а) констатируются некие тревожные явления,

б) эти явления интерпретируются в терминах «падения нравов», после чего

в) задаются два сакраментальных российских вопроса: кто виноват и что делать?

Ответ на первый вопрос очевиден: на всем протяжении российской истории во всех ее бедах был всегда виноват Запад; теперь западные, особенно американские, спецслужбы пытаются уже не просто развратить, но окончательно физически истребить русский народ с помощью женского равноправия, контрацепции и сексуального просвещения. Таким образом, морально-педагогический вопрос – можно ли говорить с подростками о сексе? – переводится в политическую плоскость национальной безопасности России.

Ответ на второй вопрос также очевиден: закрыть Америку, а будучи сие невозможно, административно преградить пути ее растленному влиянию.

Единственное отличие моральной паники 1996-1999 гг. от предшествующих состоит в том, что в 1991 г. крестовый поход против секса и эротики возглавляла КПСС, а на сей раз его инициировали организации, действующие по рецептам и под эгидой (не исключено, что и при финансовой помощи) американских ультраправых организаций, тех самых протестантских фундаменталистов, конкуренции которых опасается Русская православная церковь.

Речь идет о так называемом международном движении ProLife, представляющем собой широкую коалицию ультраправых политических и религиозных групп и организаций, с центром в США. Самоназвание это обманчиво. Под предлогом борьбы «за жизнь» и против абортон оно ведет широкую атаку против всех демократических институтов и гражданских прав. Американские антиабортники, как их часто называют, требуют запретить не только аборт, но и контрацепцию, сексуальное просвещение, продленный день и завтраки в школе, которые, по их мнению, ослабляют влияние родителей. В годы холодной войны они выступали в защиту ядерного оружия и против отмены смертной казни. Для ProLife характерен воинствующий антикоммунизм и желание любой ценой со-

хранить традиционную классовую, расовую и половую/гендерную иерархию в семье и обществе. Этот нечестивый союз ханжей и террористов располагает огромными финансовыми средствами и ведет продуманную антидемократическую пропаганду по всему миру.

Эта неприглядная деятельность, а также вскрытые правоохранительными органами США тесные связи «антиабортников» с международным терроризмом и военизированной милицией, стремящейся дестабилизировать американские демократические институты и установить диктатуру фашистского толка, сильно скомпрометировали их в глазах американского общественного мнения. Используя политическую нестабильность в России, они перенесли свою пропагандистскую деятельность на нашу почву, особенно рьяно атакуя репродуктивные права женщин, планирование семьи и сексуальное просвещение.

Примитивная идеология американских «антиабортников» не имеет в России широкой поддержки: опыт тотального контроля над личностью, включая запрет аборт, еще свеж в памяти россиян. Отвечая на анкету ВЦИОМ в 1993 году, только 16 % опрошенных сказали, что поддержали бы запрещение аборт, при 60 % против. Подавляющее большинство россиян, включая людей религиозных, категорически против принудительных мер как поощрения, так и ограничения рождаемости. В опросе ВЦИОМ 1994 года право женщин на аборт признали 73 % мужчин и 88 % женщин (против – 11 % и 8 %). 74 % мужчин и 63 % женщин согласны с тем, что 14-16 летние подростки имеют право на получение средств контрацепции даже без согласия родителей! (Бодрова, 1997).

Осуждать одновременно и аборт, и контрацепцию – значит практически призывать к отказу от сексуальной жизни в браке. Каждая здоровая супружеская пара, не контролирующая свою рождаемость, будет, при нормальном ритме половой жизни, иметь по 10-15 детей. Кто и как их будет содержать? Выступать с подобной проповедью открыто невозможно – засмеют. Гораздо более удобной мишенью оказался проект полового воспитания школьников, о котором, за отсутствием объективной реальности, можно было рассказывать все, что угодно.

Атака началась из единого центра и по единому плану, докладом сопредседательниц некоего «Фонда социально-психического здоровья семьи и ребенка» И.Я. Медведевой и Т.Л. Шишовой в Комитете по безопасности Государственной думы (Медведева и Шишова, 1996). Хотя, по свидетельству прессы, «в указанном комитете этих дам не знают и никаких докладов они там не делали» (Гадасина, 1997).

Документ этот – редкая смесь невежества, фальсификации и переворачивания причинно-следственных связей. Если верить этому докладу, абсолютно все беды Запада – от моральной распущенности до импотенции и СПИДа – последствия сексуального просвещения. Вопреки общеизвестному факту, что гормональная контрацепция снижает вероятность

раковых заболеваний у женщин, Медведева и Шишова утверждают, что пилюли канцерогенны (с.7). По словам доклада, англичане «озабочены проблемой подростковой импотенции: начав жить половой жизнью в 9 лет, подростки к 12-ти нередко «теряют интерес» и становятся импотентами» (с.7); мои английские коллеги долго смеялись над этим и спрашивали, как можно потерять потенцию, не достигнув ее. Сообщение о «росте гомосексуализма» на Западе (с.8) также противоречит научным фактам – легализация однополрой любви делает ее более видимой, но не более распространенной. Глобальное противопоставление «телесно-ориентированной» западной культуры и православной аскезы не учитывает противоречивости обоих архетипов, а ссылка на «анархическое начало» русского этоса (с.13) выглядит как аргумент в пользу невозможности в России либерализма и демократии. Предсказывая, что сексуальное просвещение неминуемо приведет Россию к депопуляции, краху государственности и прочему Апокалипсису, доклад величественно заканчивается словами: «Итак, мы предупредили» (с.16).

«Предупреждение» Медведевой и Шишовой упало на благодатную почву и стало, как по команде, с одними и теми же цитатами и ошибками, тиражироваться бесчисленными, самыми разными газетами, дополняясь все более фантастическими подробностями о подрывной сексуально-просветительской деятельности западных спецслужб, разоблачениями сомнительной нравственности основательницы Международной федерации планирования семьи Маргарет Зангер и т.п.

Газеты запестрели заголовками типа «Занятия сексом в школьном расписании» («Вечерняя Москва», 30 декабря 1996), «РАПСодия по чужой партитуре» («Правда пять», 31 января 1997), «Куклы или презерватив?» («Тверская 13», 6-12 февраля 1997), «К нам пришел секс, нас ему научат» («Вечерняя Москва», 30 апреля 1997) и т.д. «Правда пять» превратила лозунг РАПС «Рождение здоровых и желанных детей, ответственное родительство» в лозунг «Один ребенок в семье». Бдительная Ирина Иващенко обнаружила идеологический подвох даже в переводе названия Международной федерации планирования семьи: «Понимающие английский язык с легкостью заметят, что Planned Parenthood – это **ОГРАНИЧЕННОЕ РОДИТЕЛЬСТВО**, а вовсе не «планирование семьи» (Иващенко, 1997). Люди, знающие хотя бы латинский алфавит, легко догадаются, что слово «planned» значит именно **ПЛАНОВЫЙ**, а вовсе не «ограниченный». «Планируемое родительство» предполагает, что человек, супружеская пара могут иметь сколько угодно детей, но тогда, когда они сами этого захотят, а не «как получилось», чтобы потом убивать нежеланного ребенка в утробе матери или подбрасывать в чужое гнездо.

Журналистов и ученых, выступавших против этой компании, начали подвергать травле. Журналистка «Известий», написавшая статью в защиту полового воспитания, стала получать анонимные письма с обещания-

ми «Мы будем вешать вас на фонарных столбах!» В некоторые выступлениях звучали антисемитские нотки.

К этой идеологической кампании присоединились деятели Русской Православной Церкви. В определении Архиерейского собора, состоявшегося 12-23 февраля 1997 года в московском Свято-Даниловом монастыре, главным объектом критики стало «введение в ряде школ предмета полового воспитания», которое «может радикально изменить к худшему нравственную атмосферу в обществе, нанести ущерб целостности человеческой личности, особенно в детском и юношеском возрасте».

Озабоченность церкви состоянием общественной нравственности в принципе понятна. Однако нравственное воспитание не исключает сексуального, как и всякого иного, образования. Взгляды российских священнослужителей на многие вопросы, связанные с сексуальным поведением, неодинаковы.

По признанию сотрудника отдела внешних церковных сношений Московского патриархата священника Всеволода Чаплина, «церковь испытывает большие затруднения в связи с тем, что наше каноническое право сегодня не всегда можно применять буквально. Иначе всех нужно отлучить от Церкви. Если православный ходит в баню, то он должен следить за тем, нет ли рядом еврея. Ведь по каноническим правилам православному нельзя мыться в бане с евреем». Вряд ли современный священник сочтет результатом греховных помыслов ночную поллюцию. «Но вы накажете прихожанку, сделавшую аборт, отлучив на какое-то время от причастия? « – спросил журналист. – «Я должен это сделать, но часто можно с уверенностью предсказать, что в храм она больше не придет. Вот и решайте, что более угодно Богу», – ответил отец Всеволод (Шушарин, 1992).

Молодой московский священник Петр Коломейцев (родился в 1959 г., имеет высшее архитектурное образование, рукоположен в 1991 г.) считает, что «если сравнивать контрацепцию и аборт, то контрацепция не просто меньшее зло, а не зло вообще» (Бредун, 1995). Представления некоторых священников, что супругам следует по возможности воздерживаться от интимных отношений, отец Петр называет «извращенной точкой зрения», ее проповедуют люди, для которых «уйти в Церковь – это значит закрыть шорами глаза, оставить узенькую щелочку и сделать вид, что ничего, кроме этой щелочки, и нет». Церковь, по его словам, не препятствует интимным отношениям (Коломейцев, 1997).

Однако большинство православных священников настроены консервативно. По мнению отца Максима Обухова, «использование противозачаточных средств является смертным грехом, равнозначным убийству», а РАПС «есть антихристианское образование, поставившее своей целью разрушение семьи в нашем Отечестве» (Обухов, 1994).

Протоиерей Дмитрий Смирнов на заданный самому себе вопрос «Если с медицинской точки зрения точно известно, что мать умрет родами,

что делать?» ответил: «Естественно, умирать родами. Если птица, рискуя жизнью, уводит лису от гнезда, спасая яйца, которые не известно, выси-дит ли кто, то почему человеку, существу высшему, не пожертвовать со-бой ради спасения ребенка?» (Смирнов, 1995).

Московский священник Артемий Владимиров даже подкрепляет свои уроки целомудрия «научными» данными: «Относительно медицинских, физиологических последствий нецеломудрия много свидетельств дает со-временная наука. Есть такой закон: «телегония». ... Породистая сука, ко-торую не уберегли хозяева для законной случки, возмев знакомство с од-ноухим деревенским Бобиком и принеся приплод, считается уже испор-ченной. Ее потомство уже не будет носить признаков породы – ни первое, ни последующее... Еще в большей степени этот закон действует в челове-ческом обществе. Выражается он в том, что человек, лишивший девицу девства (как правило, это люди циничные, развратные, нечистые, больные), отравит всю последующую жизнь не только ей, но и ее детям. Ибо клетки прелюбодея, проникшие в лоно незадачливой романтической девушки, оста-ются там десятилетия и затем вступают в сражение с плодом, который заблагорассудится когда-то зачать этой потрепанной жизнью душе. Это одна из основных причин врожденных болезней детей, начиная от рас-стройства всех сигнальных систем, внутричерепного давления, недоразви-тости, болезни Дауна, идиотизма и пр.» (Владимиров, 1997)

Журналистка «Известий» метко назвала это разговором «на собачьем уровне» (Батенева, 1997).

По убеждению авторов книги «Православный брак и страсть блуда» О. Соловьева и Е. Шишимарова, подростков нужно оберегать не только от «дьявольской» науки сексологии, но и от классической русской лите-ратуры и любого искусства: «Толстой – классический писатель маразма-тического типа»; Пушкин – «развратник», «Евгений Онегин – классиче-ский пример искаженного понятия о браке» и «написан довольно по-шлым языком», «Капитанская дочка» и «Дубровский» с точки зрения мо-рали весьма сомнительны», а безобразник Микеланджело на фреске «Страшный суд» «изобразил всех людей голыми» (а надо было в мунди-рах и при орденах?). Главная опасность для человечества, по мнению ав-торов, – гомосексуальность. «Есть целые профессии, о которых можно сказать, что это «профессии группы риска», среди которых процент по-ловых отклонений необычайно высок, в некоторых профессиях близок к ста. Это, кроме сексологов: психиатры, экстрасенсы, просто врачи, педа-гоги, журналисты, писатели, а особенно детские писатели и, конечно, му-зыканты, художники, фотографы, артисты, режиссеры...» (Странно, что в этом списке отсутствуют монахи и священники).

По сравнению с Соловьевым, полковник Скалозуб, мечтавший сжечь только книги, выглядит большим либералом. Чтобы изжить самостоя-тельность и тягу к культуре, родителям усиленно рекомендуют как мож-

но чаще и сильнее пороть своих детей, «при этом девочек можно наказывать и чаще, и сильнее», «не боясь переборщить». Особенно полезны заведомо несправедливые наказания: «Наказание, которое кажется ребенку справедливым, вредно для ребенка, так как укрепляет его в гордыне». Так же полезны телесные наказания и для взрослых (Соловьев и Шишимаров, 1996, с.18, 30, 153, 100, 17, 200-201).

Разумеется, РПЦ не может отвечать за все, что говорится от ее имени. Но из двухдневной дискуссии в Российской Академии образования в марте 1997 г., в которой участвовали достаточно авторитетные священнослужители, я так и не смог уяснить себе, какие конкретные меры, кроме общего нравственного воспитания, они предлагают для профилактики СПИДа, сексуального насилия, подростковых беременностей и других тревожных явлений. Если безопасный секс, как утверждают священнослужители, неминуемо приводит к распущенности, а к отказу от добрачного секса современные российские подростки, как и их зарубежные сверстники, не готовы и принудить их к этому невозможно, единственной реальной альтернативой становится опасный, нецивилизованный секс, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Все это мы уже проходили при советской власти.

К церковникам и прессе сразу же присоединилось коммунистическое большинство Государственной Думы. Депутаты квалифицировали план введения в России сексуального просвещения как угрозу «национальной безопасности» и следствие подрывной деятельности Западных спецслужб. В стране началась форменная охота за ведьмами, под откровенно антизападными лозунгами.

Генеральную прокуратуру вынудили начать формальное расследование, в ходе которого сексологический вопросник, направленный на выяснение того, что школьники знают об анатомии, физиологии и психологии сексуальности, пытались квалифицировать как «развратные действия» и «совращение несовершеннолетних» (самый «страшный» вопрос, который широко цитировался в прессе, был о том, где находится и какие функции выполняет клитор). В письме большой группы депутатов Госдумы перечислялись чуть ли не десять статей Уголовного кодекса, которые якобы нарушил «Проект ЮНЕСКО». Несмотря на сильное желание Ю.И. Скуратова, чью высокую личную сексуальную нравственность вся страна вскоре увидела на телеэкранах, угодить законодателям, возбудить уголовное дело против Червякова Генпрокуратура не смогла, ограничившись частным определением в адрес Минобразования, обязывающим его тщательнее контролировать проводящиеся в школах исследования и опросы (что совершенно правильно).

Однако руководители Минобразования и тем более – его работники на местах и директора школ были напуганы. В атмосфере моральной паники, которая в провинции порой принимает и вовсе экзотические фор-

мы, разумнее не рисковать своим положением и репутацией. Не только сексуальное просвещение, но и соответствующие опросы школьников, без которых невозможно представить себе истинное положение вещей, стали практически невозможными. Нынешнее руководство Министерства образования такой задачи даже не ставит. Страна отброшена в этом отношении лет на 20-25 назад.

Столь же консервативную позицию заняла и официальная педагогическая наука в лице РАО, которая, как пресмница бывшей Академии педагогических наук, несет прямую ответственность за многолетнее отставание нашей страны в деле сексуального просвещения. При обсуждении этих вопросов на круглом столе и Президиуме РАО весной 1997 г. выступления большинства академиков были не более конструктивными, чем речи священников. Академики сменили ссылки на моральный кодекс строителя коммунизма на апелляцию к православной морали и «национальным нравственно-этическим представлениям и традициям народов России», но их нежелание и неспособность смотреть фактам в глаза остались прежними. Указав на недостатки так называемого «проекта ЮНЕСКО» и предложив Министерству приостановить его реализацию, Президиум РАО поставил задачу «выявления оптимальных форм и методов нравственного воспитания школьников, включающего элементы полового воспитания» (оппортунистическая формулировка начала 1960-х годов, в 80-е уже вводили курс этики и психологии семейной жизни). Под предлогом заботы о нравственности и здоровье нации, подростков в очередной раз оставляют один на один с их жизненными проблемами, ограничиваясь заведомо бессильными запретами и увещеваниями.

Разумеется, не все члены РАО пошли на поводу у церковников. Тогдашний президент РАО психолог А.В. Петровский недвусмысленно отмежевался от попыток клерикализации российской школы и возвращения к бесполой педагогике недавнего прошлого. Но общий тон обсуждения был, безусловно, консервативным. Люди говорили, чего не надо делать, но не предлагали ничего конструктивного. Даже бывший вице-президент АПН А.Г.Хрипкова, которая возглавляла работу по внедрению «полового воспитания» в 1980-х годах, высказалась против самостоятельного курса такого рода.

Недавно я случайно я нашел в Интернете – <http://www.1september.ru/ru/upr/99/upr37.htm> хорошую статью психолога Игоря Борисова «Запретный плод для российской школы», опубликованную в газете «Первое сентября» 8 мая 1999 года, в которой подробно рассказывается скандальная история провала планов сексуального просвещения в России и упоминается о моем «демонстративном выходе» из состава проблемного Совета Российской Академии образования по выработке соответствующей программы. Автор сожалеет, что об этом поступке и его мотивах никто не знает (Борисов И., 1999).

Тут нет секрета. Просидев и выступив на трех заседаниях РАО, посвященных этой теме, я понял, что реального дела там не будет, его заменят пустые споры о соотношении «полового воспитания» и «сексуального просвещения». Попусту тратить время или идти на беспринципные компромиссы, вроде предложенной академиком Д.В.Колесовым замены права подростков на получение сексуальной информации (это право подтверждено несколькими международными документами) «правом на незнание», нелепо. Разговоры, идущие у нас на эти темы с 1962 года, я считаю, грубо говоря, словоблудием. Взрослому человеку и ученому заниматься этим неуместно. Поэтому я ушел. Ничего особенно демонстративного в этом не было, я просто поставил точки над *i* и откровенно сказал своим коллегам, что я думаю, в письме, переданном покойному В.В.Давыдову 12 апреля 1997 года (на заседаниях я выражался более резко):

«Вице-президенту Российской Академии образования

В. В. Давыдову

Уважаемый Василий Васильевич,

Ознакомившись с постановлением Президиума РАО от 28 марта 1997 г., в котором задача сексуального просвещения школьников подменяется их нравственным воспитанием с «элементами полового воспитания», сообщаю Вам, что я не согласен с этим решением и не могу участвовать в созданных на его основе Проблемном совете и рабочей группе. Я не являюсь специалистом «по выявлению оптимальных форм и методов нравственного воспитания школьников», а формулировка об «элементах полового воспитания» отбрасывает нас к началу 1960-х годов.

Свою принципиальную позицию по этим вопросам я неоднократно высказывал как в РАО, так и в средствах массовой информации.

Почти все мои многолетние исследования в области сексологии, гендерных проблем, психологии, социологии, антропологии и истории сексуального поведения и сексуальной культуры осуществлялись вопреки официальной советской идеологии и вне государственных структур. Похоже, что в этой области мало что изменилось.

Если какие-либо государственные или общественные структуры, наконец, поймут, что этим нужно заниматься всерьез, на уровне XXI, а не XIX века, и востребуют мои профессиональные знания, я готов помогать им в качестве независимого эксперта.

Академик РАО, действительный член Международной Академии сексологических исследований

И. С. Кон

Москва, 11 апреля 1997 года»

С тех пор ни РАО, ни Министерство образования ни с какими вопросами, касающимися сексуального образования, ко мне не обращались.

Прошедшее время подтвердило мою правоту. Что конкретно родил Проблемный совет, я не знаю, но в последних программных документах

РАО, даже специально посвященных здоровью подростков, сексуальное просвещение вообще не упоминается. В условиях эпидемии ВИЧ и БППП это молчание выглядит, мягко говоря, странно. Однако в контексте клерикализации российского образования это вполне понятно.

Можно ли было предвидеть такой поворот событий? Безусловно. Начавшаяся в стране «сексуальная контрреволюция» – всего лишь одно из звеньев борьбы за восстановление тоталитарного строя. Контроль за сексуальностью – одна из самых древних и жестоких форм подавления личности.

Отношение к сексуальному просвещению важно не только само по себе, но и как своего рода лакмусовая бумажка, проверка общества на общую терпимость и демократизм. Российская демократия этой проверки не выдержала.

За редкими исключениями, наши журналисты и политики не поняли или не захотели понять, что крестовый поход против сексуального просвещения, начатый совместно КПРФ и РПЦ, с подачи американских фундаменталистов, – только верхушка айсберга, попытка с заднего хода восстановить тоталитарный контроль над личностью.

Я пытался своевременно обратить на это внимание общественности, но меня никто не услышал. В 1991 г. «Московские новости» не напечатали специально для них написанную статью с анализом очень интересных свежих данных опроса общественного мнения, предоставленных мне директором ВЦИОМа Юрием Левадой, которые свидетельствовали о провале начатой КПСС антисексуальной истерии и показывали расстановку классовых сил в этом вопросе. Я смог напечатать этот материал только шесть лет спустя в своей книге «Сексуальная культура в России». В 1994 г. «Известия» не опубликовали заказанную и принятую редакцией статью «Секс как зеркало русской революции»; редакция почему-то считала, что статья с таким названием предназначена для раздела «Частная жизнь» (!), который был перегружен. После долгих проволочек статью напечатала «Неделя» (15 апреля 1994), но там ее никто не заметил. Между тем тогда обсуждение этих политических вопросов было своевременно, а в декабре 1997 г., когда те же «Известия», но с другим редактором, напечатали мою статью «Не говорите потом, что вы этого не знали. Подростки и сексуальная контрреволюция», – это было уже махание кулаками после драки.

С 1996 г. дружное наступление на сексуальное и психическое здоровье российских детей и их родителей ведут не только «Советская Россия» и «Правда-5», но и такие, казалось бы, приличные издания, как «Вечерняя Москва», «Новая газета», «Независимая газета», «Литературная газета», «Общая газета» и др. Если бы газеты написали, что начинается важное дело, но, как всегда, плохо и безответственно, это было бы полезно и конструктивно. Вместо этого народу доказывают, что сексуальное просвещение – злодейский заговор западных спецслужб или, в лучшем случае, фармацевтических фирм, чему могут поверить только в сумасшедшем доме!

Делается все это на самом низкопробном интеллектуальном и моральном уровне, вплоть до прямой клеветы. Например, Ирина Медведева со страниц «Независимой газеты» сообщила, будто какие-то западные фармацевтические компании заплатили мне за поддержку идеи сексуального просвещения 50000 долларов! По словам Виктории Молодцовой в «Российской газете», другие (или те же самые?) 50000 долларов я получил от какого-то «богатенького фонда» за защиту прав гомосексуалистов. Поскольку оба эти дела я считаю справедливыми и благородными, я охотно взял бы деньги на эту работу, но почему-то мне их никто не предлагал. Научные благотворительные фонды, благодаря которым выживают остатки российской науки, например, Фонд Макаруров, спонсировавший мою монографию об однополую любви, или РГНФ, который финансировал написание книги «Сексуальная культура в России» и данную книгу, платят гораздо меньше и не за политическую деятельность, а исключительно за научно-исследовательскую работу, которой я и занимаюсь.

Разбираться, что в выступлениях прессы идет от невежества, что – от личных пристрастий редакторов, что – от политических игр и что – от коррупции, неинтересно. Уверен, что большинство «антисексуальных» статей – заказные (очень уж они все похожи), хотя главные редакторы этого подчас не знают.

Так было, например, в «Труде». Сначала, подобно большинству газет, он напечатал две совершенно дикие статьи против секспросвета, включая популярную байку, будто где-то в Подмоскovie школьникам в классе обучали технике полового акта (так безграмотные журналисты, в меру собственной испорченности, истолковали термин «полоролевые игры»), после чего один маленький мальчик, придя домой, заявил родителям: «У вас неправильная сексуальная позиция». Разумеется, ни этой школы, ни этого мальчика, ни его родителей никто никогда не видел, и проходили эти материалы не по тому отделу, который обычно занимается «семейной» проблематикой и где работают грамотные журналисты, а окольными путями. Но затем лично главный редактор усомнился в правильности занятой газетой позиции и попросил меня высказать свое мнение, что я и сделал в самой резкой форме в статье «Секспросвет в Вороньей слободке» («Труд», 29 августа 1997), с которой редакция солидаризировалась. Однако этот пример в моем опыте – единственный. Остальные главреды либо не читают своих газет, либо верят публикуемому ими вздору, либо он отвечает их политическим интересам.

Хотя сексуального просвещения в российской школе нет, кампания против него в прессе и электронных СМИ продолжается. Флагманом ее является правительственная «Российская газета» в лице заместителя ее главного редактора Виктории Молодцовой, в статьях которой сексофобия органически сливается с махровой ксенофобией и русопатством.

Поскольку сексуального просвещения так такового в российских школах практически нет, Молодцова избрала объектом «критики» так называемую валеологию, которая, по ее мнению, служит лишь крышей для ненавистного ей секспросвета.

Основные идеи и само название «валеология» возникли в конце 1960-х годов в СССР в русле передовой советской (и дореволюционной русской) социальной гигиены, теории физической культуры и профилактической медицины. Создание учебного курса, ориентированного на внедрение в сознание детей и молодежи навыков здорового образа жизни, включающего также элементы сексуальной культуры, несомненно, разумно и оправданно. К сожалению, как это всегда у нас бывает, плодотворная идея была подпорчена неосновательными претензиями превратить скромный учебный предмет во всеобъемлющую фундаментальную науку, призванную то ли поглотить, то ли заменить собой едва ли не все науки о человеке. Эти глобальные притязания вызывают серьезную озабоченность ученых разных специальностей, тем более что некоторые «валеологи» включают в свои курсы достаточно много нелепой экзотики и эзотерики. Прямо скажем, тут есть что критиковать.

Но Молодцову и ей подобных никакие реальные проблемы не интересуют. Сугубо российский интеллектуальный гибрид, который на Западе практически неизвестен (на Пятом конгрессе Европейской федерации сексологов в июле 2000 г. мне пришлось объяснять коллегам значение слова «валеология»), Молодцова изображает очередным исчадием западного ада, созданным на погибель невинным россиянам. Смешивая в одну кучу совершенно разных людей и путая написание их фамилий, она утверждает: «... Р.Айзман, Э.Вайнер, Г.Зайцев, Э.Казин, В.Казночеев, В.Касаткин, В.Колбанов, Г.Кураев, М.Лазарев, Ю.Лебедев, Л.Татарникова, Л.Филиппова и многие другие... много пишут, много публикуют, благо хватает теперь для этого частных издательств. Другой вопрос – откуда денежки берутся на эти издания, на развертывание научной и педагогической деятельности, но тайны тут никакой нет. Общеизвестно, что всегда находятся на Руси некие заморские фонды, которые финансируют все то, что извне поступает в нашу страну, особенно если это извне поступающее идет вразрез с исконными традициями, нравственными устоями и прочим».

Но главный порок валеологии – то, что «во многих программах предлагаются как основные для изучения и дополнительные – для общего развития труды таких известных по проекту «Половое воспитание подростков» авторов, как Кон, Каган, Фромм, Шнабель, и прочих».

Раскололась под огнем враждебной идеологической критики и медицинская общественность. В 1997 г. Министерство здравоохранения и ведущие ученые в области гинекологии, педиатрии и смежных дисциплин единодушно выступили в защиту программы планирования семьи и сек-

суального просвещения. А в январе 1999 г. «Медицинская газета» опубликовала открытое письмо Министру образования большой группы врачей, педагогов и священников, направленное против валсологии и сексуального просвещения. Об идейных установках главного редактора этой газеты А. Полторака (по образованию он журналист-международник) ясно говорит название его программного интервью «Почитай врача... Ибо Господь создал его» (еще лучше было бы: «Не убивай микробов, ибо Господь создал их») (Полторак, 2000).

Крестовый поход против сексуального просвещения в России продолжается. В нем задействованы уже не только СМИ, но и Интернет. На клерикальном сайте zhizhn'.orthodoxu.ru.htm идет оголтелая кампания против сексуального просвещения под лозунгом

«ВНИМАНИЕ! ОПАСНОСТЬ!

Будьте готовы к самым энергичным методам самозащиты...»

Если верить авторам этого сайта, среди которых, как и везде, лидируют Медведева и Шишова, главную опасность для российских детей и их родителей представляют не аборт, СПИД и сифилис, а Международная федерация «Планирование семьи» – МФПС (International Planned Parenthood Federation – IPPF), «выражающая интересы производителей противозачаточных средств и сторонников абортов. Ваши дети рассматриваются этой организацией как потенциальный рынок сбыта противозачаточных средств. Российская ассоциация планирования семьи (РАПС) представляет интересы этой иностранной общественной организации в России и получает средства от МФПС для своей деятельности на территории России».

Вторая демоническая сила – Фонд народонаселения ООН. «Это организация, которая ставит своей целью снизить численность населения во всем мире, в том числе в России. Это необходимо индустриально-развитым странам Запада и США для установления контроля за природными ресурсами планеты. Как показывает зарубежный опыт, ничто так не уменьшает прирост населения, как введение сексуального образования. Это приводит к обвальному падению рождаемости. Именно Фонд народонаселения ООН принимал участие в разработке программ по возвращению русских детей. От этого фонда на программу «Половое воспитание российских школьников» было получено 500 тысяч долларов. Получателем этих денег были Министерство образования РФ и Минздрав. Вовлечена в эту деятельность и ЮНЕСКО».

Родителей учат, как сопротивляться сексуальному просвещению, вплоть до забирания своих детей из школы, сообщают, что презервативы не помогают ни от СПИДа, ни от беременности, что единственное и лучшее средство от всех опасностей – православная мораль и т.д. Против учителей и врачей, которые осмеливаются проводить какие-то уроки сексуального просвещения, инициируются провокационные судебные про-

цессы, их обвиняют в пропаганде мастурбации, растлении детей т.д. Все это сильно напоминает средневековую охоту на ведьм.

Идсологическая травля дополняется хулиганскими выходками явно фашистского характера.

30 января 2001 г. у меня была открытая публичная лекция в лектории МГУ на тему «Мужчина в меняющемся мире». Несмотря на студенческие каникулы, в зале было много людей, в том числе профессуры. Лекцию открыл ректор МГУ академик В.А.Садовничий. Но сразу же после ее начала в разных концах аудитории поднялись 20-30 молодых людей бандитского вида, которые развернули плакаты типа «Вон Коня из МГУ» и лозунги антигомосексуального характера. Поднятый хулиганами шум не позволял говорить. Затем стали взрывать петарды, зал наполнился дымом. Кто-то бросил в меня кусок торта. Все это снимали приглашенные хулиганами фотографы и операторы. Это была откровенно заказная, оплаченная акция, участники которой не имели никакого отношения к МГУ. Сорвать лекцию хулиганам не удалось, один из них был даже задержан. Однако уголовного дела заведено не было (Сергеев, 2001).

Через неделю на дверях и стене моей квартиры появилось изображение еврейской звезды Давида (при этом хулиганы не сумели подсчитать «правильное» число лучей) и «дьявольское» число «666», а также был подложен муляж взрывного устройства. После этого мне дважды по телефону угрожали убийством. Разумеется, виновников этого также не нашли.

Фашистскую акцию резко осудили «Московский комсомолец» и «Петербургский час пик», а правительственная «Российская газета» в заметке В.Архангельского «Подлинные ценности в меняющемся мире» (18 мая 2001 г.) с нею полностью солидаризировалась.

Кстати, абсолютно все «фактические» аргументы против сексуального просвещения, включая выдумки о неэффективности презервативов, православные ортодоксы заимствуют из так называемой «Энциклопедии» Pro Life, изданной в США на деньги американских фундаменталистов.

Не знаю, кто читает этот антинаучный ксенофобский вздор, но опровержением его никто в стране всерьез не занимается, а финансовая подпитка и политическая поддержка у него сильные.

На выборах 1999 г. КПРФ провозгласила остановку проекта сексуального просвещения российских школьников своим главным социально-политическим достижением.

Демократические политики, за исключением Е.Д.Лаховой, которую как только не обзывали за это в Думе, о сексуальном просвещении предпочитают молчать. Четкую позицию «за», насколько я знаю, публично занимает только В.В. Жириновский, но это, кажется, единственный вопрос, в котором он «либерален».

Немногочисленные первоклассные молодые демографы, которые действительно знают, почему в России падает рождаемость и что с этим нуж-

но делать, один за другим разъезжаются по границам либо работают на зарубежных заказчиков, чьи приоритеты не всегда совпадают с нашими.

В государственной программе, рассчитанной на улучшение демографической ситуации в России, вопросы сексуальной культуры и просвещения обходятся молчанием. Видимо, россияне будут размножаться половым путем.

Врачи-сексопатологи занимаются частной практикой или предпринимательской деятельностью, на научную работу нет ни денег, ни спроса. Россия – едва ли не единственная европейская страна, в которой нет ни одного научного сексологического журнала. Профессиональное сексологическое образование также отсутствует. Педагоги и врачи, которых выпускают российские вузы, сексологически почти так же безграмотны, как 30-40 лет назад.

Это сказывается и на качестве массовой научно-популярной литературы. Характерный пример (один из многих) – адресованная учительству книга Д.В. Колесова «Пол и секс в современном обществе» (Колесов, 1999). Последовательно и всесторонне реализовав обоснованное им «право на незнание», автор делает поистине сенсационные открытия во всех областях знания. «Сексуальная революция», по его мнению, «была революцией меньшинства, точнеc, вообще не революцией, а затяжным скандалом на сексуальную тему» (с.140). Феминизм «есть стремление женщин (определенной категории) привлечь к себе внимание мужчин – «идея от противного». Не случайно с самого возникновения этого общественного движения его методами были публичные скандалы и демонстрации вызывающего характера. Так что это – своеобразная форма «охоты на мужчин» (с.72-73). Николая Коперника, по сведениям академика РАО, «инквизиция сожгла на костре» (с.113), трансвеститы – это люди, желающие переменить пол (с.74), и т.д. и т.п.

Профессионалу в таких условиях делать нечего. В.Е. Каган, которому надоело жить в атмосфере газетной травли, переехал на постоянное место жительства в США. Лично я, опубликовав в 1997-99 гг., кроме нескольких научных работ, две популярные книги по сексологии, в том числе – учебное пособие для высших учебных заведений, переключился на более интересные для меня социально-философские и культурно-исторические сюжеты. Я не боюсь черносотенцев и мракобесов, но к чему мне социально не востребовавшая работа, тем более что сексология никогда не была единственной или главной сферой моих интересов? Мне жаль подростков, закидывающих мой вебсайт наивными, но жизненно важными для них вопросами, однако помочь им я не могу.

Как историк и социолог, я не являюсь в этом вопросе пессимистом. Мировой опыт однозначно показывает, что ликвидировать и даже ограничить подростковую и юношескую сексуальность с помощью запретов и замалчивания никому не удастся. Даже если РПЦ займет желанное ме-

сто бывшего агитпропа, превратить Россию в подобие Ирана она не сумеет. Своей социальной политикой она лишь подрывает собственный авторитет. Нынешние словесные баталии, как и те, свидетелем коих я был 30-40 лет назад, напоминают мне героическую оборону неприступной французской линии Мажино, которую никто и не собирался штурмовать, немцы просто обошли ее с флангов и тыла.

Однако эта страусовая политика будет сопровождаться дальнейшим углублением рва между поколениями (по всем опросам главный рубеж проходит по возрасту), который и так достаточно широк, и новыми издержками для здоровья и нравственности.

Самые очевидные из них – рост ВИЧ-инфекции и БППП, который в ряде регионов уже принял эпидемические пропорции. Среди новых больных сифилисом 15-19-летние составляют 14 %, гонореей – 19 %. Видимо, спасти их будет уваровская троица – Православие, Самодержавие и Народность...

Что делать, чтобы вывести страну из создавшегося тупика, в общем-то ясно. Это гораздо проще, чем поднимать экономику и бороться с коррупцией. Быстро такие вещи не делаются, но первоочередные задачи можно свести к нескольким рекомендациям, которые должны быть реализованы на государственном уровне, при участии администрации Президента и правительства.

1. Прекратить безответственную травлю сексологии, сексуального просвещения и планирования семьи в государственных средствах массовой информации. Частные, коммунистические и конфессиональные СМИ могут делать что угодно; это их неотчуждаемое право, к тому же, как говорил Петр Великий, дурасть каждого должна быть явлена.

2. Рекомендовать вузам разного профиля как можно быстрее ввести факультативный курс сексологии для своих студентов. Это имеет для студентов большое общекультурное и практическое значение, а более образованные молодые родители будут лучше понимать и воспитывать собственных детей. Для будущих учителей, психологов и врачей этот курс должен стать обязательным. Элементарное базовое учебное пособие (моя книга «Введение в сексологию», 1999), плюс парочка переводных учебников, в стране уже есть, а альтернативные программы, учебники и прочее появятся вместе с социальным заказом в процессе работы. Без подготовки грамотных кадров в вузах в школе все равно ничего не получится.

3. Если ассигнованные на него деньги не пустили полностью на ветер, возобновить работу над проектом ЮНЕСКО, поручив это дело не РАО, а группе независимых экспертов, которые не станут превращать его в кормушку и предмет для политических игр. Обязательно привлечь к проекту практических работников. Само собой разумеется, что курс этот, когда он будет подготовлен, должен быть факультативным, а программы – альтернативными.

4. Оказывать содействие просветительской работе РАПС и ее филиалов.

5. Срочно открыть специальный просветительский сайт для подростков в Интернете.

6. Открыть просветительские каналы по проблемам пола и сексуальности, не имеющие ничего общего с развлекательно-эротическими токшоу, на ОРТ и РТР.

7. Объединить в одних руках работу по профилактике ВИЧ-инфекции и БППП, их разделение выгодно лишь узкой группе лиц, монополизировавших (и фактически проваливших) профилактику СПИДа.

8. Войти в контакт с международными научными организациями для проведения в России, по образцу США, Англии, Франции, Швеции и Финляндии, репрезентативного национального сексологического опроса, который даст адекватную картину сексуального поведения россиян и поможет выработке дальнейшей социальной политики в связанных с ней вопросах.

Однако я отлично знаю, что, как и в советское время, моих рекомендаций никто не примет и даже не рассмотрит. Общество, которое во имя ложно понятых национальных интересов и моральных принципов пренебрегает здоровьем и благополучием собственных детей и не желает учиться ни на зарубежном, ни на собственном опыте, обречено на отставание и вымирание. Об этой опасности серьезно говорят авторитетные западные эксперты (Feshbach, 2001).

*Dixi et salvavi anima mea*¹

¹ лат. – «Я сказал и спас свою душу»

Приложение 1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДРОСТКОВОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

... Четырнадцать лет
Я сам страдал от каждой женской рожи
И простодушно уверял весь свет,
Что друг на дружку все они похожи.
...Я трепетал, когда моя рука
Атласных плеч касалась слегка,
Но лишь в мечтах я видел без покрова
Всё, что для вас, конечно, уж не ново.

М. Ю. Лермонтов

Половое созревание (пубертат) – центральный психофизиологический процесс подросткового и юношеского возраста. Его функциональные признаки – менархе (начало регулярных менструаций) у девочек и эякулярхе (начало эякуляций, первое семяизвержение) у мальчиков. Средний возраст менархе колеблется сейчас в разных странах и средах от 12,4 до 14,4 года, а эякулярхе – от 13,4 до 14 лет. В основе пубертата лежат гормональные процессы, влекущие за собой соответствующие изменения в телосложении, социальном поведении, интересах и самосознании.

Усиленная секреция половых гормонов (у восемнадцатилетнего юноши она в 8 раз выше, чем у девятилетнего мальчика) порождает так называемую подростковую (юношескую) гиперсексуальность, проявляющуюся в повышенной сексуальной возбудимости, частых и длительных эрекциях полового члена, бурных эротических фантазиях, навязчивой мастурбации и т.д. «В четырнадцать лет мое тело будто взбесилось», – под этим признанием шестнадцатилетнего юноши могли бы подписаться очень многие его сверстники.

Сроки начала и завершения полового созревания, как и формы его протекания, чрезвычайно изменчивы и индивидуальны. Отчасти это обусловлено биологически.

До самого последнего времени большинство ученых практически отождествляли пубертат с созреванием половых желез (этот процесс называется гонадархе), считая его главными индикаторами менархе и эякулярхе. Новые исследования, в частности обследование 17 тысяч американских девочек, показали, что рост груди и появление лобковых волос начинается уже между 9 и 10 годами и регулируется не гонадами, а стероидными гормонами коры надпочечников. Созревание надпочечников (адренархе) опережает созревание гонад и проявляется прежде всего в начинающемся оволосении лобка; оно стимулирует также скачок в росте, активацию кожных жировых желез (отсюда прыщи), изменение наружных половых органов и появление специфических телесных запахов.

Эти процессы оказывают существенное влияние на эмоции, психику и социальное поведение детей, включая появление у них сексуально-эротических интересов. По данным новейших исследований (Мак-Клинток и Хердт, 1996), первые эротические чувства и влюбленности появляются у мальчиков и девочек около 10 лет, еще до созревания гонад.

Во всем этом существуют большие индивидуальные различия. Чем раньше начинается половое созревание, тем активнее оно протекает и тем быстрее заканчивается. Более позднее начало созревания, напротив, обычно сопровождается и более вялым его течением. Рано созревающие мальчики не только раньше начинают, но и в последующие взрослые годы их половая жизнь протекает интенсивнее. Рано созревающие женщины также отличаются высокой сексуальной реактивностью. Эти индивидуальные различия очень велики, они диктуют необходимость дифференцированного, индивидуального подхода к подросткам и юношам.

Но половая конституция непосредственно влияет только на физиологические потенции индивида. Содержание его сексуально-эротических переживаний и привязанностей (выбор объекта, соотношение чувственности и нежности, длительность и сила привязанности) определяется воспитанными свойствами личности и социальными условиями ее развития.

Возраст начала менструаций, как и их регулярность, зависят также от многих конкретных условий, например веса тела. У девочек-гимнасток и юных балерин, сознательно ограничивающих свой вес, менархе происходит на год, а то и на несколько лет позже, чем у остальных. Пубертатный статус может даже как бы регрессировать, возвращаться вспять. Девочки-подростки и юные девушки, страдающие нервно-психической анорексией (нежелание есть), если они теряют свыше 15 процентов своего веса, перестают менструировать, их гормональная секреция по ряду признаков возвращается к допубертатному типу. Такое же влияние, даже без потери

веса, может оказывать психический стресс. Например, у некоторых школьниц в период экзаменов менструальные циклы становятся нерегулярными, короче или длиннее, чем обычно.

Еще более изменчивы социальные аспекты пубертата: сроки и темп полового созревания у данного конкретного поколения и их совпадение во времени с определенными социальными условиями и жизненными событиями – переходом в другую школу, завершением образования и т.п.

Чрезвычайно важна и субъективная, психологическая сторона: как сам подросток воспринимает, переживает и оценивает пубертатные события – менархе, ночные поллюции, изменение своего телесного облика, подготовлен ли он к ним, вызывают ли они у него испуг или радость и т.д. Это зависит как от социальных условий развития, включая половое просвещение, так и от индивидуальных особенностей подростка. К сожалению, эти психологические факторы, особенно у мальчиков, очень плохо изучены. А без учета особенностей самосознания подростка объективные данные о его физическом развитии и сексуальном поведении лишены реального психологического смысла и часто истолковываются произвольно.

Хотя темп собственного полового созревания влияет на сексуальное поведение подростка, оно в гораздо большей мере зависит от других факторов.

Разделив обследованных тринадцатилетних школьников на до- и постпубертатных (девочки, у которых уже начались менструации, и мальчики, пережившие первое семяизвержение), немецкие исследователи сопоставили уровни социосексуальной активности обеих групп (влюбленности, целуи, объятия, петтинг, вступление в половые отношения). Оказалось, что постпубертатные мальчики по всем показателям опережают допубертатных, то есть половое созревание существенно стимулирует их сексуальную активность, а у девочек такой зависимости не обнаружилось, постменархальные девочки только чаще влюбляются. Видимо, дело не только в физиологии, но и в системе половых/гендерных ролей.

Американские исследователи обследовали 7,5 тысячи подростков, сопоставив данные объективного врачебного осмотра с результатами интервьюирования. Оказалось, что возраст, когда подростки начинают ухаживать и назначать свидания, статистически связан с уровнем их индивидуального полового созревания, но зависимость этого от хронологического возраста значительно выше. То есть подростки начинают ухаживать не столько вследствие собственного «сексуального напряжения», обусловленного половым созреванием, сколько в соответствии с культурными нормами своей возрастной группы, школьного класса, которые диктуют: «надо ухаживать», «пора влюбляться!» Интересно, что у детей с преждевременным половым созреванием наступление физиологической половой зрелости в большинстве случаев не сопровождается ранней сексуальной активностью, их сексуальные интересы больше соответствуют их психическому, нежели гормональному возрасту.

Процесс полового созревания вызывает множество психологических проблем и трудностей².

Прежде всего подросток вынужден заново оценивать – и иногда переоценивать! – свою половую/гендерную идентичность с точки зрения своего соответствия или несоответствия принятым в его среде представлениям о маскулинности и фемининности. Особое значение приобретает при этом его быстро меняющийся телесный облик.

Распространенные в переходном возрасте тревоги по этому поводу, нередко принимающие форму так называемого синдрома дисморфомании³, чаще всего связаны именно с половыми признаками. Таковы тревоги по поводу избыточного веса (толщины), недостаточного роста (у мальчиков), гинекомастии (увеличения грудных желез по женскому типу у мальчиков, часто наблюдаемое в период пубертата), гирсутизма (оволосения тела

Половое созревание протекает крайне неравномерно. Мальчики, которые отстают в половом развитии, испытывают по этому поводу сильное беспокойство и с завистью смотрят на более маскулинных сверстников. «Все, что было во мне от здорового зверя, прибавляло мне уверенности, – говорит юный герой романа Джона Апдайка «Кентавр». – Мне нравились появившиеся наконец волосы. Темно-рыжие, упругие, как пружинки, слишком редкие, чтобы образовать кустик, они курчавились в лимонно-желтом холоде. Пока их не было, меня грызла досада: я чувствовал себя беззащитным в раздевалке, когда... видел, что мои одноклассники уже надели меховые доспехи».

Бывает и наоборот. Однажды на турбазе, где отдыхала команда подростков из какого-то спортивного общества, я обратил внимание на шуплого пятиклассника, который мылся в душе, не снимая плавок. «Ты чего-то стесняешься?» – спросил я. «У меня там растут волосы». – «Это же вполне нормально, ты видишь то же самое у других ребят». – «Да, но они большие, а я еще маленький».

Некоторые мальчики ужасно стесняются своих эрекций, возникающих в самых неподходящих ситуациях, им кажется, что все их замечают. Некоторые девочки стесняются роста груди и начала менструаций. Бестактные шутки и замечания взрослых или сверстников по этим поводам переживаются подростками остро и болезненно.

Интерес к собственному телу как к эротическому объекту повышает интерес и к чужому телу. Вот как описывал это А.И. Куприн в романе «Юнкера»:

² См. об этом подробнее: Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.

³ Страх по поводу действительного или воображаемого физического недостатка, иногда доходящий до маниакальной одержимости по мужскому типу у девочек, слишком короткого полового члена (помимо больших природных вариаций, сказывается оптическая иллюзия: собственный член мальчик видит сверху, а чужой – сбоку, поэтому он кажется длиннее) и т.п.

«Кадеты быстро разделись донага и босиком подходили по очереди к доктору... Такой подробный осмотр производился обыкновенно в корпусе по четыре раза в год, и всегда он бывал для Александра чем-то вроде беспечной и невинной забавы, тем более что при нем всегда бывало испытание силы на разных силомерах – нечто вроде соперничества или состязания. Но почему теперь такими грубыми и такими отвратительными казались ему прикосновения фельдшера к тайнам его тела?

И еще другое: один за другим проходили мимо него нагишом давным-давно знакомые и привычные товарищи. С ними вместе сто раз мылся он в корпусной бане и купался в Москве-реке во время летних Коломенских лагерей. Боролись, плавали наперегонки, хвастались друг перед другом величиной и упругостью мускулов, но самое тело было только незаметной оболочкой, одинаковой у всех и ничуть не интересною.

И вот теперь Александров с недоумением заметил, чего он раньше не видел или на что почему-то не обращал внимания. Странными показались ему тела товарищей без одежды. Почти у всех из-под мышек росли и торчали наружу пучки черных и рыжих волос. У иных груди и ноги были покрыты мягкой шерстью. Это было внезапно и диковинно».

Украдкой, но очень внимательно подростки разглядывают своих сверстников, а также старших и младших. В подростковых лагерях и интернатах иногда происходят настоящие конкурсы, длина членов измеряется с помощью линейки (способ, прямо скажем, не слишком надежный). Застенчивым подросткам и тем, кто страдает каким-то действительным или мнимым физическим недостатком, такие ситуации мучительны. Они сопровождаются грубыми шутками, а в случае уклонения «осмотр» может быть произведен насильственно (это иногда делается и в более старших возрастах, в общежитиях или в армии).

Самая массовая форма сексуального удовлетворения в подростковом и раннем юношеском возрасте – мастурбация (самоудовлетворение, онанизм). Европейская мысль XVIII-XIX веков считала ее страшным и опасным пороком, приводящим к ослаблению памяти и умственных способностей, безумию и, конечно, импотенции. Все это полнейший вздор.

Убеждение, что мастурбация вызывает безумие, родилось из наблюдений в психиатрических больницах, обитатели которых часто и подолгу мастурбируют на глазах у персонала. Но у душевнобольных отсутствуют моральные запреты и нет других способов сексуального удовлетворения. Навязчивая мастурбация не причина, а следствие их состояния.

Что же касается импотенции, то, по данным Г.С. Васильченко, больше всего мастурбантов встречается среди сексуально здоровых, а самый высокий процент никогда не мастурбировавших – среди мужчин, страдающих наиболее тяжелыми расстройствами потенции. У женщин, занимавшихся мастурбацией до начала половой жизни, сексуальная холодность и аноргазмия встречаются втрое реже, чем у никогда не мастурбировавших.

В подростковом и раннем юношеском возрасте мастурбация является массовой. У мальчиков она быстро нарастает после двенадцати лет, достигая своего «пика» в пятнадцать-шестнадцать лет, когда ею занимаются 80-90 процентов мальчиков. Девочки начинают мастурбировать позже и делают это реже; тем не менее, по данным В.В. Данилова (1982), к 13,5 года опыт мастурбации имели 22, к 15,5 года – 37,4, к 17,5 года – 50,2, а к 18,5-65,8 процента опрошенных девушек-студенток Кривого Рога. 70 процентов мастурбировали руками, 30 процентов достигали оргастических ощущений, сжимая бедра или направляя на половые органы струю воды, 10 процентов раздражали соски, 20 процентов достигали оргазма с помощью эротических фантазий, 15 процентов пользовались самодельными моделями мужского члена; свыше половины этих девушек участвовали в сексуальных играх с подругами, 15-25 процентов делали это в разнополых компаниях; 11 процентов подсматривали за обнажением людей своего и противоположного пола, влюбленными парами и т.п.

Вопреки привычным представлениям, мастурбация продолжается и во взрослом состоянии, причем ею занимаются не только сексуально обездоленные одиночки. Чем активнее сексуальная жизнь, тем вероятнее, что в ней находится место и для мастурбации. По данным национального опроса взрослых американцев, проведенного в 1993 г., в течение последнего года перед опросом мастурбировали 60 процентов мужчин и 40 процентов женщин, а среди совместно живущих пар – 85 и 45 процентов; каждый четвертый мужчина и каждая десятая женщина занимались этим по крайней мере раз в неделю.

Зачем они это делают? Самый массовый ответ (73 процента мужчин и 63 процента женщин) – чтобы «разрядить сексуальное напряжение». Дальше упоминаются «физическое удовольствие», «отсутствие партнера», «чтобы расслабиться», «партнер не хочет», «чтобы заснуть», «от скуки» и «из страха перед СПИДом и болезнями, передающимися половым путем».

Есть и еще один мотив, которого люди не осознают: мастурбация позволяет проиграть в воображении такие эротические ситуации, которых человек по тем или иным причинам не может или не смеет реализовать с реальным партнером. Что ж, в этом тоже нет ничего страшного. Другое дело, если человек занимается исключительно мастурбацией. «Одинокий секс» или «секс в одиночестве», как иногда называют онанизм, неполноценен в том смысле, что в нем нет коммуникативного начала, человек замыкается сам на себя. Хронические онанисты, как правило, люди одинокие и не очень счастливые.

Но вернемся к подросткам.

Подростковая мастурбация служит средством разрядки сексуального напряжения, вызываемого физиологическими причинами (переполнение семенных пузырьков, механическое раздражение гениталий и т.п.). Вместе

с тем она стимулируется психическими факторами: примером сверстников, желанием проверить свои потенции, получить удовольствие и т.д. У большинства мальчиков первое семяизвержение происходит именно при мастурбации. Чем раньше созревает подросток, тем вероятнее, что он будет мастурбировать, других способов сексуального удовлетворения у него нет.

Интенсивность, частота мастурбации индивидуально варьирует, но у мужчин она гораздо выше, чем у женщин. Как писал ленинградский сексопатолог профессор А.М. Свядош, «умеренная мастурбация в юношеском возрасте обычно носит характер саморегуляции половой функции. Она способствует снижению повышенной половой возбудимости и является безвредной».

Подростковая и юношеская мастурбация – явление не столько физиологического, сколько психологического порядка. Оргазм, достигаемый при мастурбации, неполноценен в том смысле, что сексуальное удовлетворение замыкается на самом субъекте; онанизм лишен коммуникативного начала, составляющего важный компонент взрослой сексуальности. Мастурбация закрепляет в сознании подростка представление о сексе как о чем-то «грязном» и низменном, а доступность этого способа сексуального удовлетворения может тормозить вступление юноши в более сложные и проблематичные парные отношения. Мастурбация часто сопровождается яркими эротическими образами и фантазиями, в которых подросток может выбирать любых партнеров и ситуации. Условно-рефлекторное закрепление этих фантастических образов иногда создает у юноши своеобразный, весьма нереалистичский эталон, по сравнению с которым реальный сексуальный опыт, на первых порах почти всегда сопряженный с трудностями, может разочаровать его, толкая к продолжению мастурбационной практики.

Наконец, самое важное; древние табу и представления о порочности и опасности мастурбации глубоко сидят в сознании подростка, оставляя у многих чувство вины и страха перед «последствиями». Мальчики знают, что мастурбация – явление массовое. Тем не менее они стыдятся этой «дурной привычки» и тщательно скрывают ее. Пытаясь бороться с ней, подросток обычно, как миллионы людей до него (но он этого не знает), терпит поражение. Это вызывает у него сомнение в ценности собственной личности и особенно своих волевых качеств, снижает самоуважение и побуждает воспринимать трудности и неудачи в учебе и общении как следствия своего «порока».

В связи с этим вспоминается один давний случай. Лет двадцать назад в лагере для старшеклассников я разговорился с рослым, красивым, развитым десятиклассником. В его ответах о будущем сквозила какая-то обреченность, грустная неуверенность в себе, контрастировавшая с общим обликом парня. Я спросил его: «У тебя есть какие-то личные проблемы? Может быть, я могу тебе помочь?» – «Нет, мне никто не поможет, к тому

же это не по вашей специальности» (ребята знали, что я социолог, но о моих сексологических занятиях им никто, разумеется, не говорил). Что ж, насильно в душу не полезешь. Но поговорить о себе парню хотелось, в следующий раз он упомянул, что у него портится память, а когда дошел до признания, что «теряет много белка», все стало ясно. После того как мы выяснили главный вопрос, я спросил: «А в чем проявляется ухудшение памяти?» Оказалось, что в 9-м классе у него возникли трудности с математикой. «Ну, дорогой, – сказал я тогда, – дело твое совсем хана. Если, дойдя до 10-го класса, ты не понимаешь, что математика – не тот предмет, который берут памятью, налицо общая деградация умственных способностей, о чем и говорится в тех глупых брошюрах, которых ты начитался!» Он засмеялся и убежал играть в баскетбол.

К сожалению, в России практика запугивания подростков продолжается. Руководитель Центра нетрадиционной педиатрии «Солнышко» писатель Борис Камов в 1994 г. сообщил широкой общественности, что все беды современных мужчин проистекают от онанизма, который из корысти пропагандируют злонамеренные сексологи. А вот про древних китайцев, которые вместо занятий онанизмом заботились о своем здоровье, «имеются данные, что основоположник одной из китайских научно-оздоровительных систем прожил восемь столетий. Это означает: если бы основатель Москвы князь Юрий Долгорукий стал бы заниматься в молодости по этой системе, он мог бы дожить до наших дней». И занимал бы место Юрия Лужкова. Видите, как все просто?

После публикации безграмотных статей Камова в газете «Совершенно секретно» мастурбационная тревожность у наших подростков и их родителей выросла.

Между тем никаких оснований пересматривать сложившиеся в науке взгляды на мастурбацию нет. В 1988 г. американские психологи опросили 280 студентов в штате Вермонт (довольно консервативный штат) занимались ли они мастурбацией до 13 лет, от 13 до 15 лет и в настоящее время. Хотя отвечать на подобные вопросы трудно и неприятно, опыт мастурбации признали 81 процент мужчин и 45 процентов женщин. Как и предполагалось, мальчики начинают мастурбировать раньше девочек и делают это в три раза интенсивнее. Но когда наличие предпубертальной и подростковой мастурбации сопоставили с последующим сексуальным поведением испытуемых (наличие половых сношений, степень сексуального удовлетворения, сексуальная возбудимость и наличие сексуальных трудностей), никакой связи между тем и другим не обнаружили. Это значит, что ранний мастурбационный опыт не оказывает на сексуальную жизнь молодых взрослых ни положительного, ни вредного влияния.

Применительно к подросткам и юношам тревожить должен не сам факт мастурбации (она массова) и даже не ее интенсивность (индивидуальная «норма» связана с половой конституцией), а только те случаи, ко-

гда мастурбация становится навязчивой, вредно влияя на самочувствие и поведение. Однако и в этих случаях онанизм не столько причина плохой социальной адаптации, сколько ее симптом и следствие. Это имеет принципиальное значение для педагогики.

Раньше, когда мастурбация считалась причиной необщительности, замкнутости подростка, все силы направляли на то, чтобы отучить его от этой привычки. Результаты были, как правило, ничтожны и даже отрицательны. Сейчас поступают иначе. Вместо того чтобы втолковывать подростку, что плохо быть онанистом, – это только увеличивает его тревогу, – пытаются тактично улучшить его коммуникативные качества, помочь занять приемлемое положение в обществе сверстников, увлечь интересным делом. Как показывает опыт, эта позитивная педагогика гораздо эффективнее.

Аутоэротизм, иногда даже известный нарциссизм сочетаются у подростков с появлением гетеросексуальных интересов и привязанностей.

Характерная черта подростковой и юношеской сексуальности, отмеченная еще З.Фрейдом, – разобщенность чувственного и нежного влечения.

Дуализм «любви» и «секса» проявляется особенно резко у мальчиков. Юношеская мечта о любви и образ идеальной возлюбленной часто десексуализированы. Когда подростки называют свои зарождающиеся привязанности «дружбой», они не лицемерят: они и вправду испытывают прежде всего потребность в общении, самораскрытии, эмоциональном тепле. Прообразом первой возлюбленной для мальчика часто бессознательно служит мать, мысль о сексуальной близости с ней для него равносильна святотатству. В то же время подросток находится во власти сильного диффузного эротизма. Образ, на который проецируются его эротические фантазии, нередко представляет собой только «сексуальный объект», лишенный всех других характеристик. Иногда (в двенадцать-четырнадцать лет) это реальный или воображаемый групповой образ, общий для целой компании мальчиков. Грязные разговоры, сальные анекдоты, порнографические картинки вызывают повышенный интерес, позволяя «заземлить», «снизить» волнующие эротические переживания, к которым они психологически и культурно еще не подготовлены.

Вот сцена из романа Джона Апдайка «Кентавр»:

«Лицо Дейфендорфа придвинулось вплотную, я чувствовал его смрадное дыхание. Он сложил руки так, что между ладонями оставался маленький ромбовидный просвет.

– Понимаешь, им нужно, чтобы ты был вот здесь, – сказал он. – Все они такие, им только этого и надо, взад-вперед.

– Но ведь это скотство, – сказал я.

– Конечно, гадость, – согласился он. – Но ничего не поделаешь. Взад-вперед, взад-вперед, и больше ничего, Питер, а целовать, обнимать их, говорить всякие красивые слова – все без толку, с них это как с гуся вода. Приходится делать так».

Здесь все бездуховно, нет даже эротики, и самого «просветителя» это искренне огорчает, но ничего богаче он вообразить не может. Наивные взрослые уверены, что так могут думать только «испорченные» мальчики. Но и «грязный» секс, и «возвышенный» идеал прекрасной возлюбленной прекрасно сосуществуют в сознании одного и того же подростка.

Вот как вспоминал свою юность В.В.Вересаев:

«Поражает меня в этой моей любви вот что.

Любовь была чистая и целомудренная, с нежным, застенчивым запахом, какой утром бывает от луговых цветов в тихой лощинке, обросшей вокруг орешником. Ни одной сколько-нибудь чувственной мысли не шевелилось во мне, когда я думал о Конопацких. Эти три девушки были для меня светлыми, бесплотными образами редкой красоты, которыми можно было только любоваться.

А в гимназии, среди многих товарищей, шли циничные разговоры, грубо сводившие всякую любовь к половому акту».

Будущий писатель отмалчивался, прятал свою любовь, но вместе с тем «внимательно вслушивался в анекдоты и похабные песни»...

«Я развращен был в душе, с вожделением смотрел на красивых женщин, которых встречал на улицах, с замиранием сердца думал, – какое бы это было невообразимое наслаждение обнимать их, жадно и бесстыдно ласкать. Но весь этот мутный душевный поток несся мимо образов трех любимых девушек, и ни одна брызга не попадала на них из этого потока. И чем грязнее я себя чувствовал в душе, тем чище и возвышеннее было мое чувство к ним».

Подростковый цинизм коробит взрослых. Но обсуждение запретных вопросов (а к ним относится не только секс, но и многие другие телесные переживания) со сверстниками позволяет снять эмоциональное напряжение и отчасти разрядить его смехом. В «смеховой культуре» взрослых также много сексуальных мотивов. Стоит ли удивляться тому, что у подростка даже пестики и тычинки вызывают эротические ассоциации?

Невозможность выразить в словах эротические переживания из-за застенчивости или отсутствия общества сверстников может отрицательно повлиять на развитие личности. Воспитателю следует беспокоиться не столько о тех, кто ведет «грязные разговоры», сколько о тех, кто их молча слушает, – именно эти ребята, неспособные выразить и «заземлить» волнующие их смутные переживания, иногда оказываются наиболее впечатлительными и ранимыми. То, что у других выплескивается наружу в циничных словах, у этих отливается в глубоко лежащие устойчивые фантастические образы.

Как трудно юноше совместить свою пробуждающуюся чувственность с нормами требовательного морального кодекса, показал Юрий Власов в рассказе «Белый омут». Его герой, курсант военного училища, мечтает о

большой, всеобъемлющей любви и в то же время страдает от своей чувственности и влюбчивости:

«Я человек без воли. У меня нет твердости в характере. Женщины – это позорная слабость. Настоящий мужчина должен знать свое дело, служить ему. Женщины не способны отвлечь его. Это у слабых, дряблых людей все интересы в женщинах. И вообще, что значит женщина? Это развратно, гадко говорить сразу о многих женщинах. Должно быть имя, которое я стану боготворить. Я встречу одну, полюблю одну и никогда не увижу никого, кроме нее. А я? Я?.. Мысль о том, что я смею думать о поцелуях, огорчает. Почему я так испорчен? Почему прикосновения к Наденьке бывали столь желанны? Почему брежу ими?..»

Извечные вопросы школьных диспутов – как отличить любовь от увлечения, можно ли любить одновременно троих и т.п. – одинаково волнуют юношей и девушек.

Передо мной – дневник ленинградской школьницы. Его центральная тема – безответная и ранняя, тянущаяся с 6-го класса, любовь к однокласснику. В 8-м классе рядом с нею возникает совсем иное чувство: «Витька – самый сильный мальчишка из нашего класса и самый лучший физкультурник. И вот у меня появилось теперь вдруг сильное желание обнять его, прислониться к нему... Такого чувства к Сашке я не испытывала. Мне хотелось быть с ним всегда рядом, но не это. Конечно, я много мечтала о ласках, но я всегда мечтала об этом, когда была одна. Когда я была с ним рядом, я совершенно забывала об этом. С Витькой – наоборот. Это чувство возникает тогда, когда мы садимся близко друг к другу или когда я прикасаюсь к его руке. Дома я о нем никогда не думаю. Сегодня, кажется, в первый раз... Что делать? Ведь это просто гадость, когда чувствуешь такое к человеку, которого нисколько не любишь». А через полгода – третье, на сей раз чисто интеллектуальное увлечение. Юноша этот внешне совсем не привлекателен, но «мне очень хочется опять говорить, говорить с ним». Нежная привязанность, чувственное влечение и потребность в дружбе, основанной на взаимном самораскрытии, сосуществуют, вызывая желание разобраться в себе, отделить главное от временного, наносного.

Наряду с подростками, которые гипертрофируют физические аспекты сексуальности, есть и такие, которые всячески стараются отгородиться, спрятаться от них. Специфической психологической защитой им может служить аскетизм, подробно описанный Анной Фрейд, – подчеркнуто презрительное и враждебное отношение ко всякой чувственности, которая кажется подростку низменной и «грязной». Идеалом такого юноши является не просто умение контролировать свои чувства, но полное их подавление.

Другая типичная юношеская защитная установка – «интеллектуализм»: если «аскет» пытается избавиться от чувственности, убедив себя в том, что она «грязна», то «интеллектуал» находит ее «неинтересной».

Требования моральной чистоты и самодисциплины сами по себе положительны. Но их гипертрофия влечет за собой искусственную самоизоляцию от окружающих, высокомерие, нетерпимость, в основе которых лежит страх перед жизнью.

Отличная художественная иллюстрация этого – Чарльз Фенник из романа Торнтон Уайдлера «Геофил Норт». Выросший в изоляции от сверстников, в строгой религиозной семье, подросток смущается при малейшем намеке на любые телесные отправления. Это вынуждает его к самоизоляции, которую окружающие принимают за снобизм и высокомерие. Когда Чарльз неожиданно вспыхнул, залился краской при упоминании названия музыкального инструмента – пикколо, молодой учитель понял, в чем дело: «...Для маленького мальчика слово «пикколо», благодаря простому созвучию, полно волнующе-жутких и восхитительных ассоциаций с «запретным» – с тем, о чем не говорят вслух, а всякое «запретное» слово стоит в ряду слов, гораздо более разрушительных, чем «пикколо». Чарльз Фенвик в шестнадцать лет переживал фазу, из которой он должен был вырасти к двенадцати. Ну, конечно! Всю жизнь он занимался с преподавателями; он не общался с мальчиками своего возраста, которые «вентилируют» эти запретные вопросы при помощи смешков, шепота, грубых шуток и выкриков. В данной области его развитие было замедленным».

Выбранная учителем «терапия» заключалась в том, чтобы понемногу вводить в разговор с Чарльзом «неприличные» «взрывчатые» слова, приучая подростка к тому, что обозначаемые ими вещи вполне естественны, их нечего стыдиться или бояться. По мере того как мальчик осваивается с этой сферой жизни, он становится терпимее и мягче с окружающими.

В подростковых и юношеских увлечениях очень много «головного», нарочитого, придуманного. Влюбленность, ухаживание, обмен записочками, первое свидание, первый поцелуй в этом возрасте важны не только и не столько сами по себе, как ответ на собственную внутреннюю потребность, сколько как социальные символы, знаки взросления. Как младший подросток ждет появления вторичных половых признаков, так юноша ждет, когда же наконец он полюбит. Если это событие запаздывает (а никаких возрастных норм здесь не существует), он нервничает, старается заменить подлинное увлечение придуманным и т.д. Игровой характер подростковых ухаживаний очевиден. Но и для юношей собственные переживания, воспринимаемые в свете стереотипной половой роли, на первых порах важнее, чем объект привязанности. Отсюда – постоянная оглядка на мнение сверстников собственного пола, подражательность, хвастовство действительными, а чаще мнимыми «победами».

Влюбленности напоминают эпидемии: стоит появиться в классе одной паре, как влюбляются все, а в соседнем классе спокойно. «Объекты» увлечений также нередко бывают общими, поскольку общение с попу-

лярной девушкой (или юношей) повышает собственный престиж у сверстников. Даже интимная близость нередко бывает только средством самоутверждения в глазах сверстников.

Бурный темп полового созревания опережает у мальчиков развитие тонких коммуникативных качеств, включая способность к сопереживанию. Кроме того, сказывается влияние традиционного стереотипа маскулинности, согласно которому мужчина подходит к женщине с «позиции силы». Подросток этой силы в себе не ощущает, а попытки симулировать ее, чтобы быть «на уровне» стереотипа, только увеличивают его затруднения. Жажда любви очень часто сочетается со страхом «потерять себя», «подчиниться».

Девочки, которым «сила» не предписана, свободны от этой заботы, зато вынуждены скрывать свои увлечения, оберегая девичье достоинство и репутацию.

Разрешение этих противоречий во многом зависит от того, как складываются взаимоотношения юношей и девушек в более широком кругу. Обособление мальчиков и девочек в подростковом возрасте – универсальное явление в истории культуры. В современном обществе эта сегрегация полов осуществляется стихийно, самими детьми. Тем не менее она существует, и преодолеть психологическую дистанцию между мальчиками и девочками не так просто. Психологическая близость вначале легче достигается с человеком собственного пола, с которым подростка связывает широкий круг общих значимых переживаний, включая и эротические.

Анализ ответов ленинградских старшеклассников в 1970-х годах на вопрос: «В общении с кем вы чувствуете себя наиболее уверенно и свободно?» – показал, что общение со сверстниками противоположного пола значительно напряженнее, чем со всеми остальными лицами, за исключением учителей. Однако девушки чувствуют себя в общении с юношами более свободно и уверенно, чем юноши с девушками.

Характерно в этой связи неодинаковое отношение юношей и девушек к разнополой дружбе. На вопрос: «Возможна ли, по-вашему, настоящая дружба (без влюбленности) между юношей и девушкой?» – утвердительно отвечали свыше трех четвертей учащихся VII-X классов. Но с возрастом сомнения усиливаются; свыше половины юношей-студентов ответили на этот вопрос отрицательно. При ответах на вопрос: «Кого вы предпочли бы иметь своим другом – юношу или девушку?» – доля девушек, предпочитающих иметь друга противоположного пола, выше, чем доля юношей, причем с возрастом эта разница увеличивается.

Потребность в дружбе с человеком противоположного пола выражает, в сущности, потребность в любви. Эти отношения часто кажутся более или менее альтернативными. Появление «любимой» снижает эмоциональный накал однополой дружбы, друг становится скорее добрым товарищем. В то же время любовь предполагает большую степень интимности, чем дружба, она как бы включает в себя дружбу. Если в ранней юности главным кон-

фидантом обычно бывает друг своего пола, то позже это место занимает любимый (любимая). Сочетание духовного общения с физической близостью допускает максимальное самораскрытие, на которое способна личность. Шестнадцатилетний юноша еще может довольствоваться обществом друзей своего пола. В более старшем возрасте отсутствие интимного контакта с девушкой уже не компенсируется однополкой дружбой. Больше того, чувствуя, что отстает в этом отношении от сверстников, юноша становится менее откровенен и с друзьями, замыкается в себе.

Несмотря на явную демократизацию и большую свободу взаимоотношений между юношами и девушками, они вовсе не так элементарны, как кажется некоторым взрослым. Современный ритуал ухаживания проще традиционного, зато он нигде не кодифицирован, это создает нормативную неопределенность. Характерно, что большая часть вопросов, задаваемых подростками и юношами, касается не столько психофизиологии половой жизни, всей сложности которой они еще не осознают, сколько ее нормативной стороны: как надо вести себя в ситуации ухаживания, например во время свидания, когда можно и нужно целоваться и т.д. Озабоченность ритуальной стороной дела иногда настолько сильна, что молодые люди глухи к переживаниям друг друга и даже собственные чувства отступают перед вопросом, «правильно» ли они поступают с точки зрения норм своей половозрастной группы. Ухаживание – игра по правилам, которые, с одной стороны, весьма жестки, а с другой – довольно неопределенны.

Это хорошо описано в рассказе Анатолия Конгро «Нет, мы такими не были». Его 17-летний герой страстно мечтает о девушках, но не знает, как к ним подступиться. Более бойкий в этом отношении друг Гошка говорит ему, что все очень просто: пригласи девушку на танец, потом она тебя пригласит, затем попроси разрешения проводить ее домой, а у парадной спроси: «Можно поцеловать вас?» И все...

А на самом деле? Надо все время разговаривать, а о чем? Обнял девушку за плечи, рука затекла, а снять ее вроде бы неудобно. Хоть бы скорей ее дом! Вот наказание!

«В конце концов я исполнил великий Гошкин завет. Промямлил: «Можно вас поцеловать?» Она смешалась (от удивления) и сказала, как психу: «Ну кто же об этом спрашивает?!»

А?! Каков друг?! Спроси, говорит. Не спрашивают об этом! Откуда он взял, что спрашивают? Из богатого личного опыта? Или вычитал в Большой Советской Энциклопедии?

Я ляпнул куда-то губами мимо... Она в последний момент отвернула мордочку. Но официально можно было считать, что я первый раз поцеловал девушку. Правда, не так... и не ту... Но это меня совершенно сейчас не трогало. Я почувствовал, что все они, сколько есть их в мире, стали доступны мне. Увы, завтра все надо начинать сначала...»

Герой знаменитой повести Дж.Д.Сэлинджера «Над пропастью во ржи» Холден Колфилд очень хотел бы «быть опытным» во всяких таких делах. А то, по правде говоря, когда я с девчонкой, я и не знаю как следует, что с ней делать... Главное, как только дойдет до этого – так девчонка, если она не проститутка или вроде того, обязательно скажет: «Не надо, перестань». И вся беда в том, что я ее слушаюсь. Другие не слушаются. А я не могу. Я слушаюсь. Никогда не знаешь – ей и вправду не хочется, или она просто боится, или она нарочно говорит «перестань», чтобы ты был виновен, если что случится, а не она. Словом, я сразу слушаюсь. Главное, мне их всегда жалко. Понимаете, девчонки такие дуры, просто беда. Их как начнешь целовать и все такое, они сразу теряют голову».

Мне могут сказать, что для современных подростков эти переживания слишком сложны и нетипичны, у них многое стало проще. Отчасти это верно.

Современные юноши и девушки начинают половую жизнь значительно раньше, чем их сверстники в прошлом.

Хотя данные разных исследователей не всегда совпадают, общая долгосрочная тенденция сомнений не вызывает: доля юношей, начинающих сексуальную жизнь в 16 лет и младше, втрое превышает соответствующий процент в поколении их отцов, а доля девушек впятеро больше, чем в поколении их матерей.

По данным выборочных эпидемиологических исследований в Москве О.К.Лосевой, которая сравнивала венерологических больных с аналогичными контрольными группами, средний возраст начала половой жизни у контрольных групп в 1983/84 гг. по сравнению с 1975/76 снизился с 19,2 до 18,1 года у мужчин и с 21,8 до 20,6 года у женщин.

Эти сдвиги отражаются и в общественном сознании. По данным опроса ВЦИОМ (июнь 1993), в котором были представлены все возрастные группы, однако свыше 40 процентов на вопросы личного характера не ответили, средний возраст начала половой жизни («В каком возрасте вы впервые вступили в половую связь?») был 19,5 года. Между тем на вопрос «С какого возраста, по вашему мнению, допустимо начало половой жизни?» люди, среди которых было значительно больше пожилых, чем юных, назвали 17,9 года.

По данным анкеты, проведенной сотрудниками лейпцигского Центрального института исследований молодежи совместно с ленинградскими социологами в июне 1990 г. среди студентов бывшего СССР (всего было опрошено 1509 человек), средний возраст начала половой жизни у мужчин составил 18,4 года, а у женщин – 19,0 лет.

Судя по данным анкетного опроса, проведенного в 1993 г. (1615 учащихся 16 средних школ и восьми ПТУ Москвы и Петербурга, в возрасте от 12 до 17 лет), подростки, как и раньше, начинают ухаживать и назначать свидания еще до завершения полового созревания: примерно поло-

вина их делает это еще не достигнув 12 лет. К шестнадцати годам трепета уединенных встреч не испытал лишь один из пяти. Более или менее устойчивые пары образуются гораздо реже, даже среди 16-17-летних в момент исследования свыше половины постоянной пары еще не имели.

Наличие сексуального опыта в целом по выборке признали около 15 процентов девочек и 22 процента мальчиков. Почти половина сексуально-искушенных подростков (34 процента девочек и 57 процентов мальчиков) первый половой акт пережили моложе пятнадцати лет, а 5 процентов девочек и 20 процентов мальчиков – в 12 лет и младше. По возрастным группам, среди не достигших 14 лет сексуально искушены 2 процента, среди 14-15-летних – 13 процентов, среди 16-17-летних – 36 процентов.

В 1995 г. возраст сексуальной инициации снизился: среди шестнадцатилетних первый половой акт пережили 50,5 процентов юношей и 33,3 процента женщин, среди семнадцатилетних – 57,1 и 52,4 процента, среди восемнадцатилетних – 69,8 и 50,8 процента и среди девятнадцатилетних – 77,5 и 54,8 процента.

Сексуально искушенных мальчиков во всех возрастах больше, чем девочек. Обследование 4000 школьников с 7-го по 9-й класс в 1997 году показало, что в этом возрасте происходит быстрое нарастание как сексуально-эротических интересов, так и социосексуальной активности.

Первый сексуальный опыт еще не означает ни страстной любви, ни начала регулярной половой жизни. Ранние связи, как правило, безлюбовны и часто весьма прозаичны. Почти треть сексуально активных подростков, опрошенных в 1993 г., никогда не имели друга противоположного пола. Среди опрошенных в 1995 г. 16-19-летних 35 процентов девушек и 15 процентов юношей сказали, что были влюблены в своего первого сексуального партнера, остальные довольствовались симпатией или вообще ничего романтического не чувствовали (так ответил почти каждый четвертый юноша). У многих первая связь была случайной и сразу же прервалась. Более или менее регулярную половую жизнь ведут лишь немногие 16-19-летние.

Сравнение сексуально продвинутых и еще девственных 16-летних показывает некоторые социальные и психологические корреляты более ранней, по сравнению со среднестатистическими показателями, сексуальной инициации.

Поскольку секс для подростка – нечто запретное и рискованное, раньше всего вовлекаются в него те, кто любит риск и самопроверку и нуждается в самоутверждении. С утверждением «Я получаю настоящее удовольствие, совершая довольно-таки рискованные поступки» согласились 58 процентов сексуально активных подростков и только 43 процента девственников. Суждение «Мне нравится постоянно испытывать себя, делая что-нибудь немного рискованное» применили к себе 65 процентов

первой и 44 процента второй группы. Больше половины сексуально активных и менее трети неопытных подростков сказали: «Я часто стараюсь проверить, насколько далеко я могу зайти». 43 процента сексуально искушенных подростков сказали, что они «иногда делают что-то специально, чтобы шокировать родителей или других взрослых, просто для смеха». У девственников таких ответов на 12 процентов меньше.

Однако независимость от старших часто оборачивается рабской зависимостью от сверстников. Среди сексуально активных чаще встречаются юноши и девушки, податливые на уговоры и заразные примеры. 52 процента из них сказали: «Иногда я позволяю другим уговорить себя сделать то, чего, как я знаю, делать не следует». Девственников с такой самохарактеристикой на 10 процентов меньше.

У сексуально активных подростков учебная успеваемость и дисциплина несколько ниже, чем у их сверстников. Планирующих продолжить учебу в вузе среди них на 10 процентов меньше, чем среди девственников.

Более раннее начало половой жизни статистически связано с разными формами девиантного, социально неодобряемого поведения. Девять из десяти сексуально активных шестнадцатилетних отведали вкус сигарет, а трое из четырех курят (среди девственников соответствующие показатели – 62 и 36 процентов. Девять из десяти сексуально активных уже бывали пьяными (среди сексуально неискушенных – каждый второй). Почти треть сексуально искушенных подростков успели «словить кайф» от наркотиков (среди остальных таковых в пять раз меньше).

Так же ведут себя, по их мнению, и их друзья. На вопрос «Многие ли из твоих друзей употребляют наркотики или алкоголь?» «большинство» и «практически все» ответили половина сексуально активных и четверть девственных старшеклассников.

За этим социально-психологическим синдромом часто стоят неблагоприятные социальные, прежде всего семейные условия. Среди подростков с ранним сексуальным опытом чуть больше таких, которые воспитывались в неполных семьях. Образовательный уровень и социальный статус их родителей, особенно отцов, несколько ниже среднего. Доля отцов, не имеющих постоянного места работы, среди них почти втрое выше, а возможность свободного обсуждения с родителями проблем секса в таких семьях значительно ниже.

Решающую роль в формировании нормативных ориентаций подростков играет общество сверстников, которое очень часто подталкивает их к более ранней сексуальной инициации. Хотя 44 процента девочек и 39 процентов мальчиков сказали, что не знают, совпадают ли их взгляды на секс со взглядами соучеников, 35 процентов девушек и 45 процентов юношей считают, что они идентичны или похожи. С возрастом эта предполагаемая общность взглядов увеличивается с 35 процентов у тех, кто младше 14, до 60 процентов у 16-17-летних.

Сексуальное поведение подростка сильно зависит от того, как он представляет позицию своих сверстников. Хотя подавляющее большинство подростков отрицают давление со стороны сверстников в сторону более раннего начала половой жизни, такое давление, особенно на мальчиков, довольно сильно. Многие подростки склонны преувеличивать сексуальную «продвинутость» своих друзей и одноклассников. Хотя только 36 процентов опрошенных в 1993 г. 16-17-летних сами имели сексуальный опыт, на вопрос: «Сколько примерно твоих друзей уже имели половые сношения?» 15 процентов этой возрастной группы ответили «примерно половина», 16 процентов – «больше половины» и еще столько же – «практически все». У сексуально искушенных аберрация еще больше; «никто» – меньше одного процента, «меньше половины» – 21 процент, «примерно половина» – 18 процентов, «больше половины» – 26 процентов, «практически все» – 33 процента. Завышенная оценка возрастной «нормы» толкает подростка к рискованным сексуальным и прочим экспериментам: не могу же я отставать от других?!

Существуют ли у подростков нравственные убеждения, с которыми они сверяли бы свои поступки? Безусловно. Но, как и у взрослых, эти убеждения противоречивы, непоследовательны и далеко не всегда реализуются в поведении.

Установки и взгляды многих подростков значительно радикальней их собственного поведения. Для взрослых подростковый секс – опасное, отклоняющееся от нормы поведение, для подростков же он вполне нормален. С мнением «Нереально думать, что молодежь удержится от занятий сексом в подростковом возрасте» полностью согласны 46 процентов мальчиков и 36 процентов девочек. 53 процента мальчиков и 36 процентов девочек не видят ничего плохого в добрачных отношениях, если молодые люди любят друг друга. С суждением «К половым сношениям нужно относиться как к вполне нормальной и ожидаемой части свиданий подростков» полностью согласились 36 процентов мальчиков и 21 процент девочек (среди сексуально искушенных 16-летних – соответственно 56 и 37 процентов).

То, что собственный опыт имеют пока сравнительно немногие, зависит скорее от обстоятельств, чем от внутренних установок, хотя здесь есть большие половые и индивидуальные различия. Анализ ответов на вопрос: «Если ты не занимался (не занималась) сексом или сейчас сознательно воздерживаешься от дальнейших сексуальных контактов, то почему?», показывает, что подростковая мотивация довольно прагматична. Моральные («Почему я не должен?») и психологические («Почему я не хочу?») доводы отступают на второй план перед соображениями практического свойства; «Чего я боюсь?» и «Что мне мешает?»

Однако тут есть большие половые различия. В опросе 1995 г. мы просили молодых людей ответить, какие причины удерживают их от вступ-

ления в сексуальную связь, а затем указать, что из перечисленного для них наиболее важно, то есть выбрать из нескольких причин одну. Самым важным фактором для обоих полов, который указали 39 процентов девушек и 30 процентов юношей, оказалось «Я еще не нашел подходящего человека». У юношей на втором месте (23 процента) стоит собственная застенчивость и нерешительность (среди девушек так ответили меньше 5 процентов) и на третьем (18 процентов) – отсутствие возможности (среди девушек так ответили меньше 4 процентов). У девушек вторая по значимости (19 процентов) причина сдержанности – чувство своей неготовности к столь ответственному шагу (среди юношей так ответили вдвое меньше) и третья (12 процентов) – нежелание быть использованной ради чьего-то удовольствия (только 0,6 процента мальчиков выбрали этот вариант). Девушки в два с половиной раза больше мальчиков озабочены проблемой возможной беременности и вдвое больше – негативной реакцией родителей.

Если принять во внимание только такие факторы, как возраст сексуальной инициации и ее мотивы, то ничего сенсационного в российских данных нет, они вполне сопоставимы с западными. В 1990 г. половую жизнь уже начали 40 процентов 16-17-летних западногерманских юношей и 34 процента девушек. У их восточногерманских сверстников соответствующие цифры составили 47 и 59 процентов для 16-летних и 52 и 58 процентов для 17-летних (девушки здесь опережали юношей). По американским данным 1993 года, средний возраст первого полового сношения составляет 16,6 года для юношей и 17,4 года для девушек; в 16 лет этот опыт имеют 42 процента тинейджеров.

Тем не менее российская ситуация отличается от западной. Тип подростковой сексуальной культуры, существующий сегодня в России, очень напоминает положение, существовавшее в США и в странах Западной Европы 25 лет тому назад. Раннее начало сексуальной жизни тогда тоже коррелировало с плохой учебой, конфликтами с родителями, вовлечением в преступные группы, кражами, угоном автомашин, вандализмом, насилием, курением, пьянством, употреблением наркотиков. Сама по себе сексуальная активность не была причиной антисоциального поведения, но за статистическими корреляциями прослеживались контуры такого типа молодежной субкультуры, когда и взрослое общество и сами тинейджеры видят в сексуальной жизни, курении, выпивке и баловстве с наркотиками знаки взросления, обретения самостоятельности от старших, прежде всего от родителей. Как только общество перестает табуировать юношескую сексуальность, начинает относиться к ней спокойно, помогая подросткам овладеть необходимыми для жизни знаниями, ее связь с девиантным поведением ослабевает и даже вовсе исчезает.

Именно это происходит сейчас в Западной Европе. Сравнение сексуального поведения 16-17-летних западногерманских подростков 1990-х

годов с тем, каким оно было в 1970 г., выявило несколько общих черт. Возраст начала и степень сексуального опыта подростков за последние 20 лет изменились незначительно, зато сильно изменились установки родителей, их готовность принять сексуальность своих сыновей и дочерей. Изменение родительских установок способствует тому, что подростковая сексуальность становится приемлемым сюжетом внутрисемейного общения и больше сосредоточивается в семье. Либеральное отношение взрослых и общества к юношеской сексуальности побуждает юношей и девушек принимать на себя большую ответственность за последствия своих поступков. Сегодняшние юноши переживают свое сексуальное взросление менее драматично и напряженно, чем 20 лет назад. Заметно уменьшается количество транзиторных, преходящих гомосексуальных контактов среди мальчиков. Юношеская сексуальность сегодня гораздо сильнее связана с любовью, постоянством и верностью, чем в 1970-х годах. Это существенно меняет традиционные, «классические» представления о пубертате как периоде штурма и натиска. В свою очередь, девочки все чаще начинают сами контролировать гетеросексуальные ситуации и требуют больше автономии в стабильных парных отношениях. Девичьи сексуальные переживания становятся менее чувственными и возбуждающими, чем раньше. Социально-исторически, наблюдаемые сдвиги подростковой сексуальности, в смысле романтизации мужской и автономизации женской сексуальности, отражают глубокие долгосрочные перемены в системе половых ролей и соответствующих культурных стереотипах. В США в 1995-96 годах впервые за последние 20 лет несколько снизилось – на 5 процентов – количество 15-19-летних девушек и юношей, имеющих сексуальный опыт.

В России ситуация иная.

У нас нет ни семейного, ни школьного сексуального просвещения, коммуникация с взрослыми по этой тематике практически отсутствует. Согласно опросу ВЦИОМ в 1991 г., только 13 процентов родителей когда-либо говорили с детьми на эти темы. Больше двух третей опрошенных в 1993 г. московских и питерских подростков сказали, что их родители никогда не говорили с ними о проблемах сексуальности, у остальных это случалось всего один-два раза.

Сами ребята спрашивать родителей стесняются или не хотят. За последний год перед опросом 67 процентов девочек и 77 процентов мальчиков ни разу не задавали таких вопросов. На вопрос «Насколько совпадают твои взгляды и принципы, касающиеся секса, со взглядами и принципами твоих родителей?» свыше половины ответили: «Не знаю», а 38 процентов 16-17-летних убеждены, что их взгляды решительно расходятся с родительскими.

Так же «невинна» по части сексуального просвещения и школа. Только 17 процентов учащихся двух крупнейших столичных городов получи-

ли в школе какие-то сведения, как правило, одну-две лекции, остальные – ничего.

Аналогичную картину дал и опрос 1995 года. 16-19-летние юноши и девушки черпают знания о сексе из книг, газет и журналов (70 процентов), разговоров с друзьями (58 процентов), кино и телевидения (45 процентов) и личного опыта (41 процент юношей и 28 процентов девушек). Родителей и других родственников назвали 14 процентов девушек и меньше 8 процентов юношей, учителей и лекторов – соответственно 8 и 5 процентов.

Отсутствие систематического сексуального просвещения имеет своим результатом крайне низкую контрацептивную культуру и, как следствие этого, огромное количество нежелательных беременностей (речь об этом пойдет дальше) среди несовершеннолетних.

Наконец, огромной проблемой является катастрофический рост сексуального насилия как закономерный и естественный аспект криминализации общественной жизни.

Важная особенность подростковой и юношеской сексуальности – ее «экспериментальный» характер. Открывая свои сексуальные реакции, подросток с разных сторон исследует их. Ни в каком другом возрасте не наблюдается такого большого числа случаев отклоняющегося, близкого к патологии поведения, как в 12-15 лет. От взрослых требуются большие знания и такт, чтобы отличить действительно тревожные симптомы, требующие квалифицированного психологического или медицинского вмешательства, от внешне похожих на них и тем не менее вполне естественных для этого возраста форм сексуального «экспериментирования». На последних как раз не следует фиксировать внимание, чтобы нечаянно не нанести подростку психическую травму, внушив ему мысль, что у него что-то «не так». Если нет уверенности в том, что вы действительно понимаете суть дела и можете помочь, нужно неукоснительно руководствоваться первой заповедью Гиппократов: «Не вреди!»

Особенно важно помнить об этом, сталкиваясь с проявлениями подросткового гомоэротизма. В предподростковом (10-12), подростковом и раннем юношеском возрасте эта проблема актуальна и для очень многих мальчиков и девочек, которые в дальнейшем будут вести исключительно гетеросексуальный образ жизни. Это проявляется, с одной стороны, в страстных влюбленностях в людей своего собственного пола (сверстников, старших или младших), а с другой – в различных сексуальных играх, начиная с простой возни и взаимной мастурбации и кончая полной сексуальной близостью.

Существует распространенное мнение, что в подростковую среду гомоэротические чувства и действия приносят взрослые (теория «сворачивания»). Это совершенно неверно. Гомосексуальность зарождается в самой подростковой среде.

Из числа обследованных А. Соренсеном американских подростков, имеющих гомосексуальный опыт, взрослыми были «инициированы» только 12 процентов мальчиков и меньше 1 процента девочек; у остальных первым партнером был сверстник или подросток ненамного старше или моложе. Свыше 60 процентов мужчин-гомосексуалов, обследованных А. Кинзи, пережили первый гомосексуальный контакт между 12 и 14 годами; в 52,5 процента случаев их партнеру также было от 12 до 15 лет, у 8 процентов он был младше, у 14 процентов это были 16-18-летние юноши, и только у остальных – взрослые.

Почему среди подростков вообще распространены гомоэротические чувства и контакты? Ранние сексологические теории, например теория Альберта Молля, были склонны выводить их из особенностей самой подростковой сексуальности, утверждая наличие особого периода «подростковой интерсексуальности», когда половая возбудимость очень велика, а объект влечения еще не определен. Однако возрастные рамки этого периода (от 7-8 до 15-16 лет) слишком неопределенны и расплывчаты.

З.Фрейд связывал гомосексуальность с изначальной бисексуальностью человека. Окончательный баланс гетеро- и гомоэротических влечений складывается, по Фрейду, только после полового созревания. Поскольку у подростка этот процесс еще не завершен, латентная (скрытая) гомосексуальность проявляется, с одной стороны, в прямых сексуальных контактах и играх, а с другой – в страстной дружбе со сверстниками собственного пола.

Однако явления эти качественно различны.

Подростковый возраст и ранняя юность – время, когда личность больше всего нуждается в сильных эмоциональных привязанностях. Но как быть, если психологическая близость с лицом противоположного пола затруднена собственной незрелостью подростка и многочисленными социальными ограничениями (насмешки товарищей, косые взгляды учителей и родителей), а привязанность к другу своего пола ассоциируется с гомосексуальностью? Подростковая дружба, и у мальчиков, и у девочек, как правило, бывает однополый и часто напоминает страстную влюбленность⁴.

«Я не знаю, почему дают какой-то монополю воспоминаниям первой любви над воспоминаниями молодой дружбы, – писал А.И. Герцен. – Первая любовь потому так благоуханна, что она забывает различие полов, что она – страстная дружба. Со своей стороны, дружба между юношами имеет всю горячность любви и весь ее характер: та же застенчивая боязнь касаться словом своих чувств, то же недоверие к себе, безусловная преданность, та же мучительная тоска разлуки и то же ревнивое желание исключительности. Я давно любил, и любил страстно, Ника, но

⁴ См. об этом подробнее: Кон И. С. Дружба. 3-е изд. М.: Политиздат, 1989.

не решался назвать его «другом», и когда он жил летом в Кунцеве, я писал ему в конце письма: «Друг ваш или нет, еще не знаю».

Он первый стал мне писать «ты и называл меня своим Агатоном по Карамзину, а я звал его моим Рафаилом по Шиллеру».

Такая дружба, не лишенная подчас эротических тонов, прекрасно описана Томасом Манном («Тонио Крёгер»), Роменом Ролланом («Жан-Кристоф»), Роже Мартеном дю-Гаром («Семья Тибо») и другими классиками.

«Кристоф не знал никого прекраснее Отто... Он не сводил с Отто глаз, точно влюбленный. И, по правде говоря, он и был влюбленный. Кристоф не мог знать этого, так как не знал, что такое любовь. Но временами, когда мальчики оставались одни, их охватывало странное волнение – они испытали его еще тогда, когда в первую свою встречу сидели в сосновом лесу: кровь прилиwała к щекам Кристофа, он густо краснел. Он боялся. Не сговариваясь, мальчики сторонились друг друга...»

А вот выдержка из письма Томаса Манна, много лет спустя вспоминающего свою юношескую влюбленность в одноклассника:

«...Его я любил – он был в самом деле моей первой любовью, и более нежной, более блаженно-мучительной любви мне никогда больше не выпадало на долю. Такое не забывается, даже если с тех пор пройдет 70 содержательных лет. Пусть это прозвучит смешно, но память об этой страсти невинности я храню, как сокровище. Вполне понятно, что он не знал, что ему делать с моей увлеченностью, в которой я как-то в один «великий» день признался ему... Так эта увлеченность и умерла... Но я поставил ему памятник в “Тонио Крёгере”...»

Наряду с однополый любовью, имеющей преимущественно духовный характер, в подростковой среде нередко складываются и откровенно чувственные гомосексуальные отношения. Интерес к телу человека собственного пола стимулируется прежде всего потребностью самопознания, но легко окрашивается эротически. Вот дневниковая запись четырнадцатилетней девочки:

«Однажды, оставшись ночевать у подруги, я ее спросила – можно мне в знак нашей дружбы погладить ее грудь, а ей – мою? Но она не согласилась. Мне всегда хотелось поцеловать ее, мне это доставляло большое удовольствие. Когда я вижу статую обнаженной женщины, например, Венеру, то всегда прихожу в экстаз».

Можно увидеть в этом проявление «латентной гомосексуальности». Но телесный контакт, прикосновение имеют не только эротический смысл, это – универсальный язык передачи эмоционального тепла, поддержки и т.д.

Оценивая потенциально и даже явно гомоэротические контакты между подростками, нужно помнить и о ситуативных факторах. Для младших подростков, особенно в десять-двенадцать лет, почти повсеместно харак-

терна сегрегация игровой активности мальчиков и девочек. Большая физическая доступность сверстника своего, нежели противоположного, пола дополняется сходством интересов и менее строгими табу на телесные контакты. Поэтому гомосексуальные игры встречаются у них чаще, чем гетеросексуальные. Меньшая половая сегрегация, вероятно, даст иное соотношение. Сексуальные игры со сверстниками, раздевание, ощупывание половых органов, взаимная или групповая мастурбация, если в них не вовлечены взрослые, не считаются в мальчишеских компаниях чем-то страшным или постыдным. У девочек выражения нежности, объятия, поцелуи вообще не табуируются, их потенциальные эротические обертоны большей частью не замечаются. Неудивительно, что пробуждающаяся чувственность на первых порах нередко удовлетворяется именно этим путем. К концу пубертатного периода такие игры обычно прекращаются; их продолжение в пятнадцать-шестнадцать лет уже дает основание считать это проявлением сложившейся гомосексуальной ориентации.

Поскольку в сексуальных играх младших подростков эротическая мотивация имеет подчиненное значение, психологи, чтобы избежать пугающих ярлыков, предпочитают не называть их гомосексуальными и не придавать им чрезвычайного значения. Однако между допубертатной гомосексуальной активностью и будущей сексуальной ориентацией взрослого человека есть определенная связь. Сравнение сексуального поведения взрослых западногерманских студентов с их воспоминаниями о своей допубертатной (до 12 лет) гомосексуальной активности показало, что чем выше допубертатная гомосексуальная активность (количество контактов и число партнеров), тем вероятнее гомосексуальное поведение взрослого.

Простейшее объяснение этому – ссылка на условно-рефлекторные связи, которые могут возникнуть у подростка во время сексуальной игры и превратиться в устойчивую сексуальную ориентацию. Однако гомосексуальные контакты со сверстниками, если они имеют игровую форму и не сочетаются с психологической интимностью, большей частью остаются преходящими. Дело не столько в поведении, сколько в переживаниях. Взрослый гомосексуал, пациент знаменитого американского психоаналитика Гарри Салливэна, рассказал ему, что в школьные годы только он и еще один мальчик не участвовали в гомоэротических играх одноклассников. Случайно познакомившись позже с этим вторым мальчиком, Салливэн обнаружил, что тот тоже оказался гомосексуалом. Неучастие в играх товарищей было, вероятно, их бессознательной защитной реакцией, но пассивная роль зрителя только усиливала психологическую значимость происходящего.

Формирование гомосексуальной ориентации у подростка обычно проходит три этапа; 1) от первого осознанного эротического интереса к человеку своего пола до первого подозрения о своей гомосексуальности;

2) от первого подозрения о своей гомосексуальности до первого гомосексуального контакта и 3) от первого гомосексуального контакта до уверенности в своей гомосексуальности, за которыми следует выработка соответствующего стиля жизни.

Процесс этот неодинаково протекает у мальчиков и девочек. Мальчики, у которых раньше пробуждаются эротические чувства и половая роль которых допускает и даже требует явных проявлений сексуальности, раньше начинают половую жизнь, как правило, в гомосексуальном варианте. У девочек сексуальная ориентация формируется позже; первое увлечение, объектом которого обычно бывает женщина на много лет старше, переживается как потребность в дружбе, а первому гомосексуальному контакту часто предшествуют гетеросексуальные связи.

Длительность этого самоопределения зависит как от социальных условий, так и от индивидуальных особенностей. Если пик практического сексуального экспериментирования приходится на предпоздросковый возраст и начальный период полового созревания, то психологически наиболее драматичен юношеский возраст. Анализируя свои чувства и переживания, юноша с гомоэротическими наклонностями обнаруживает свою непохожесть на других. Это часто порождает острый внутренний конфликт, чувство страха и одиночества, мешая установлению психологической близости с другими людьми и усугубляя свойственные этому возрасту психологические трудности. Многие юноши пытаются «защититься» от самих себя экстенсивными, лишенными эмоциональной вовлеченности, гетеросексуальными связями, но это чаще всего обостряет внутренний конфликт. Психическое состояние и самочувствие юношей с незавершенной сексуальной идентификацией значительно хуже, чем у тех, кто так или иначе завершил этот процесс, они больше нуждаются в психиатрической помощи, чаще совершают попытки самоубийства.

К сожалению, ни взрослые, ни сверстники не понимают драматизма их положения. Вот недавнее письмо;

«Я решила написать о том, что волнует меня каждую секунду. Мне 14 лет, и я влюбилась в одну девочку. Мы любим друг друга как парень и девушка. Я не могу жить без нее... Я не знаю, что мне делать, мне даже стыдно писать, но я хотела бы стать парнем. Мы слышали, что это возможно... Иногда мы сидим и думаем, как было бы хорошо, если бы я была не Наташа, а скажем, Сережа...»

Письмо наивное, менять пол этой девочке незачем; вполне возможно, что в дальнейшем ей станет доступно и счастье гетеросексуальной любви. Но подозрительное отношение и некомпетентное вмешательство окружающих, сверстников и взрослых, легко может вызвать трагедию.

Много лет назад, когда я был студентом и работал летом вожатым в лагере, произошел такой случай. Лагерный врач случайно увидела, как двое мальчишек двенадцати-тринадцати лет «борются» нагишом, причем

у них была явная эрекция и оказалось, что один из них уже не в первый раз инициирует такие «игры» на глазах у товарищей. Подростка сразу же назвали «педерастом», выгнали из лагеря и сообщили в школу. Что было с ним дальше – не знаю. В то время я вполне разделял священный ужас и негодование врача. Много лет спустя я понял, что преступление совершил не мальчик, каковы бы ни были мотивы его поведения, а врач, подвергший его остракизму. Игру эту следовало, конечно, прекратить, но без всяких пугающих ярлыков, не ставя на подростка клеймо, которое может его психологически изувечить.

Нужно полностью отдавать себе отчет в том, что интимные эротические переживания подростков находятся практически вне сферы педагогического контроля, а назойливый интерес взрослых к их сексуальному поведению большей частью имеет отрицательные последствия. Отличить временное возрастное сексуальное экспериментирование от уже сформировавшейся сексуальной ориентации трудно даже специалисту, а изменить ее в большинстве случаев невозможно. Так зачем мучить детей?

Но вернемся к обычным юношам и девушкам. Почти все они нетерпеливо ждут, когда же наконец их влюбленности и эротические игры и ласки завершатся такой манящей и одновременно слегка пугающей «полной близостью». Рано или поздно это происходит. Временной интервал от момента знакомства и влюбленности до вступления в интимную связь у современных молодых людей значительно короче, чем было раньше, когда требовалось длительное ухаживание, помолвка и т.д.

Среди опрошенных в 1995 г. 16-19-летних россиян, 21 процент юношей и 11 процентов девушек начали свою сексуальную жизнь с человеком, которого до этого вовсе не знали, 19 и 9 процентов были знакомы около недели, 15 и 15 процентов – около месяца, 12 и 16 процентов – два-три месяца. Только 22 процента юношей и 34 процента девушек были знакомы со своим избранником год или больше.

Тем не менее психологически все не так просто. Независимо от ее мотивации, бытовых условий (главная трудность наших молодых людей – где найти уединенное место) и нравственной оценки первая сексуальная близость нередко напоминает экзамен. Хотя это событие многократно предвосхищается и проигрывается в мечтах и ему, как правило, предшествует подготовка (ухаживание, петтинг и т.п.), оно сопряжено с психологическими трудностями. Неопытный юноша боится физиологической неудачи, отсутствия эрекции или преждевременной эякуляции. Девушка не уверена в своей сексуальной привлекательности. Обоих могут шокировать непривычные запахи, а сперма и увлажнение влагалища иногда воспринимаются как «грязь». Обилие незнакомых ощущений и сама ситуация «проверки», «испытания» заставляют молодых людей больше прислушиваться к своим собственным переживаниям, чем к чувствам партнера, что отнюдь не способствует самозабвению.

Опыт мастурбации и даже краткосрочный сексуальный контакт еще не делает мальчика мужчиной. Не зная особенностей женской психофизиологии, он ждет реакций, похожих на его собственные. В еще более сложном положении находится девушка, вынужденная порой скрывать свои желания, чтобы не поставить партнера в обидное для его мужского достоинства положение «ученика».

Несмотря на эти трудности, четыре пятых опрошенных в 1995 г. юношей и больше половины девушек оценили свой первый сексуальный опыт положительно. Однако 13 процентов юношей и 24 процента девушек затруднились оценить его, а у 6 процентов юношей и 24 процентов девушек он оставил в целом неприятные воспоминания. Объясняя свою неудовлетворенность, юноши чаще всего называют неблагоприятные внешние условия, то, что им не понравился половой акт или что они сами действовали неправильно. У женщин главная причина разочарования – отсутствие удовольствия от полового акта, чувство, что сближение произошло слишком рано, не стоило так торопиться, и что это был «не тот» партнер (юноши называют последний мотив в три с половиной раза реже).

Хотя память о «первом разе» остается навсегда, это переживание не имеет фатального значения; последующий опыт, удачный или неудачный, вносит в него существенные коррективы. Однако некоторых особенно впечатлительных людей неудачный первый опыт может надолго оттолкнуть от сексуальной близости и даже вызвать к ней отвращение.

Приложение 2

СЕКСУАЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ЧТО, ГДЕ, КОГДА?

В воспитании нуждается не столько общественное мнение, сколько общественные деятели.

Оскар Уайльд

Какой бы вопрос мы ни взяли, будь то психология любви, секреты эротики или профилактика венерических заболеваний, сексуальность – элемент культуры. А культура обязательно предполагает воспитание, образование и обучение. Но как только поднимается вопрос о половом воспитании – начинаются яростные споры.

Спорно уже само определение этого понятия. В широком смысле слова половое воспитание обозначает весь процесс гендерной социализации, все те направленные и спонтанные воздействия, которые помогают ребенку стать мужчиной или женщиной, приобщают его к принятой в обществе системе взаимоотношений между полами в трудовой, общественной и личной жизни. В более узком смысле половое или точнее, сексуальное образование обозначает подготовку ребенка к сексуальной жизни, более или менее систематическое сексуальное просвещение, то есть передача соответствующей информации.

В архаических традиционных обществах это дело было поставлено серьезно и для него существовали специальные социальные институты. А как передается сексуальная информация сегодня? Кто, кого, где, когда, чему, как и зачем учит или должен учить? Люди придерживаются на сей счет самых различных взглядов.

Например, при массовом всесоюзном опросе общественного мнения в начале 1990 г. ответы на вопрос: «Какие каналы получения информации по вопросам сексуальной жизни вы считаете наиболее приемлемыми и эффективными?» – распределились следующим образом:

- специальный учебный курс в школах, учебных заведениях – 45,6 процента;
- специальная научно-популярная литература – 42,5 процента;
- специальные научно-популярные фильмы, специальная научно-популярная программа телевидения – 28,7 процента;
- консультации у врачей-специалистов – 22,2 процента;
- беседы с родителями – 21,4 процента;
- обсуждение проблем сексуальной жизни со сверстниками – 5,3 процента;
- другие способы – 0,7 процента;
- просвещение молодежи в вопросах сексуальной жизни вообще не нужно – 3,0 процента;
- затруднились с ответом – 6,2 процента.

Очевидно, что подавляющее большинство наших соотечественников отдают предпочтение систематическому и профессиональному просвещению. Но именно эти каналы информации у нас практически отсутствуют.

В принципе, сексуальным просвещением занимаются все: семья (родители), школа (учителя), медицинские учреждения, общество сверстников, средства массовой информации, литература и искусство, причем разные источники и каналы информации не заменяют, а дополняют друг друга.

Семья закладывает фундамент личности, как нравственный, так и чувственный, определяя отношение к себе и своему телу, половое самосознание, способность к самораскрытию и пониманию другого. Родительские ответы на первые наивные вопросы ребенка о тайне деторождения и половых различиях не только несут в себе информацию, но и во многом, хотя и не во всем, определяют установки взрослого. Кстати сказать, ребенка не так легко обмануть.

Вспоминается рассказ Жана Кокто. Родители объявили маленькой девочке, что ангел принес ей братца. «Хочешь посмотреть на своего братца?» – спросил отец. «Нет, – ответила девочка, – я хочу посмотреть на ангела». Что уж говорить о современных детях...

Но как сексуальные просветители родители не особенно эффективны. Дело не столько в недостатке у них информации и директивных указаний, что именно и как рассказывать детям разного возраста. Исследования, проводившиеся в разных странах, показывают, что единственный работающий канал семейного сексуального просвещения – это линия мать-дочь (сведения о менструациях, половой гигиене и т.п.). С мальчиками большей частью не говорят всерьез на эти темы ни матери, ни отцы. И в архаических обществах подготовкой подростков к половой жизни обычно занимались

не родители, а кто-то из старших членов рода, облеченный специальными полномочиями и знаниями. Возможно, это исторически как-то связано с запретом инцеста. Информация столь интимного свойства, если ее сообщает близкий человек, создает напряженное эмоционально-эротическое поле, в котором обе стороны чувствуют себя неуютно. Многие подростки сами предпочитают получать эту информацию другим путем, беседа с родителями на эти темы их смущает и даже шокирует.

При опросе ВЦИОМ населения РСФСР в феврале 1991 года на вопрос «Говорили ли ваши родители с вами на темы полового воспитания?» утвердительно ответили только 13 процентов, 87 процентов сказали «нет». Опросы подростков, проведенные в 1993, 1995 и 1997 гг. рисуют почти такую же грустную картину

Общество сверстников – универсальный и жизненно важный канал сексуальной информации, особенно для мальчиков. Однако информация, текущая по этому каналу, во многом недостоверна и крайне односторонняя. Именно этим путем из века в век, из поколения в поколение передаются ложные стереотипы и мифы о мужской и женской сексуальности, от которых потом так трудно избавиться, даже если они решительно противоречат вашему жизненному опыту. Между тем сверстники, влияние которых так ужасает учителей и родителей, если только их предварительно обучить, могут оказать взрослым неоценимую помощь, передавая информацию другим. На Западе давно уже отлично зарекомендовал себя институт так называемых «сверстников-консультантов». Он существует и в школах, и в университетах и весьма эффективен как в профилактике наркомании и психических расстройств, так и в сексуальном просвещении. Есть подобный опыт и в России. В этом плане много могли бы сделать летние лагеря. Вот только вожатых обучать некому...

Исключительно важный канал полового просвещения – средства массовой информации – пресса, радио, телевидение и т.д. Они могут обеспечить самый высокий профессиональный уровень, массовость, наглядность, возможность индивидуального выбора. Но не все годится для массового показа, тем более в многонациональной стране. Сплошь и рядом отсутствует точный адрес – ребенок смотрит или читает вещи, предназначенные для взрослых, а детские передачи настолько процежены, что вызывают только ухмылку. И опять-таки некому этим заниматься, и все тот же проклятый вопрос – как бы чего не вышло...

Многие страны, сталкивающиеся с теми же проблемами, пришли к выводу, что базовым сексуальным просвещением должна заниматься школа, причем заниматься этим должен не врач, а учитель. Ведущие специалисты по детской сексуальности Д.Н. Исаев и В.Е. Каган пишут по этому поводу: «Врач, даже если он обладает более или менее интегрированным запасом сведений (в процессе обучения он их не получает; в программах циклов усовершенствования вопросы детской сексологии обыч-

но если и затрагиваются, то очень бегло), ни физически, ни за отсутствием педагогического опыта не может быть ни основным, ни – тем более – единственным проводником полового воспитания, но он может и должен... быть консультантом, а при необходимости и воспитателем воспитателей (родителей, педагогов)». За введение соответствующего школьного курса высказывается при нескольких опросах ВЦИОМ от 60 до 80 процентов взрослого населения, против – от 3 до 20 процентов. Например, в 1994 г. за введение такого курса для 14–16-летних школьников высказался 81 процент опрошенных, а против – 10 процентов. Выборочные опросы школьников, их учителей и родителей показывают то же самое.

Однако учителей для этого нужно специально обучать, дело это весьма трудное и хлопотное. Многие учителя не только профессионально и морально не подготовлены к этой работе, но и не пользуются доверием учащихся. При опросе в одном из административных округов Москвы, проведенном О.Г. Буториной в 1993 г., за организованное сексуальное просвещение высказались все без исключения педагоги и 91 процент родителей (больше половины учителей считают, что начинать его нужно с детского сада или начальной школы, тогда как 47 процентов родителей отодвигают его до 12-14-летнего возраста). Однако в вопросе о месте проведения этой работы люди расходятся. За проведение специальных занятий в школе высказываются 71 процент учителей, 69 процентов родителей и только 21 процент подростков. Да и подавляющее большинство (83 процента) опрошенных учителей предпочитают, чтобы эти уроки проводил человек со стороны. Вот только где его взять?

Многие взрослые, даже признавая необходимость сексуального просвещения, бессознательно занимают жесткие охранительные позиции, исходят из того, что главная задача – убереечь молодежь от эротики и сексуальности, которые ассоциируются в их сознании только с всевозможными бедами и опасностями.

Спору нет, все эти вопросы весьма существенны. Но их совокупность рисует сексуальность как образ врага, таящего одни сплошные опасности – нравственные, телесные и социальные.

Но дети-то задают не только эти, а и многие другие вопросы. Отвечая на вопрос И.И.Лунина, чего они ждут от сексуального просвещения, большинство питерских 10-11-классников (61 процент) сошлись на том, что оно прежде всего должно помогать получать удовольствие от секса. Разумеется, никто не станет превращать сексуальное просвещение в уроки эротики. Но и игнорировать эту сторону дела нельзя, иначе вместо диалога, каким является всякое воспитание, получится сплошной нраво-учительный монолог или диалог глухих. Ведь единственная реально достижимая цель – научить юношей и девушек самих управлять этой важной стороной своей общественной и личной жизни. Негативно-охранительная, командно-административная стратегия здесь не работает.

Эти вопросы и трудности – не только наши. В той или иной степени они стоят и в других странах. Известный польский педагог, социолог и общественный деятель Миколай Козакевич, обобщив многолетний опыт полового воспитания в странах Европы, выделил в нем три главные стратегии:

- 1) рестриктивную, ограничительно-охранительную,
 - 2) перmissive, разрешительно-либеральную, склонную к вседозволенности,
 - 3) линию «золотой середины».
- Схематично они выглядят примерно так (см. таблицу 13).

Таблица 13

Три главных стратегии полового воспитания

<i>Модели полового воспитания</i>	<i>Объем информации</i>
рестриктивная	минимум – чем меньше, тем лучше
перmissive	максимум – чем больше, тем лучше
«золотая середина»	оптимум – столько, сколько необходимо

<i>Содержание информации</i>	<i>Подход</i>	<i>Общий тон</i>
не делай того или этого, ибо...	это единственный верный путь	нет!
существуют следующие пути...	все пути хороши	да!
поступай так, а не иначе, ибо...	есть много путей, выбирай лучший	да, но...

Какая из этих моделей лучшая? Лично мне, как и Козакевичу, симпатичнее всего модель «золотой середины». Она наиболее теоретически обоснована и дает лучшие практические результаты, сегодня к ней склоняется большинство педагогов и психологов Европы и Америки. Рестриктивная, запретительная модель противоречит общему духу современного воспитания и, как всякие негативные модели, основанные преимущественно на запретах, малоэффективна. Что же касается перmissive модели, то она не принимает во внимание возрастных особенностей, возлагая бремя выбора и ответственности на человека, который еще не умеет предвидеть долгосрочных последствий своих поступков, подчас излишне импульсивен и т.д. Кроме того, она совершенно не учитывает особенности традиционной культуры народов.

Модель «золотой середины» предполагает, что воспитатель знает, какой именно объем и содержание информации оптимальны для того или другого возраста. Между тем на сей счет возможны разные мнения, причем это зависит не только от общих законов психологии, но и от конкретных исторических обстоятельств, культурных традиций и многого

другого. Главное преимущество модели «золотой середины» – не умеренность, а то, что она содержит в себе плюрализм, допустимость разных стилей и методов воспитания.

Чтобы быть эффективным, сексуальное просвещение должно опережать собственное развитие ребенка и не только отвечать на уже поставленные им вопросы, но и предвосхищать их, помогать ребенку правильно поставить, сформулировать их.

Типичная ошибка родителей и учителей – недооценка реального уровня интересов и знаний детей и подростков. Опасаясь «развратить» детей и форсировать пробуждение их сексуально-эротических интересов, взрослые большей частью запаздывают со своей информацией, сообщают необходимые сведения слишком поздно и в недостаточном объеме. Помимо общей консервативно-охранительной установки старшего поколения, монополия на знание – один из способов поддержания и сохранения собственной власти. Кроме того, многие родители болезненно переживают половое созревание детей как напоминание о собственном старении, – здесь сказываются межпоколенные различия в темпах созревания, нормах половой морали и т.д.

Поскольку сексуального просвещения у нас нет, на его счет, как и на счет частной собственности, бытует множество необоснованных страхов и столь же беспочвенных упований. Одни люди непоколебимо уверены в том, что любая сексуальная информация развращает подростков, увеличивает количество добрачных связей, беременностей и прочих ужасов. Другие утверждают, что стоит только ввести половое просвещение, как все проблемы подростковой, да и взрослой сексуальности исчезнут, никто никого не будет насиловать, девушки будут строго следовать принципу «умри, но не давай поцелуй без любви», а в браках воцарится небывалая сексуальная и прочая гармония.

Но зачем гадать и строить предположения, если есть реальный опыт стран, в которых половое просвещение давно существует? И опыт этот безоговорочно рассеивает как иррациональные страхи, так и завышенные ожидания. Вот что там установлено, причем установлено твердо.

Первое. Возраст, когда подростки начинают половую жизнь, от сексуального просвещения зависит очень мало. Школьный курс сексуального просвещения не ускоряет, но и большей частью не отсрочивает это событие. Оно зависит от множества других причин.

Второе. Сексуальное просвещение не делает основные сексуально-эротические установки и ценности подростков единообразными, соответствующими нормативным ожиданиям старших. Их установки и поведение остаются такими же индивидуальными и разнообразными, включая всякого рода девиации, какими они были в прошлых поколениях.

В 1993 г. по заказу Всемирной организации здравоохранения, группа ученых проанализировала 19 исследований о влиянии школьных курсов на сексуальное поведение учащихся. Оказалось, что ни одна из существующих программ не способствует ускорению начала половой жизни учащихся: школьный курс либо отсрочивает начало сексуальной жизни, либо делает ее более упорядоченной. Сексуально активные школьники, прошедшие соответствующий курс, поступают менее рискованно, чем их менее образованные сверстники. При этом программы, которые не просто призывали подростков не спешить начинать половую жизнь, но и обучали их правилам безопасного секса, оказались эффективнее тех, которые пропагандировали только сексуальное воздержание. Самыми успешными являются программы, которые а) начинаются раньше, чем школьники вступают в половые отношения, и б) вооружают учащихся не только знаниями, но и практическими навыками и социальными нормами безопасного секса.

Рецептов всеобщего сексуального счастья и благополучия нет и быть не может. Половое просвещение – не черная и не белая магия, глупо ждать от него чудес. Тем не менее оно очень полезно и эффективно.

1) Дети и подростки, прошедшие систематический курс сексуального просвещения, больше знают о сексе, и их знания более достоверны.

2) Это не избавляет их от проблем и трудностей психосексуального развития, но облегчает разрешение возникающих при этом конфликтов.

3) Знание облегчает им понимание и терпимость к чужим взглядам и поведению, что весьма ценно как в личном, так и общественном плане.

4) Если курс сексуального просвещения включает сведения о контрацепции и преподается достаточно рано, он резко уменьшает количество подростковых беременностей и абортов.

Много это или мало? На мой взгляд, очень даже много. А ведь это только непосредственные результаты. Между тем есть также долгосрочный, исторический эффект. Люди, получившие в детстве хорошее половое воспитание, не только сами живут лучше, но и передают свои знания и навыки детям, а это очень и очень существенно.

То, что наше государство и школа ничего или почти ничего не делают в этом направлении, – форменное преступление не только перед ныне живущим, но и перед будущими поколениями, преступление, которое не может быть оправдано невежеством, ибо есть зарубежный опыт и есть наука.

Большую работу в этом направлении проводит Российская ассоциация «Планирование семьи» (РАПС) и ее местные филиалы. В феврале 1993 г. в Москве ею создан медико-педагогический Центр планирования семьи и охраны репродуктивного здоровья, занимающийся, в первую очередь, подростковыми проблемами. РАПС выпустила массовым тиражом серию популярных брошюр для подростков и их родителей: «Отвечая на вопросы своего ребенка», «Как изменяется твое тело», «Сексуаль-

ность», «Как предупредить нежелательную беременность?» и т.д. Медико-педагогические и консультативные центры и службы для подростков существуют в Санкт-Петербурге, Ярославле, Ижевске, Челябинске и некоторых других городах. Одни подчинены местным органам здравоохранения, другие – органам народного образования, третьи существуют сами по себе. Все они страдают от отсутствия средств и подготовленных кадров, тем не менее работа ведется.

Однако этого совершенно недостаточно. Чтобы выйти из создавшегося тупика, Министерство образования просило и в конце 1996 г. получило со стороны Фонда народонаселения ООН финансовую помощь для проведения в течение трех лет экспериментальной работы для подготовки элементов курса полового воспитания в 16 пилотных школах, включая обучение группы учителей, чтобы в дальнейшем создать на этой основе необходимые стране собственные альтернативные программы, которые не копировали бы западный опыт, а учитывали специфику нашей культуры. Но не успел проект начаться, как разразился политический скандал. Воспользовавшись ошибками министерских чиновников (обществу не разъяснили заранее целей проекта; одновременно с информацией о начале проекта были опубликованы 5 альтернативных программ полового воспитания, составленных отечественными авторами без учета возрастных особенностей детей; сам проект не имел научного руководства и первая анкета, рассчитанная на выяснение того, что подростки знают о сексуальности, содержала ряд не соответствующих возрасту детей вопросов), представители консервативной международной организации Pro Life, со штаб-квартирой в США, борющейся за запрещение абортов и контрацепции во всем мире, обвинили РАПС и Министерство образования в желании не только развратить наших невинных детей, но и добиться физического вырождения и истребления нации по заданию западных спецслужб. Эту компанию поддержали некоторые политики и деятели Русской православной церкви. В разных газетах публикуются написанные по одному и тому же шаблону клеветнические статьи, утверждающие, что РАПС – «сатанинская организация», безопасный секс – путь к разврату, контрацепция – такое же убийство, как аборт, и что никаких сведений о сексуальности школьникам ни в каком возрасте сообщать не следует. В том же духе высказывались и некоторые члены Российской Академии образования, Президиум которой постановил, что России нужно не сексуальное просвещение, а нравственное воспитание «с элементами полового воспитания» (формулировка начала 1960-х годов).

Что это значит в контексте реально происходящего в стране взрыва подростковой сексуальности, эпидемического роста БППП, СПИДа и сексуального насилия, низкой контрацептивной культуры и тому подобного – объяснять не нужно. Под предлогом заботы о нравственности и здоровье нации подростков в очередной раз хотят оставить один на один с их жиз-

ненными проблемами, ограничиваясь заведомо бессильными запретами и увещеваниями. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Главное – не подпускать подростков к воде и не учить их плавать.

Предвижу, что у читателей возникнет много конкретных вопросов, что и как делать с детьми того или иного возраста. Могу только повторить слова педагога и гуманиста Януша Корчака:

«Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка, подчеркиваю – «могут», а не «хотят», а не «обязаны».

Я знаю одно: сексуальность – дело глубоко интимное и индивидуальное, где каждый решает сам за себя. Но вместе с тем это неотъемлемый элемент человеческой культуры. Чем скорее мы это осознаем и примем необходимые, хотя бы самые элементарные меры, тем лучше будет для нас самих и для наших детей.

Приложение 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Давно пора, ядрена мать, умом Россию
понимать.

Игорь Губерман

Благоприятная природа, снискивающая
нам пользу и утешение, наградила женщин
п..., а мужчин х... наградила; так для чего
ж, ежели подьячие говорят открыто о взя-
тках, лихоимцы о ростах, пьяницы о попой-
ках, забияки о драках (без чего обойтись
можно), не говорить нам о вещах необхо-
димо нужных – х.. и п...? Лишность цело-
мудрия ввело в свет сию ненужную вежли-
вость, а лицемерие подтвердило оно, что
мешает говорить околично о том, которое
все знают и которое у всех есть.

Иван Барков

Если верить идеологам российского социал-патриотизма, древняя
«исконная» Русь была царством сплошного целомудрия, в котором
«грязного секса» никогда не было, пока его, как и пьянство, не привезли
зловредные инородцы, прежде всего – евреи.

Увы! Иностранцы всегда удивлялись свободе и распущенности нравов
в России. В XVII в. голштинский дипломат Адам Олеарий с удивлением
отмечал, что русские часто «говорят о сладострастии, постыдных пороках,
разврате и любодеянии их самих или других лиц, рассказывают всякого
рода срамные сказки и тот, кто наиболее сквернословит и отпускает самые

неприличные шутки, сопровождая их непристойными телодвижениями, тот и считается у них лучшим и приятнейшим в обществе»⁵.

Мы плохо знаем русскую сексуально-эротическую культуру не потому, что ее не было, а потому, что царская, а вслед за ней – советская цензура не позволяли публиковать соответствующие источники и исследования, вынуждая ученых делать это тайно и только за рубежом.

Составленный Владимиром Далем, предположительно в 1852 г., сборник «Русские заветные пословицы и поговорки» (слово «заветный» значит, по Далю, задушевный, тайный, свято хранимый») впервые опубликован в 1972 г. в Гааге.⁶ Знаменитый сборник русских эротических сказок «Русские заветные сказки» Александра Афанасьева (1826-1871) составитель сам переправил в Женеву, он регулярно переиздавался на Западе. Но это – только малая часть афанасьевской коллекции, в которой представлены, кстати, и некоторые материалы Даля. Передавая Афанасьеву в 1856 г. около 1000 текстов сказок. Даль писал ему: «В моем собрании много таких [сказок], которые печатать нельзя; а жаль – они очень забавны».⁷ Большая рукопись Афанасьева «Народные русские сказки. Не для печати. Из собрания А.Н. Афанасьева. 1857-1862», хранящаяся в рукописном отделе Пушкинского дома, впервые опубликована полностью в 1997 году.⁸ Отдельные эротические сказки, включенные в другие издания Афанасьева, печатались с огромными цензурными купюрами и искажениями.

В советское время цензурные запреты стали еще строже.

Авторитетное исследование русского мата известного московского лингвиста Бориса Успенского, опубликованное в 1983-1987 гг. в венгерском журнале «*Studia Slavica Hungarica*»,⁹ советскому читателю, за исключением узкого круга специалистов, неизвестно. Первая в мире монография-альбом по истории русского эротического искусства Алекса Флегона «Эротизм в русском искусстве» вышла в 1976 г. в Лондоне.¹⁰ Первая исследовательская монография о сексуальной жизни православных сла-

⁵ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с.187.

⁶ С.Carey. Les proverbes érotiques russes. Etudes de proverbes recueillis et non-publiés par Dal' et Simoni. The Hague: Mouton, 1972.

⁷ Цит. по: Л.Бессмертных. Нецензурные сюжеты. Об изданиях «Русских заветных сказок» А.Н.Афанасьева // Эрос. Научно-публицистический и художественный иллюстрированный журнал. М., 191, № 1, с.16. См. также А.Л.Топорков. Малоизвестные источники по славянской этносексологии (конец XIX – начало XX в.) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. Отв. редакторы А.К.Байбурин, И.С.Кон. СПб.: «Наука», 1991, с.307-318.

⁸ Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н.Афанасьевым. 1857-1862. М.: «Ладомир», 1997.

⁹ Б.А.Успенский. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. Статьи первая и вторая // *Studia Slavica Hungarica*, vol.29 (1983), pp.33-69, vol.33 (1987), pp.33-76.

¹⁰ A.Flegon. *Eroticism in Russian Art*, London: Flegon Press, 1976.

вян, включая Древнюю Русь, американского историка Евы Левиной, основанная не только на литературных, но и на архивных источниках, опубликована в 1989г. издательством Корнеллского университета.¹¹ Там же вышла и монография профессора истории Принстонского университета Лоры Энгельштейн о русской сексуальной культуре конца XIX века).¹² Наиболее полные обзоры истории однополый любви в России и ее отражения в русской художественной литературе принадлежат перу американского литературоведа Семена Карлинского и американского же историка, бывшего ленинградца, Александра Познанского.

В послеперестроечной России первые публикации о русском сексе и эротической традиции в русской литературе начались в лишь 1991 году.¹³ Не удивительно, что знания о русском сексе, несмотря на наличие не менее богатых, чем на Западе, первоисточников (летописи, жития святых, фольклор, своды законов, каноническое право, пенитенциалии, свидетельства иностранцев, этнографические описания и т.д.) остаются крайне фрагментарными, а теоретические обобщения – спекулятивными, предварительными.

Помимо недостатка знаний – научная история сексуальности и на Западе-то возникла совсем недавно, – сильно мешают идеологические стереотипы. Если одни авторы патриотически утверждают, что ни секса, ни эротики на Руси не было, то другие столь же патриотично доказывают, что русская эротика не только существовала, но и ничем не отличалась от западноевропейской.

На мой взгляд, обе эти позиции ошибочны. Между сексуальной культурой (отношение к сексуальности, сексуально-эротические ценности и соответствующие формы поведения) России и Запада существуют важные социально-структурные и символические различия.

Одной из важнейших дихотомий западной цивилизации, начиная с классической античности, было и остается различие публичной и частной жизни. Разграничение это далеко не однозначно.¹⁴ С одной стороны, частное противопоставляется публичному как нечто скрытое, невидимое, в отличие от видимого, явного, доступного. С другой стороны, частная жизнь понимается как нечто личное, индивидуальное в противоположность групповому, коллективному, общественному началу.

¹¹ E.Levin. *Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900-1700*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1989.

¹² L.Engelstein. *The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1992. Русский перевод – Л.Энгельштейн. *Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX-XX веков*. М.: «Терра», 1996.

¹³ См. И.Кон. О русском сексе // «Столица». 1991. № 11-12, с.111-119, 122-124. Особенно важен специальный номер журнала «Литературное обозрение» (1991, № 11), целиком посвященный эротической традиции в русской литературе.

¹⁴ См. об этом подробнее J.Weintraub and K.Kumar, eds. *Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Controversy*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

В разных социально-исторических и философских контекстах эти понятия наполняются разным содержанием. В одном случае публичная жизнь трактуется как общественно-политическая, государственная деятельность, в отличие от частной жизни гражданского общества, в которой индивиды участвуют как отдельные товаропроизводители. В другом случае под частной жизнью понимают преимущественно семейно-бытовые отношения, в отличие как от политических, так и от рыночных. В третьем случае на первый план выступают психологические особенности – личная жизнь как нечто интимное. Содержание и соотношение таких понятий как «общественная», «общинная», «коллективная», «семейная», «частная», «индивидуальная», «личная», «интимная жизнь», «публичное и личное пространство» трактуется разными авторами по-разному. Тем не менее в западных обществах соответствующим категориям и обозначаемым ими явлениям приписывается разный социокультурный статус, в них действуют разные методы социального контроля и регулирования.

В русской культуре оппозиция «публичного» и «частного» размыта, а сами полюсы ее сплошь и рядом не сформированы. Историками и социологами давно отмечена как одна из особенностей русской истории – дефицит того, что по-английски называется «privacy» (нечто приватное, интимное, сугубо личное, закрытое для посторонних). В русском языке нет даже такого слова.

Проблема эта не лингвистическая. Во французском языке слова *privacy* тоже нет, приходится говорить *la vie privée*, на русский язык это можно перевести как «частная жизнь» или как «личная жизнь»; в первом случае имеется в виду все, что не является общественным, публичным, а во втором – только личная, индивидуальная жизнь. Тем не менее никто не считает, что у французов соответствующая потребность и меры, гарантирующие ее удовлетворение, развиты слабее, чем у англичан или американцев.

Отсутствие ясного понятия *privacy* в российской и советской ментальности¹⁵ исторически связано прежде всего с длительным существованием крепостного права и сельской общины. На протяжении значительной части российской истории гражданское общество практически не существовало, было поглощено деспотическим государством или полностью подчинено ему. Никаких гарантий неприкосновенности частной/личной жизни не было. Русский человек не мог сказать о себе «Мой дом – моя крепость». Его имущество, семья и даже его собственное тело принадлежали не ему самому, а его господину. Это тормозило формирование личного самосознания и чувства собственного достоинства.

Социальная незащищенность личности усугублялась жилищной теснотой и скученностью. Крестьянская община не допускала закрытости:

¹⁵ V.Shlapentokh. *Private and Public Life of Soviet People. Changing Values in Post-Stalin Russia*. New York; London: Oxford University Press, 1989, p.15.

все всё про всех знали, любые отклонения от общепринятого жестко контролировались и пресекались. Это способствовало формированию особого типа коллективного сознания, получившего; в противоположность индивидуализму, название «соборности».

Вторая важная особенность российской истории состоит в том, что становление цивилизованных форм социально-бытовой жизни, то, что известный социолог Норберт Элиас называет процессом цивилизации, здесь теснее, чем на Западе, было связано с государственной властью, даже новый этикет и правила приличия здесь обычно внедрялись и контролировались сверху. Поэтому давление в сторону унификации бытового поведения было сильнее его индивидуализации и диверсификации. А без сложившихся и достаточно разнообразных субкультур не было базы и для нормативного плюрализма, от которого зависит многоцветье сексуально-эротической культуры.

Не менее существенны культурно-символические и нормативные различия, непосредственно касающиеся телесного канона и собственно сексуальности.

Общие для всей средневековой европейской христианской культуры оппозиция и контраст между официальной, освященной церковью и антисексуальной по своему характеру «высокой» культурой и «низкой», бытовой культурой народных масс, в которой сексуальности придавалась высокая положительная ценность, выражены на Руси значительно резче и продержались дольше, чем на Западе.

Наконец, в России гораздо позже, чем на Западе, зародилось и получило признание рафинированное, сложное эротическое искусство, посредством которого сексуальность только и может быть включена в состав «высокой» культуры.

Самая поразительная черта традиционной русской сексуально-эротической культуры – то, что и сами русские люди, и иностранцы всегда описывали ее, как и вообще отношения между полами, крайне противоречиво.

Древнерусское общество – типично мужская, патриархальная цивилизация, в которой женщины занимают подчиненное положение и подвергаются постоянному притеснению. В Европе трудно найти страну, где даже в XVIII-XIX веках избиение жены мужем считалось бы нормальным явлением и сами женщины видели бы в этом доказательство супружеской любви. В России же это подтверждается не только свидетельствами иностранцев, но и исследованиями русских этнографов.¹⁶

В то же время русские женщины всегда играли заметную роль не только в семейной, но и в политической и культурной жизни Древней Руси. Достаточно вспомнить великую княгиню Ольгу, дочерей Ярослава

¹⁶ См., например, А.Ефименко. Исследования народной жизни. М; издание В.И.Касперова, 1884, с.82.

Мудрого, одна из которых – Анна – прославилась в качестве французской королевы, жену Василия I, великую княгиню Московскую Софью Витовтовну, новгородскую посадницу Марфу Борецкую, возглавившую борьбу Новгорода против Москвы, царевну Софью, целую череду императриц XVIII века, княгиню Дашкову и других. В русских сказках присутствуют не только образы воинственных амазонок, но и беспрецедентный, по европейским стандартам, образ Василисы Премудрой. Европейских путешественников и дипломатов XVIII – начала XIX в. удивляла высокая степень самостоятельности русских женщин, то, что они имели право владеть собственностью, распоряжаться имениями и т.д. Французский дипломат Шарль-Франсуа Филибер Массон считает такую «гинекократию» противоестественной, русские женщины напоминают ему амазонок, социальная активность которых, включая любовные отношения, кажется ему вызывающей.¹⁷

Многие старые и новые философы, фольклористы и психоаналитики говорят об имманентной женственности русской души и русского национального характера. В языке и народной культуре Россия всегда выступает в образе матери. Некоторые авторы делали из этого обстоятельства далеко идущие политические выводы, вплоть до неспособности России к политической самостоятельности, трактуя «вечно-бабье» начало российской жизни как «вечно-рабье»,¹⁸ тоскующее по сильной мужской руке. Другие суживают проблему до внутрисемейных отношений, подчеркивая, что в России «патриархат скрывает матрифокальность»: ¹⁹ хотя кажется, что власть принадлежит отцу, в центре русского семейного мира, по которому ребенок настраивает свое мировоззрение, всегда стоит мать. Отец – фигура скорее символическая, всем распоряжается мать, и дети ее больше любят.

Крайне противоречив и традиционный русский телесный канон и то, что теперь называют «телесной политикой» (социальные представления тела, отношение к наготы, контроль за телесными отправлениями, правила приличия и т.д.).

¹⁷ C. de Greve. *Le voyage en Russie. Anthologie des voyageurs français aux XVIIIe et XIXe siècles.* Paris: Robert Laffont, 1990, p.926; J.Vowels. *Mariage à la russe // Sexuality and the Body in Russian Culture.* Ed. by J.T.Costlow, S.Sandler, J.Vowels. Stanford University Press, 1993, pp.53-74.

¹⁸ Н.А.Бердяев. *Судьба России.* М.: «Советский писатель», 1990 (1918), с.12. По мнению Георгия Гачева, «субъект русской жизни – женщина; мужчина – летуч, фитюлька, ветер-ветер; она – мать-сыра земля. Верно, ей такой и требуется – обдувающий, подсушивающий, а не орошающий семенем (сама сыра – в отличие от земель знойного юга); огня ей, конечно, хотелось бы добавить к себе побольше...» (Г.Гачев. *Русский Эрос. «Роман» Мысли с Жизнью.* М.: Интерпринт, 1994, с.251). См. также J.Hubbs. *Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture.* Bloomington: Indiana University Press, 1988; *Postcommunism and the Body Politics.* Ed. by E.E.Berry. New York University Press, 1995.

¹⁹ D.Rancour-Lafferriere. *The Slave Soul of Russia. Moral Masochism and the Cult of Suffering.* N.Y.: New York University Press, 1995, p.137.

В противовес «западному» материализму и телесности, русскую культуру часто изображают царством исключительной духовности, связывая это с особым духом православия. Для этого есть определенные основания.

В западной религиозной живописи, начиная с позднего средневековья, человеческое тело являет взору живую плоть, закрыты только половые органы. Впрочем, даже последние нередко показываются и даже акцентируются, хотя, разумеется, без всяких намеков на эротику. Очень интересна в этом смысле иконография тела Христа.²⁰ Напротив, в русских иконах живет только «лик», тело же полностью закрыто или подчеркнуто измождено и аскетично. Ничего похожего на рафаэлевских мадонн или крахановских Адама и Еву здесь нет.

Православная иконопись гораздо строже и аскетичнее западного религиозного искусства. Правда, в отдельных храмах XVII в. (церковь Святой Троицы в Никитниках, церковь Вознесения в Тутаеве и др.) сохранились фрески, достаточно живо изображающие полуобнаженное тело в таких сюжетах, как «Купание Вирсавии», «Сусанна и старцы», «Крещение Иисуса». Имеется даже вполне светская сцена купающихся женщин. Однако это шло вразрез со строгим византийским каноном и было исключением из правил.

Гораздо позже появляется и строже контролируется в России и светская живопись. Итальянские художники писали обнаженную натуру уже в эпоху Возрождения, русские получили это право лишь в конце XVIII века. А отношение к телу и наготы – один из главных факторов сексуальной культуры.

Однако в народном быту и культуре все было иначе. Крестьянская жизнь абсолютно несовместима со стеснительностью, да никто ее и не требовал. Европейских путешественников XVII-XIX веков, начиная с Олеария, удивляли и шокировали русские смешанные бани и совместные купания голых мужчин и женщин в Неве, казавшиеся им верхом непристойности и разврата.²¹ На самом деле это был просто старый крестьянский натурализм. В средневековой Европе смешанные бани тоже были, но в XIII-XVI веках, после крестовых походов, католическая церковь осуждала их, отождествляя с борделями. В XVI в. многие публичные бани были закрыты и стали возрождаться только в XVIII в., но уже как лечебные центры и, разумеется, отдельные. В России такой социальный контроль начал внедряться позже и, как и все остальные запреты, менее

²⁰ См.: L.Steinberg. *The Sexuality of Christ in Renaissance Art and in Modern Oblivion*. N.Y., 1983; A.I.Davidson. *Sex and the Emergence of Sexuality // Critical Inquiry*, vol.14 (Autumn 1987), pp.16-41; P.Brown. *The Body and Society. Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. N.Y.: Columbia University Press, 1988.

²¹ См. A.G.Gross. *The Russian banya in the descriptions of foreign travellers and in the descriptions of foreign and Russian artists // Oxford Slavonic papers, New Series*, vol.XXIV, 1991, pp.34-60.

эффективно. Смешанные бани в Петербурге Сенат запретил в 1743 году, в 1760 г. это распоряжение было подтверждено и распространено на всю страну, но плохо соблюдалось.

Впрочем, ничего особенно сексуального большей частью не происходило. Массон рассказывает, будто при купании в реке какая-то старуха, ухватив не умеющего плавать молодого мужчину за соответствующее место, заставила его, на потеху остальным купальщикам, нахлебаться воды. Но подобная вольная возня была скорее исключением, чем правилом, а в семейных банях этим вовсе не занимались. Казанова рассказывает, что мылся в бане вместе с тридцатью или сорока голыми мужчинами и женщинами, «кои ни на кого не смотрели и считали, что никто на них не смотрит». Это отсутствие стыда он объясняет «наивной невинностью». Прославленный соблазнитель был удивлен тем, что никто даже не взглянул на купленную им за 100 рублей 13-летнюю красавицу, которую он назвал Заирой.²²

Хотя в XVI-XVII веках православная церковь, как и западное христианство, усиливает табуирование наготы, предлагая верующим спать не нагишом, а в сорочке, не рассматривать свое тело даже в бане или в наедине с собой (даже частое мытье в бане вызывает у некоторых духовников неодобрение), эти нормы были малоэффективными, нагота оставалась для россиян более нормальным явлением жизни, чем для современных им англичан или французов.

Значительно меньше было в России и вербальных запретов. Иностранцев удивляла откровенность и циничный натурализм русского мата и народной культуры. Дело не только в лексике, но и в содержании. Русские так называемые «эротические сказки» не просто подробно и вполне натуралистично описывают сами сексуальные действия, но и предлагают абсолютно несовместимую с христианской моралью систему оценок. Они сочувственно рассказывают о многоженстве героев. Такие «сексуальные

²² Казанова. История моей жизни. М.: Московский рабочий, 1990, с.536. Некоторые европейские наблюдатели связывали «бесстыдство» русских с крепостным правом: отношение к крепостным как к скоту лишает женщин чувства стыдливости. Массон рассказывает случай, как некая помещица, путешествуя в карете, велела двум лакеям поддерживать ее за руки, пока она облегалась в кустах; когда ее французская спутница удивилась такой беззастенчивости, дама ответила: это же мои рабы, они даже подумать не могут о том, что у меня под юбкой, я для них не женщина, а они для меня не мужчины (C. de Greve. *Le voyage en Russie*, p.926), Жан-Батист Мей в 1982 году удивлялся тому, что русские знатные дамы, которые не допускают ни малейших вольностей в светском разговоре, ходят на пляж в сопровождении лакеев с положением евнухов: «ранг создает такое расстояние, что господин и раб не считают себя принадлежащими к одному и тому же виду» (C. de Greve. *Le voyage en Russie*, p.953). Но в середине XVIII в. приятельница Вольтера маркиза дю Шатле не только раздевалась, но и принимала ванну с помощью своего лакея, не усматривая в этом ничего особенного (J.C.Bologne. *Histoire de la pudeur*. Paris: Olivier Orban, 1986, p.41). Стыдливость – чувство сословное. В средние века утреннее одевание многих европейских монархов было публичной церемонией. В России крепостное право держалось значительно дольше, чем в Европе, и европейские наблюдатели успели о нем подзабыть.

шалости» и поступки, как овладеть, не спрашивая ее согласия, спящей красавицей или «обесчестить», изнасиловать девушку в отместку за отказ выйти замуж за героя, представляются народному сознанию вполне естественными, справедливыми, даже героическими. Конечно, эти сюжеты уходят в дохристианские времена, но на них продолжали воспитываться крестьянские дети и в XIX в.

Естественным дополнением гипертрофированной оппозиции души и тела было такое же резкое противопоставление «чистой» – духовной или супружеской – любви и «грязной» сексуальности, чувственности. Их соотношение всегда вызывало острые споры, политизировалось и связывалось с вестернизацией страны. Уже в XVIII веке, а то и раньше, в русском общественном сознании «Запад» выступает в двух прямо противоположных ипостасях. Одни мыслители связывают с европеизацией идею индивидуализации и утончения любовных чувств и переживаний. Другие, как автор знаменитого очерка «О повреждении нравов в России» князь М.М. Щербатов, наоборот, считают западное влияние развращающим, подрывающим основы исконнорусского целомудрия и нравственности. Договориться между собой эти люди, разумеется, не могли.

Как же возникло и чем поддерживалось это уникальное единство отрицающих друг друга противоположностей – патриархальности (в смысле мужской, отцовской власти) и женственности, бестелесной духовности и бесстыдной похабщины, целомудренной любви и бездуховной похоти? На мой взгляд, оно вытекает из общих особенностей российской истории.

Как писал Василий Ключевский, «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией».²³ Для понимания особенностей русской сексуальной культуры эта экстенсивность особенно важна.

Растянувшийся на несколько столетий процесс христианизации, в который все время включались новые народы и народности, был во многом поверхностным, верхушечным. В народных верованиях, обрядах и обычаях христианские нормы не только соседствовали с языческими, но зачастую перекрывались ими.

Древнеславянское язычество не отличалось ни особым целомудрием, ни особой вольностью нравов. Как и многие другие народы, славяне считали сексуальность космическим началом.²⁴ Женственная березка в рус-

²³ В.О.Ключевский. Курс русской истории // Сочинения в 8 томах. Т.1, М.: Государственное издательство политической литературы, 1956, с.31.

²⁴ См. Б.А.Рыбаков. Язычество древних славян. М.: «Наука», 1981, гл.7-8; Н.М.Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916; Б.А.Успенский. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии; E.Levin. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900-1700; А.Л.Топорков. Материалы по славянскому язычеству (культ матери-сырой земли в дер.Присно) // Древнерусская литература. Источниковедение. Сборник научных трудов. Отв. ред. Д.С.Лихачев. Л.: Наук, 1984, с.222-233;

ских песнях нежно и страстно сплеталась с могучим дубом. Мать сыра-земля оплодотворялась небесным дождем. В славянской мифологии существовали многочисленные женские божества. Особенно важны были роженицы – девы, определявшие судьбу человека при рождении. Аграрным женским божеством плодородия и одновременно покровительницей брака была Лада.

Роженицам соответствовало загадочное мужское божество – род. Некоторые исследователи приписывали ему особое значение, ставя впереди рожениц и обозначая, как имя собственное, с прописной буквы. Однако это, по-видимому, неверно.

Как у других племен, у славян существовали многочисленные оргиастические обряды и праздники, когда мужчины и женщины сообща купались голыми. Мужчины символически оплодотворяли Землю, например, сеяли лен без штанов, иногда и вовсе голыми, а женщины, задрав подолы и демонстрируя небу свои гениталии, тем самым вызывали дождь. В некоторых районах Украины еще в XIX веке вместо ритуального совокупления на полях в период посевной существовал обычай перекатывания парами по засеянному полю и т.д. Некоторые брачные обряды включали в себя фаллические элементы – демонстрацию, облизывание и целование «срамоты мужской» и т.п.²⁵

Типичный древнерусский фаллический образ – животное, чаще всего лев, с длинным не то хвостом, не то половым членом, представлен даже в орнаментах средневековой церковной архитектуры (храм Покрова на Нерли, Дмитриевский собор во Владимире и др.)

Для понимания дохристианского сексуального символизма очень важна история и семантика русского мата. Язык ругательств и оскорблений, так называемая инвективная лексика, очень древен. Категории архаического сознания располагаются как бы между двумя полюсами: святого, наделенного божественной благодатью и воспринимаемого как нечто особо чтимое, дорогое, и демонического, нечистого. Оба эти понятия трактуются также в переносном смысле, как чистое и нечистое: «грязное» = низкое = низменное = непристойное.

Поскольку и боги, и демоны представляли для людей опасность, в обыденной жизни от них старались держаться подальше, не вызывать и не называть их всуе, без надобности. Инвективная лексика эти запреты нарушает, причем сила оскорбления прямо пропорциональна значимости нарушаемого им запрета.

его же. Малоизвестные источники по славянской этносексологии (конец XIX – начало XX века) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. Отв. редакторы А.К.Байбурин и И.С.Кон. СПб.: «Наука», 1991, с.307-318. Ценные указания по этому вопросу мне дал А.Н.Анфертьев, которому выражаю искреннюю благодарность.

²⁵ См., например, V.F.Mansikka. Die Religion der Ostslawen. Helsinki, 1922 (Folklore Fellows Communications, № 43), s.159, 162-165.

Тут есть своя этническая, культурная специфика.²⁶ В национальных культурах, где особенно высок статус родственных отношений по материнской линии, большую роль могут играть сексуальные оскорбления матери («мат»). В культурах, особенное внимание обращающих на сексуальную жизнь общества, наиболее грубыми оскорблениями будут словосочетания с коитальным смыслом, необязательно обращенные на мать или других родственников оскорбляемого; таковы, например, англоязычные культуры. Итальянская, испанская, многие другие католические культуры для достижения сходного эффекта прибегают к оскорблению наиболее почитаемой святыни – Мадонны. Очень грубо звучат бранные слова, включающие нарушение некоторых табу, связанных с чистоплотностью, если именно это человеческое качество особенно ценится в данной национальной культуре, например, японской или немецкой.

Среди «сексуальных» ругательств можно выделить несколько крупных типов:²⁷

1) Отправление ругаемого в зону женских гениталий, в зону рождающих, производительных органов, в телесную преисподнюю («пошел в п...»), – не что иное, как пожелание смерти. Как показал Михаил Бахтин, женское лоно является одновременно символом рождения и смерти.

²⁶ В.И.Жельвис. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. Под ред. А.К.Байбурина. Л.: «Наука», 1985, с.296-320.

²⁷ См. И.С.Кон. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1988, с.101-102. Как и многие другие формы речи, инвективная лексика довольно четко дифференцируется по полу. См. В.И.Жельвис. Инвектива: мужские и женские предпочтения // Этнические стереотипы мужского и женского поведения, с.266-283. Но иногда «мужские» выражения могут выражать «женскую точку зрения. Вот, например, что пишет о русском мате Г.Д.Гачев: «Русский ощущает неприятность от мира как то, что его гребут, как бабу. Это в известном присловье: “Жизнь Бекова: нас (гр)ебут, а нам некого”».

Здесь тип бисексуального самочувствия в русском космосе: в бабу меня превратили – выгребли меня и выгресбают, а вот мужчиной стать никак не удастся.

Что русский мужчина ощущает себя в большей части женщиной, очевидно из нецензурного слова.

Русский мужик в брани употребляет чаще всего – и в обращении к мужику же: ты, “блядь”, и ты “...а”, или “п-о-рванец”, где тоже главная цель “п...”. Словом “б”, как прозойкой, пересыпано чуть ли не каждое слово речи, добавляя к нему эротический женский оттенок. Реже в ругательствах употребляется мужской корень “х...” (ты – “х... моржовый” – реже и есть похвала даже). Зато часто: ты “загребанный в рот” (т.е. претерпевший, как женщина, акт над собой) или – “я тебя в рот гребу”, или “я тебя гребал”. Или “от-гр-ебись”, “гребись ты в доску” и т.д. – это мольбы женщины оставить ее.

В основном ругательстве “е... твою мать” главное слово и идея – “мать” – звучит не как объект действия (как это буквально по смыслу слов), но как его сущность и основа.

Если же “Ты что, офуфел?” – тоже женское состояние обозначено: ошеломлен от “фуя”, не может прийти в себя.

“А на фуя?”, “На кой хер?” = зачем? – опять женский вопрос: в отношении к фую рассматривает (нет: “за какой п-ой?” – редко и искусственно). Так что русский мат действительно матерями и создан, женской субстанцией выработан (хотя выговорен – мужскою). Недаром так густо матерятся русские бабы». Г.Гачев. Русский Эрос, с.225.

2) Намек на то, что некто сексуально обладал матерью ругаемого, «е... твою мать».

3) Обвинение в инцесте с матерью, широко представленное в английских ругательствах типа «mother-fucker».

4) Обороты речи с упоминанием мужских гениталий (типа «пошел на х...») ставят ругаемого в женскую сексуальную позицию, что равносильно лишению мужского достоинства и вирильности.

Русский язык особенно богат «матерными» выражениями, которые встречаются также в венгерском, румынском, новогреческом, китайском, суахили и многих других языках. Однако интерпретация этих выражений – кто именно имел твою мать – неоднозначна. Иногда подразумеваемым субъектом действия является говорящий, который тем самым как бы утверждает «Я – твой отец» или «Я мог бы быть твоим отцом», зачисляя ругаемого в низшую социально-возрастную категорию. Одно китайское ругательство, как сообщил мне М.В.Крюков, буквально означает «Ты мой сын». В русском языке местоимение «Я» в этом контексте почти никогда не употребляется, а «матерные» обороты используются не только для обозначения прошлого события, но и в повелительном наклонении и в инфинитиве.

Однако и без уточнения субъекта ругательство является очень сильным: бросая тень на нравственность матери ругаемого, они тем самым ставят под сомнение его происхождение. Еще одна интерпретация, восходящая к запискам немецкого дипломата XVI века барона Сигизмунда фон Герберштейна, считает субъектом «срамного» действия пса, связывая его с распространенными во многих языках выражениями типа «сукин сын», польское «пся крев» и т.п.²⁸ Если учесть, что собака в XVI веке считалась нечистым животным, оскорбление было очень сильным.

Матерная брань уже в Древней Руси оценивалась как кощунство, оскверняющее и Матерь Божию, и мифологическую «Мать сырую землю», и собственную мать ругающегося. Однако ничего не помогало, поскольку матерные выражения сами имеют сакральное происхождение и в прошлом были связаны с ритуальными функциями.²⁹

По мнению Б.А.Успенского,³⁰ на самом глубинном, исходном уровне эти выражения соотносятся с мифом о священном браке Неба и Земли, результатом которого является оплодотворение Земли. Связь матерной брани с идеей оплодотворения проявляется в ритуальном свадебном и аграрном сквернословии, а также в ассоциации ее с громовым ударом. На этом уровне она не только не имела кощунственного смысла, но была ма-

²⁸ См. A.V.Isachenko. Un juron russe du XVIe siècle // *Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V.Kiparsky*. Helsinki, 1964, pp.68-70/ По словам Герберштейна, обычное ругательство московитов – «Пусть собака спит с твоей матерью» (С.Герберштейн. Записки о Московии. М.: Издательство МГУ, 1988, с.89).

²⁹ См. Н.М.Маторин. Женское божество в православном культе. М., 1931.

³⁰ Б.А.Успенский. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии.

гической формулой, священным заклинанием (аналогичные формулы существуют в буддизме).

На втором, более поверхностном уровне субъектом действия становится Пес как противник Громовержца и демоническое начало. Матерные выражения приобретают при этом кощунственный характер, выражая идею осквернения земли Псом, причем ответственность за это падает на голову собеседника.

На третьем, еще более поверхностном уровне объектом подразумеваемого действия становится женщина, тогда как субъектом его остается пес. Матерная брань переадресуется теперь непосредственно к матери собеседника и становится прямым оскорблением, ассоциируясь с выражениями типа «сукин сын».

Наконец, на самом поверхностном, светском уровне субъектом действия становится сам говорящий, а его объектом – мать собеседника. Брань становится указанием на распутство, сомнительное происхождение и т. д.

Самая залихватская русская матерщина не всегда была оскорблением. По наблюдениям русских этнографов XIX в., сквернословие в обращении вызывало обиду, только если произносилось серьезным тоном, с намерением оскорбить, в шутливых же мужских разговорах оно служило дружеским приветствием или просто «приправой», не имевшей также специально-сексуального смысла (этого не понимали иностранцы, почему русские и казались им прямо-таки сексуальными маньяками).

Матерная лексика не только повсеместно употреблялась в быту, она пронизывает весь русский фольклор. Как пишут канадские лингвисты Феликс Дрейзин и Том Пристли,

мат – это теневой образ русского языка в целом. С семантической точки зрения, нас интересуют способы сообщения, посредством мата, общих повседневных смыслов, выходящих за пределы прямого оскорбления и секса. Мы видим в мате особую форму экспрессивного, нестандартного языка, который по самой сущности своей нейтрален по отношению к обозначаемым им значениям. *Трехэтажный мат* является поэтому не просто скопищем непристойностей, но системой рафинированных, сложных структур. Мат – это потенциально безграничное количество выражений.

Мат характеризуется острым контрастом между узкой ограниченностью его базовых элементов... и богатыми семантическими возможностями их применения. Этот контраст порождает в мате эстетическую функцию «овладения реальностью» путем выхода за пределы базового обценного словаря. Эта функция возвышает мат до уровня особого жанра народного искусства, в котором более или менее искушены миллионы русских.³¹

³¹ F.Dreizin, T.Priestley. A Systematic Approach to Russian Obscene Language // Russian Linguistics, 6 (1982), p.233-234; см. также D.Rancour-Laferriere. The Boys of Ibansk: A Freu-

В высшей степени откровенными и непристойными всегда были и поныне остаются народные частушки, которые, кстати, распевали не только парни, но и девушки. Ролан Быков, который играл роль скомороха в фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублев», рассказывал, что Тарковский, чтобы добиться абсолютной исторической достоверности, хотел использовать в фильме подлинные песни, которые распевали скоморохи рублевских времен. Достать эти тексты оказалось очень трудно – они были строго засекречены. А когда их все-таки получили, их не удалось использовать, – то была сплошная матерщина.

Не так уж сильно отличаются и современные частушки. Вот несколько сравнительно приличных современных частушек, записанных Николаем Старшиновым.³²

Разрешите вас потешить
И частушки вам пропеть.
Разрешите для начала
На х... валенок надеть!

У милашки под подолом
Неостриженный баран.
Подыми, милашка, ногу –
Я барану корму дам.

Все б я пела, все б я пела,
Все бы веселилася,
Все бы я под ним лежала,
Все бы шевелилася!

Я, бывало, всем давала
По четыре разика.
А теперь моя давалка
Стала шире тазика!

И дать – говорят,
И не дать – говорят.
Лучше дать, чем не дать –
Все равно говорят.

Я лежала с Коленькой
Совершенно голенькой,
Потому что для красы
Я сняла с себя трусы.

dian Look at Some Recent Russian Satire // Psychoanalytic Review 72, № 4 (Winter 1985), pp.639-656.

³² Н.Старшинов. Разрешите вас потешить // Три века поэзии русского Эроса. Публикации и исследования. Составители А.Щуплов, А.Илюшин. М.: Издательский центр театра «Пять вечеров», 1992, с.131-157. Ср.: Неподцензурная русская частушка. Подготовка текста, введение и примечания В.Кабронского. N.Y.: Russica publishers, 1978.

Очень вольные сцены изображал народный лубок.³³ Хотя в 1679 г. была введена строгая церковная цензура, а в XVIII в. на этот счет было издано несколько правительственных указов, стиль лубочной живописи не менялся. Иногда сравнительно благопристойные картинки сопровождались малопристойными текстами. Один из них, относящийся к XVIII в., рассказывает, как три «младые жены», чтобы подшутить над плешивым стариком, сказали ему, что он должен смазывать голову сливою женскою». Старик в ответ на это вынул свою «исподнюю плешь» и сказал, что уже сорок лет полощет ее «сливою женскою», а волосы на ней так и не выросли.

Разумеется, подобные картинки и тексты можно найти не только в русском народном творчестве, достаточно вспомнить того же Рабле. Но очень уж они контрастировали с тем, что было официально дозволено.

Как повлияла на сексуальный символизм и сексуальное поведение русичей христианизация Киевской Руси, начавшаяся в IX и завершившаяся в XI веке?³⁴ Прежде всего, христианизация принесла с собой неизвестные раньше ограничения и негативное отношение к сексу как таковому. Православие, как и вообще христианство, считает секс и все с ним связанное, нечистым порождением Сатаны. Однако разграничение «нечистого» и «греховного» было довольно расплывчатым. В средневековой иконографии Адам и Ева в раю, до грехопадения, изображались без половых признаков, которые появляются только после грехопадения.

Важнейшим символом сексуального желания в русской иконописи были большие, висячие груди; ими иногда наделялись даже прелюбодеи-мужчины. Змей-искуситель (в греческом языке это слово мужского рода, в русском же были возможны как мужская – «змий», так и женская – «змея» формы) также иногда изображался с большими женскими грудями. И позже женщина обычно изображается как опасный источник соблазна. В одной русской сказке женщина умудряется соблазнить и перехитрить самого дьявола. Хорошая, порядочная женщина является абсолютно асексуальной.

Характерен в этом смысле один эпизод из повести о православных святых Петре и Февронии. Чтобы отклонить греховные посягательства одного из бояр своего мужа, княгиня Феврония велела ему зачерпнуть воды с разных сторон лодки и затем спросила его, есть ли разница во вкусе. Когда боярин ответил отрицательно, мудрая княгиня сказала: точно так же сексуально одинаковы разные женщины, поэтому нет никакого смысла вожделеть к чужой жене, пренебрегая собственной.

³³ См. A/Flegon. *Eroticism in Russian Art*. London. Flegon Press, 1976.

³⁴ В последующем изложении я следую в основном за Eve Levin. См. также Н.Л.Пушкарева. *Сексуальная этика в частной жизни древних русских и москвитов (X-XVII вв.) // Секс и эротика в русской традиционной культуре*. Составитель А.Л.Топорков. М.: Ладомир, 1996, с.44-91.

Целомудрие («полная мудрость»), сохранение девственности и отказ от половых сношений даже в браке (жить, «плотногодия не творяху») почитались «святым делом». Непорочное, «бессеменное зачатие», которое канонически ограничивается Иисусом Христом, иногда распространялось и на некоторых православных святых. Согласно житию святого Дмитрия Донского, этот вполне исторический князь и его жена, княгиня Авдотья, обходились без плотских отношений, что не помешало им родить многочисленных детей.

Впрочем, отступления от этого аскетического принципа были не только допустимыми, но и законными: «в своей бо жене нет греха». Однако только в законном церковном браке и исключительно «чадородия ради», а не «слабости ради».³⁵

Все физиологические проявления сексуальности считались нечистыми и греховными. Ночные поллюции и сопутствующие им эротические сновидения рассматривались как прямое дьявольское наваждение, заслуживающее специального покаяния. Половое воздержание было обязательным по всем воскресеньям и церковным праздникам, по пятницам и субботам, а также во все постные дни. При строгом соблюдении всех этих запретов, люди могли заниматься сексом не больше 5-6 дней в месяц. Особенно много заботы клирики проявляли о воздержании по субботам, поскольку по старым языческим нормам именно субботние вечера лучше всего подходили для секса.

Считалось, что ребенок, зачатый в неположенный день, уже несет на себе бремя греха, хотя некоторые иерархи, например епископ Новгородский Нифонт (XII век), полагали, что молодые супруги, если они не смогут удержаться от близости в праздник или во время поста, достойны снисхождения. Лишь бы только не было прелюбодеяния «с мужескою женою».³⁶

Чтобы супругам было легче соблюдать правила воздержания, некоторые духовные лица рекомендовали им иметь в доме две кровати и спать отдельно, что было в то время мало реально.

Хотя в принципе половая жизнь в браке допускалась, она все-таки оскверняла человека. Скверна подлежала очищению. Мужчина, не вымывшийся ниже пояса после полового акта, не смел ни войти в церковь, ни целовать святые мощи, ни посещать святых отшельников. Церковные иерархи спорили о том, возможно ли иметь супружеские отношения в присутствии икон, крестов и прочих священных предметов. Епископ Нифонт, ссылаясь на греческие обычаи, не усматривал в этом греха, но в XVI веке возобладало противоположное мнение.

³⁵ Цит. по Н.Л.Пушкарева. Женщины Древней Руси. М.: «Мысль», 1989, с.87-88. См. также Б.А.Романов. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки. Изд. 2. Л.: «Наука», 1966.

³⁶ Б.А.Романов. Люди и нравы Древней Руси, с.190.

Еще больше запретов накладывалось на женскую сексуальность. Менструирующая женщина не должна была ни иметь половых сношений с мужем, ни ходить в церковь, ни получать причастие. Нарушение этого запрета каралось довольно строго. По одной легенде женщина в периоде менструации, нечаянно зашедшая на могилу неизвестного святого, была поражена молнией. В другом рассказе, женщина, принимавшая причастие каждую неделю, превратилась в лошадь. Если менструации неожиданно начинались в церкви, женщина должна была немедленно уйти, как бы это ни было ей неловко. В противном случае назначалось церковное покаяние шесть месяцев поста и по пятьдесят земных поклонов ежедневно.

Строго регламентировались сексуальные позиции. Единственной «правильной» позицией была так называемая миссионерская: женщина лежит на спине, а мужчина – на ней («Живот на живот – все заживет»). Эта позиция в России называлась «на коне» и подчеркивала господство мужчины над женщиной в постели, как и в общественной жизни. Напротив, позиция «женщина сверху» считалась, как и на Западе, «великим грехом», вызовом «образу Божию» и наказывалась, по большинству пенитенциалиев, длительным, от 3 до 10 лет, покаянием, с многочисленными ежедневными земными поклонами. Интромиссия сзади тоже запрещалась, так как напоминала поведение животных или гомосексуальный контакт. Вагинальная и анальная интромиссия сзади считались одинаково противоестественными и назывались «скотским блудом» или «содомским грехом с женою». Минимальное покаяние за этот грех составляло 600 земных поклонов, максимальное – отлучение от церкви. При этом принимались во внимание конкретные обстоятельства: как часто практиковалась греховная позиция, кто был ее инициатором, участвовала ли жена добровольно или по принуждению мужа. Молодым парам, до 30 лет, обычно делалось снисхождение, старшие наказывались суровее.

Внегенитальные ласки, например глубокий поцелуй, также были греховными, но наказывались сравнительно легко, 12 днями поста. Один русский пенитенциалий называет такой поцелуй «татарским», хотя они были известны на Руси задолго до татаро-монгольского нашествия. Введение мужем во влагалище жены пальца, руки, ноги или предмета одежды наказывалось тремя неделями поста. Фелляция и куннилингус были более серьезными грехами – за них полагалось от двух до трех лет поста, почти как за прелюбодеяние или кровосмешение со свойственниками.

Поскольку единственным оправданием половой жизни было деторождение, всякая попытка предотвратить зачатие была настолько греховной, что контрацепция, искусственный аборт и детоубийство сплошь и рядом не различались, одинаково называясь «душегубством». Иногда попытки предотвратить зачатие с помощью трав или заговоров карались даже строже, чем аборт, потому что это было не только покушение на жизнь неродившегося младенца, но и языческое, антихристианское знахарство и ворожба,

которыми занимались «бабы богомерзкие». Вообще сексуальные грехи, как и на Западе, часто ассоциировались с колдовством.

Церковь стремилась поставить под свой контроль не только поведение людей, но и их помыслы. Но хотя греховными были все неосвященные церковью половые связи, основное внимание уделялось защите института брака. Супружеская измена, «прелюбодеяние» считались гораздо более серьезным прегрешением, нежели «блуд».

Супружеская верность была главной семейной добродетелью, особенно для женщин. Муж признавался прелюбодеем только в том случае, если имел на стороне не только наложницу, но и детей от нее, тогда как жене ставилась в вину любая внебрачная связь.

Образ целомудренной и верной супруги занимает важное место в древнерусской литературе. Еще больше прославлялось и поэтизировалось материнство: рождение и воспитание детей составляли социальную и духовную сущность брака.

Браки заключались рано, не по собственной воле молодых, а по усмотрению родителей. Иногда жених даже не видел свою невесту до самой свадьбы. Одним из доводов в пользу ранних, до 14-15 лет, браков было сохранение целомудрия. За утрату его и за добрачные связи детей отвечали их родители. Хотя потеря невинности до брака не была по закону препятствием к его заключению, девственности придавали большое значение.

Среди свадебных и венчальных ритуалов XIV-XV веков существовал униженный обычай «раскрывания» невесты с целью определения ее «почестности», однако он не был всеобщим. Вот как описывал этот ритуал итальянский дипломат XVI века Барберини: «Молодой объявлял родственникам супруги, как он нашел жену – невинною или нет. Выходит он из спальни с полным кубком вина, а в доньшке кубка просверлено отверстие. Если полагает он, что нашел жену невинною, то залепляет отверстие воском. В противном же случае молодой отнимает вдруг палец и проливает оттуда вино».³⁷

К сексуальным похождениям неженатых мужчин и юношей церковь, как и крестьянская община, относились более снисходительно, особенно если связь была не с замужней женщиной, а с «блудницей», рабыней или вдовой.

Много места в пенитенциалиях занимает «противоестественный» секс. Самым массовым грехом была, конечно, мастурбация, которую называли греческим словом «малакия» или славянским «рукоблудие». Мастурбировать или даже сознательно предаваться похотливым мыслям значило вызывать Дьявола. В одной легенде, распространенной в России XVII века, юноша, регулярно занимавшийся рукоблудием, обнаружил, что его член превратился в змею. Но поскольку этот порок не затрагивал

³⁷ Цит. по Н.Л.Пушкарева. Сексуальная этика в частной жизни древних руссов и москвитов (X-XVII вв.), с.50.

главных социальных интересов и к тому же был очень распространен, его наказывали сравнительно мягко – постом от 40 до 60 дней и многочисленными земными поклонами. Техника мастурбации значения, по-видимому, не имела, но страх перед ней был велик и такие факты редко предавались гласности. Даже на рубеже XX в. корреспондент Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (Тенишевский архив – один из важнейших источников по истории быта и нравов русского крестьянства), описывая быт и нравы крестьян Владимирской губернии, писал, что «противосестественные шалости встречаются среди детей, среди взрослых таких случаев нет»; однако в другом отчете описывается случай онанирования при помощи колесной гайки от тарантаса.³⁸

Понятие «содомии» в Древней Руси было еще более расплывчатым, чем на Западе, обозначая и гомосексуальные отношения, и анальную интромаксию, независимо от пола партнеров, и вообще любые отклонения от «нормальных» сексуальных ролей и позиций, например, совокупление в позиции «женщина сверху». Самым серьезным грехом было «мужелудие» или «мужеложство», когда связь с «неправильным» сексуальным партнером усугублялась «неправильной» сексуальной позицией (анальная пенетрация). Однако на Руси к этому пороку относились терпимее, чем на Западе; церковное покаяние за него колебалось от одного до семи лет, в тех же пределах, что и гетеросексуальные прегрешения. При этом во внимание принимали и возраст грешника, и его брачный статус, и то, как часто он это делал, и мера его собственной активности. К подросткам и молодым мужчинам относились снисходительнее, чем к женатым. Если анальной пенетрации не было, речь шла уже не о мужеложстве, а всего лишь о рукоблудии.

Лесбиянство считалось разновидностью мастурбации. Епископ Нифонт (XII в.) считал сексуальный контакт двух девушек-подростков меньшим грехом, чем гетеросексуальный «блуд», особенно если девственная плева оставалась целой. Хотя православную церковь очень заботило распространение гомосексуальности в монастырях, к бытовым ее проявлениям относились терпимо. В Домострое содомия упоминается вскользь, как бы между прочим. В Стоглаве (1551) ей посвящена специальная глава «О содомском грехе», предписывающая добиваться от виновных покаяния и исправления, «а которые не исправляются, не каются, и вы бы их от всякие святыни отлучали, и в церковь входу не давали».³⁹ Однако, как не без иронии подметил Леонид Хеллер, пьянство осуждается там гораздо более темпераментно.⁴⁰

³⁸ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н.Тенишева (на примере Владимирской губернии). Авторы-составители: Б.М.Фирсов, И.Г.Киселева. СПб.: Издательство Европейского Дома, 1993, с.276.

³⁹ Стоглав. СПб., издание Д.Е.Кожанчикова, 1863, с.109.

⁴⁰ L.Heller. *Amour, érotisme, littérature russe. Réen guise de preface // Amour et érotisme dans la littérature russe du XXe siècle. Actes du Colloque de juin 1989 organisé par l'Université de*

Почти все иностранные путешественники и дипломаты, побывавшие на Руси в XV-XVII вв. (Герберштейн, Олеарий, Маржерет, Коллинз и др.), отмечали широкое распространение гомосексуальности во всех слоях общества и удивительно терпимое, по тогдашним европейским меркам, отношение к ней. Английский поэт Джордж Тэрбервилл, посетивший Москву в составе дипломатической миссии в 1568 г., был поражен открытой гомосексуальностью русских крестьян сильнее, чем казнями Ивана Грозного. В стихотворном послании своему другу Эдварду Данси он писал:

Хоть есть у мужика достойная супруга,
Он ей предпочитает мужеложца-друга.
Он тащит юношей, не дев, к себе в постель.
Вот в грех какой его ввергает хмель.
(перевод С. Карлинского).⁴¹

По-видимому, несмотря на свои многочисленные женитьбы, баловался с переодетыми в женское платье юношами и сам Иван Грозный; такие подозрения высказывались современниками по поводу его отношений с юным женоподобным Федором Басмановым, который услаждал царя пляской в женском платье.

Как писал хорватский католический священник Юрий Крижанич, проживший в России с 1659 по 1677 год, «здесь, в России, таким отвратительным преступлением просто шутят, и ничего не бывает чаще, чем публично, в шутливых разговорах один хвастает грехом, иной упрекает другого, третий приглашает к греху; недостает только, чтобы при всем народе совершали это преступление».⁴²

Митрополит Даниил, популярный московский проповедник эпохи Василия III, в своем двенадцатом поучении сурово осуждает женоподобных молодых людей, которые, «... женам позавидев, мужское свое лице на женское претворяещи»: бреют бороду, натираются мазями и лосьонами, румянят щеки, обрызгивают тело духами, выщипывают волосы на теле и т.п.⁴³

Столетием позже знаменитый непримиримый протопоп Аввакум навлек на себя страшный гнев воеводы Василия Шереметева, отказавшись благословить его сына, «Матфея бритобрадца». Комментируя это место аввакумовой автобиографии, известный специалист по древнерусской литературе Н.К. Гудзий писал, что мода брить бороду пришла на Русь с

Lauzanne, avec de concours de la Fondation du 450ème anniversaire. Edite par L.Heller&P.Lang, 1992, pp.5-21.

⁴¹ См. С.Карлинский. «Вывезен из-за границы...?» Гомосексуализм в русской культуре и литературе. Краткий обзор // «Литературное обозрение», 1991, № 11, с.104.

⁴² Ю.Крижанич. Русское государство в половине XVII века. М., 1866, т.2, с.17-18.

⁴³ Н.К.Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI-XVII веков. М., 1962, с.264.

Запада в XVI веке. «Бритье бороды тогда имело эротический привкус и стояло в связи с довольно распространенным пороком мужеложства».⁴⁴

Конечно, здесь возможны преувеличения: служители церкви всегда были склонны преувеличивать пороки своей паствы, а обвинения в сексуальной ереси помогали скомпрометировать врага. Тем не менее С.М. Соловьев доверял этим свидетельствам и писал в свойственном его эпохе морализаторском стиле: «Нигде, ни на Востоке, ни на Западе, не смотрели так легко, как в России, на этот гнусный, противоестественный грех».⁴⁵

Вероятно, за этим стояла не сознательная терпимость, а равнодушие и натуралистически-варварское принятие «фактов жизни» (в Западной Европе так тоже было в раннем средневековье, костры инквизиции зажглись значительно позже). Как бы то ни было, ни в одном русском законодательстве до Петра Великого гомосексуализм не упоминался и не наказывался.

Очень сурово осуждалось церковью сексуальное насилие. Во всех древних обществах оно было массовым явлением, особенно в периоды войн и мятежей, которые происходили, в сущности, постоянно. Православная церковь занимала в этом вопросе самые непримиримые позиции. В отличие от права многих других народов, рассматривавших изнасилование как разновидность блуда или прелюбодеяния, православная церковь выдвигает на первый план наносимое женщине «бесчестье».

Согласно Русской правде Ярослава Мудрого, дела об изнасиловании подлежали двойной юрисдикции, духовной и светской. Семейный статус изнасилованной женщины не имел значения, так же как и социальное положение насильника. Тем не менее изнасилование знатной женщины наказывалось более высоким штрафом, чем простолюдники. Кроме того, принималась во внимание репутация женщины. Последующая женитьба виновника на жертве не являлась смягчающим обстоятельством; человек, обесчестивший женщину, не считался подходящим зятем и должен был понести заслуженную кару. Вообще в том, что касается защиты женской чести, русское церковное и светское право было часто строже западноевропейского.

Как справедливо отмечает Ева Левин, многие ограничения, которые церковь накладывала на сексуальность, объективно были в интересах женщин, защищая их от мужского произвола. Да и вообще православие, как и в целом средневековое христианство, сыграло важную положительную роль в деле смягчения и цивилизации сексуальных нравов и отношений между полами.

Но насколько эффективными были церковные предписания? Как религиозная норма соотносилась с повседневной действительностью? Как

⁴⁴ Цитируется по статье С.Карлинского «Вывезен из-за границы...?»

⁴⁵ С.М.Соловьев. История России. 3 изд. СПб., 1911. Кн.3, с.750.

они изменялись и эволюционировали в ходе исторического развития? Ответить на эти вопросы довольно трудно.

Во-первых, сами нормы сплошь и рядом неоднозначны. Часто церковный канон требовал одного, а народные обычаи, укорененные в более древних языческих представлениях, – совершенно другого. Многие церковные предписания народное сознание не принимало всерьез, согласно сохраненной Далем поговорке «Грех – пока ноги вверх, а опустил – так и Бог простил».⁴⁶

Во-вторых, никогда и нигде социально-культурные нормы не выполняются всеми и полностью. Тут всегда существует множество социально-классовых, сословных, исторических, региональных и индивидуальных вариаций. Чем сложнее общество – тем больше в нем нормативных и поведенческих различий, которых ни в коем случае нельзя усреднять.

В-третьих, эволюция форм сексуального поведения неразрывно связана с изменением институтов, форм и методов социального контроля. Одни действия контролируются церковью, другие – семьей, третьи – сельской общиной, четвертые – государством и т. д. Причем разные институты и способы социального контроля всегда так или иначе взаимодействуют, подкрепляя или ослабляя друг друга.

Изучение реальной истории нравов требует гораздо более разнообразных источников, чем история нормативных канонов. Сексуальность средневековой России изучается в основном по законодательным документам, пенитенциалиям и житиям святых. Позже к ним добавляются многочисленные другие источники: демографические данные переписей населения, социально-медицинская статистика, этнографические описания народных обычаев, личные документы (дневники, автобиографии, письма), художественная литература, биографии, педагогические сочинения и многое другое. Но каждый вид источников имеет собственную специфику. Кроме того, приходится считаться с тем, под каким углом зрения и с какой целью составлен тот или иной документ или описание. Писатель или этнограф, симпатизирующий крестьянской общине, описывает ее иначе, нежели тот, кто считает ее тормозом исторического развития. Далеко не одно и то же, обсуждается ли сексуальность в связи с эволюцией института брака, в рамках проблемы проституции или в контексте эпидемиологии венерических заболеваний.

Применительно к России широкие обобщения особенно трудны и рискованны. Огромные размеры и многонациональность страны неизбежно порождают множество региональных различий и вариаций. Растянувшийся на несколько столетий процесс христианизации, в который все время включались новые народы и народности, был во многом поверхностным, верхушечным. В народных верованиях, обрядах и обычаях хри-

⁴⁶ C.Carey/ Les proverbes erotiques russes, p.64.

стианские нормы не только соседствовали с языческими, но зачастую перекрывались ими.

Как пишет Б.А. Успенский, «анти-поведение всегда играло большую роль в русском быту. Очень часто оно имело ритуальный, магический характер, выполняя при этом самые разнообразные функции (в частности, поминальную, вегетативную и т.п.). По своему происхождению это магическое анти-поведение связано с языческими представлениями о потустороннем мире. Оно соотносилось с календарным циклом и, соответственно, в определенные временные периоды (например, на святки, на масленицу, в купальские дни) анти-поведение признавалось уместным и даже оправданным (или практически неизбежным).

Будучи антитетически противопоставлено нормативному, с христианской точки зрения, поведению, анти-поведение, выражающееся в сознательном отказе от принятых норм, способствует сохранению традиционных языческих обрядов. Поэтому наряду с поведением антицерковным и вообще антихристианским здесь могут наблюдаться архаические формы поведения, которые в свое время имели вполне регламентированный, обрядовый характер; однако языческие ритуалы не воспринимаются в этих условиях как самостоятельная и независимая форма поведения, но осознаются – в перспективе христианских представлений – именно как отклонение от нормы, т. е. реализация «неправильного» поведения. В итоге анти-поведение может принимать самые разнообразные формы: в частности, для него характерно ритуальное обнажение, сквернословие, глумление над христианским культом».⁴⁷

Духовные лица особенно жаловались на святочные игры. Вяземский иконописец старец Григорий в 1661 г. доносил царю Алексею Михайловичу, что у них в Вязьме «игрища разные и мерзкие бывают вначале от Рождества Христова до Богоявления всенощные, на коих святых нарицают, и монастыри делают, и архимандрита, и келаря, и старцов нарицают, там же и жонок и девок много ходят, и тамо девицы девство диаволу отдают».⁴⁸

В сфере любовных и сексуальных отношений позиции язычества были особенно крепки. Петербургский историк Борис Миронов, подвергший количественному анализу 372 заговора, распространенных среди крестьян в первой половине XIX в., нашел, что на 6 любовных заговоров с христианской атрибутикой приходилось 25 языческих и 2 синкретических, т. е. нехристианская символика составляет почти 82 процента.⁴⁹

В некоторых свадебных и календарных обрядах сохранялись явные пережитки древних оргиастических праздников и группового брака. На-

⁴⁷ Б.А.Успенский. «Заветные сказки» А.Н.Афанасьева // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М., 1993, с.119-120.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Б.Н.Миронов. История в цифрах. Математика в исторических исследованиях. Л.: «Наука», 1991, с.19-20.

пример, на русском Севере в конце XIX – начале XX в. еще бытовали «скакания» и «яровуха», которые уже Стоглавый собор объявил «бесовскими». Их подробно описывает Т.А.Бернштам.⁵⁰

«Скакания» (от глагола «скакать») происходили накануне венчания в доме жениха, куда молодежь, включая невесту, приходила «вина пить», после чего все становились в круг, обхватив друг друга за плечи, и скакали, высоко вскидывая ноги, задирая подола юбок и распевая песни откровенно эротического содержания. Заканчивалось это групповое веселье сном вповалку.

«Яровуха» (по имени языческого божества плодородия Ярилы) состояла в том, что после вечеринки в доме невесты вся молодежь оставалась там спать вповалку, причем допускалась большая вольность обращения, за исключением последней интимной близости. Это был типичный «свальный грех», форма группового секса.

Описания подобных обычаев в этнографической литературе весьма противоречивы. Один из корреспондентов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева писал в 1890-х годах о Пошехонском уезде Ярославской губернии, что хотя ныне такого обычая не существует, «в старину, говорят, в некоторых глухих местах уезда, как, например, в Подорвановской волости, на деревенских беседах были «гаски». Молодежь, оставшись одна, гасила лучину и вступала между собой в свальный грех. Ныне только кое-где сохранилось одно слово «гаски».⁵¹ Однако другой информатор, признавая нескромность и грубость деревенских ласк и ухаживаний, подчеркивал, что деревенское общество, особенно старики, строго контролировали сохранение целомудрия: «Общественное мнение одобряло постоянство пар и сохранение определенного предела в степени близости, за который переступали, как правило, лишь после свадьбы».⁵²

Не в силах побороть бесчисленные и разнообразные пережитки язычества, православие было вынуждено, если не прямо инкорпорировать их, то смотреть на некоторые из них сквозь пальцы. Поэтому оно кажется порой более реалистичным и терпимым, чем католицизм, – например, в таких вопросах, как безбрачие духовенства. Однако вынужденные уступки неискоренимой «натуралистичности» крестьянского быта и концепции человеческой природы компенсировались усиленным спиритуализмом и внемирским аскетизмом самой церковной доктрины, что дает основание

⁵⁰ См. Т.А.Бернштам. Девушка-невеста и предбрачная обрядовость в Поморье в XIX – начале XX вв. // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978, с.49-71. Она же. Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX – начале XX вв. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л.: «Наука», 1977, с.88-115.

⁵¹ Цит. по М.М.Громыко. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: «Наука», 1986, с.231.

⁵² Там же, с.232.

многим мыслителям говорить об особой, исключительной «духовности» православия.

Противоречие между высочайшей духовностью и полной бестелесностью «сверху» и грубой натуралистичностью «снизу», на уровне повседневной жизни, проходит через всю историю русской культуры, включая многие крестьянские обычаи.

В русской деревне высоко ценилась девственность. Само слово «невеста» буквально означает «неведомая», «неизвестная». В русской свадебной обрядности был широко распространен обычай «посада»: невеста должна была сесть на особое священное место, но не смела сделать это, если она уже потеряла девственность. Интересно, что такое же требование сохранения девственности формально предъявлялось и жениху. Если в первую брачную ночь невеста оказывалась нецеломудренной, брак мог быть расторгнут. Кое-где такой невесте, ее родителям или свахе в знак позора одевали на шею хомут как символ женских гениталий и одновременно – знак отношения «грешницы» к миру не знающих культурных запретов животных.⁵³ От деревенской цензуры нравов практически невозможно было укрыться.

В то время, как и в странах Западной Европы (Франция, Испания, Германия, северная Италия, Скандинавия), в русском быту и свадебной обрядности действовали совсем другие нормы, в которых нетрудно увидеть пережитки группового или пробного брака. Повсеместно принятые формы группового общения молодежи – «посиделки», «поседки», «беседки», «вечерки», «игрища», украинские «вечерныци» – не только допускали, но и требовали некоторой вольности в обращении, так что девушка, чересчур усердно сопротивлявшаяся ухаживанию и вольным шуткам, могла даже быть исключена из собрания.⁵⁴

На Украине, как и в ряде стран Западной Европы, существовал обычай «досвиток», или «поднечовывания», когда парень, иногда даже двое

⁵³ См. А.К.Байбурин, Г.А.Левинтон. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Под ред. К.В.Чистова и Т.А.Бернштам. Л.: «Наука», 1978, с.94-95. Вот как описывался этот обряд во Владимирской губернии конца XIX века:

Особый смысл придается утру после свадебной ночи. Если невеста оказалась честной, то ее прямо в рубашке выводят к гостям. Жених кланяется ее родителям, благодарит их за «хорошую державу». Гости в это время начинают бить посуду. Если невеста не была честной, то ее родителям подносят «худой» стакан вина, «худой» горшок, а иногда надевают хомут. В таком случае пир прекращается и родители невесты вскоре уезжают. Муж может взять вину на себя, тогда пир продолжается. На следующий после свадьбы день происходит беленье молодых – мытье в бане, во время которого в предбаннике и около бани пьют водку и пляшут деревенские бабы...

(Быт великорусских крестьян-землепашцев, с.260).

⁵⁴ См. Т.А.Бернштам. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: «Наука», 1988. См. также В.Я.Пропп. Русские аграрные праздники. Л., 1963; Б.А.Романов. Люди и нравы Древней Руси; Г.А.Носова. Язычество в православии. М.: «Наука», 1975.

или трое парней, оставались с девушкой до утра. Хотя официально считалось, что они сохраняли при этом целомудрие, практически дело зависело от их личного усмотрения. Строго запрещалась только связь девушки с парнем из чужой деревни. Этот обычай сохранялся даже в 1920-х годах. По данным одного опроса, 73496 украинских девушек начали свою половую жизнь именно во время подночевывания.⁵⁵

В русских деревнях такой обычай неизвестен. Половую близость, если она имела место, старались держать в тайне, хотя друзья молодых людей часто о ней знали.⁵⁶ Тем не менее нравы и обычаи русской деревни никогда не были викторианскими. Вот как выглядели отношения крестьянской молодежи Владимирской губернии в конце XIX – начале XX вв., по данным информаторов князя Тенишева.⁵⁷

«Пора половой зрелости наступает в 14-16 лет. Девушки внешне ее стыдятся, но между собой этим «выхваляются». Парни целомудрия не хранят. Из шестидесяти особ женского пола более десяти, по подсчетам корреспондента, помогают утрате невинности парням. На это смотрят сквозь пальцы, однако девушку, потерявшую невинность, как правило, не сватают».

«Возраст достижения половой зрелости для девушек – 15 лет, для парней – 16 лет. Родители эти перемены воспринимают спокойно и не препятствуют гулянию по ночам».

«Половая зрелость наступает незаметно, в свой срок. Относятся к этому «запросто», а узнают об этом чаще всего случайно: так, например, если девушка в воскресный день не идет в церковь, то объяснять никому ничего не приходится. Посторонние скажут о такой девушке, что она уже «на себе носит».

«Отношение парней к девицам грубовато-вольное (поощрительное замечание “ай да девка” сопровождается ударом кулака по спине избранницы), на что девицы притворно сердятся. На подобных встречах бывают песни, пляски, исполняются частушки, но в основном непристойного содержания (напр. “Милашка моя, / Уважь-ка меня. / Если будешь уважать, / Я с тобой буду лежать”»).

«Каждый парень не моложе 17 лет выбирает себе девушку, выбор свободен, если же парень придется не по нраву, то девушка может “не стоять” с ним. Девушки ценят в парнях силу, ловкость, умение красноречиво говорить и играть на гармонии. Одежда также играет не последнюю роль. Эталон красоты парня: гордая поступь, смелый вид, высокий рост,

⁵⁵ И.Тарадин. «Досвитки» и их влияние на половую жизнь крестьянской молодежи. // Профилактическая медицина. 1926. № 7-8, с.96-104. Цит по: S.G.Solomon. Innocence and sexuality in Soviet medical discourse // Women in Russia and Ukraine. Edited and translated by R.Marsh. Cambridge University Press, 1996, p.121-130

⁵⁶ См. D/Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin; Liepzig, 1927, ss.338-341.

⁵⁷ Быт великорусских крестьян-землепашцев, с.236-276.

кудрявые волосы. Эталон красоты девушки: плавная походка, скромный взгляд, высокий рост, густые волосы, “полнота, круглота и румянец лица”. Парень считает себя неким “распорядителем поступков” выбранной им девушки, в ходу наказания за неповиновение девушки, даже побои. Однако на людях вольности или грубость не проявляются».

«Ухаживания сопровождаются некоторыми вольностями – “хватаниями”, разного рода намсками, но ухажеры платьев не поднимают. Добрачные связи возникают, их внешне порицают, и потому приходится скрываться. Честь девушки ценится высоко, поэтому лишение невинности считается позором, но в то же время опозоривший не несет за свой поступок никакой ответственности. Наблюдается упадок нравственности, особенно на фабриках. На половую связь девушки с зажиточным парнем смотрят снисходительно, однако имеющие таковую на посиделки не ходят, боясь быть осмеянными. Браки по любви явление редкое».

«Общение и поведение молодежи отличается свободой, даже днем позволяют себе объятия, ночью же допускаются все “безобразные вольности”. Отношение родителей к подобному поведению самое безразличное, а в иных случаях родители сами посылают детей на “гульбища”».

«Грубость при ухаживаниях позволительна, старшие на подобные вещи, как правило, смотрят сквозь пальцы, но некоторые отцы загоняют молодежь домой еще в сумерки».

«У каждой девушки есть парень, который называется “игральщиком”. Ему она дарит носовой платок, а он подносит ей колечко.. В первые часы встреч молодежь ведет себя сдержанно, после хороводов позволяют себе развязные игры и разного рода вольности. Вечером парни и девушки любезничают наедине, каждая девушка со своим игральщиком. Отношение родителей к вольностям, которые позволяют себе их дети, снисходительное: “сами так гуливали”».

«Добрачные связи имеют место, но тщательно скрываются и не рассматриваются как повод для женитьбы. Ночное или вечернее время прикрывает вольности и греховность поведения. Беременность, как правило, стараются “прикрыть венцом”. В богатых семьях честь девушки ценится высоко: ей не позволяется не только “стоять” с парнями, но гулять по вечерам».

«“До греха” дело доходит редко, поскольку честью девичьей дорожат, впрочем, в последнее время случаи ее утраты увеличиваются – сказывается влияние фабрики. В редких случаях парень женится на забеременевшей и фактически погубленной им девушке, такая девица достается лишь вдовцу. В народе считается грехом для девушки сойтись с человеком, который выше ее по положению в обществе».

Двойной стандарт в отношениях между парнями и девушками усугублялся имущественным расслоением деревни. Если парню удавалось хотя бы единожды соблазнить или насильно принудить девушку к близости, она уже ни в чем не могла ему отказать, боясь огласки. Этим пользова-

лись охотники за богатыми невестами. Существовало даже понятие брака «по обману». Особенно страшна была беременность; крестьянская община в подобных ситуациях обычно не вмешивалась, все зависело от самого парня и договоренности между родителями молодых людей. При большом имущественном неравенстве любовников, чтобы избежать пересудов, иногда практиковалось условное, по взаимной договоренности, похищение невесты, после которого родителям, даже если они все заранее знали, оставалось только развести руками.⁵⁸

В целом внебрачные, «незаконные» рождения в дореволюционной русской деревне были сравнительно редки: в конце XIX в. они составляли лишь около 2 процентов, а в целом по Европейской России – 2,5-3 процента всех рождений.⁵⁹ Однако во многих регионах, особенно на Севере, к добрачным связям и к рождению добрачных детей относились терпимо. Это не было препятствием к вступлению в брак, а кое-где даже помогало ему.

Вот как оценивали это крестьяне Вологодской губернии: «Холостяга пока женится, 2-3 детей имеет от разных матерей»; «Из 10 браков в одном только девушка выходит замуж непорочной»; «В большей части губернии девичьему целомудрию не придается строго значения. Имеющая ребенка может скорее выйти замуж, – значит, не будет неплодна, а неплодность всегда приписывается жене».⁶⁰ Сходные мнения и установки существовали в Западной Сибири.⁶¹

О нравах владимирских крестьян один из тенишевских корреспондентов пишет:

Потеря девственности не считается преступлением, об этом отзываются «преравнодушно». Честных девушек – из десяти одна или две. Утрату девственности помогают скрыть свахи. К забеременевшей девице посторонние относятся снисходительно и даже с некоторым уважением, ибо девушка, «принявши грех, приняла и стыд и тем не погубила невинную душеньку; со стороны же родных несчастная девица принимает побои за позор роду и дому». Девушку, родившую ребенка, ни один парень замуж не возьмет.⁶²

⁵⁸ B.A.Engel. *Between the Fields and the City. Women, Work, and Family in Russia, 1861-1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; B.A.Engel. *Peasant morality and premarital relations in late 19th century Russia* // *Journal of Social History*, vol.23 (1990), 4, pp.694-714; S.P.Frank. «Simple folk, savage customs?» Youth, sociability, and the dynamic of culture in rural Russia, 1856-1914 // *Journal of Social History*, vol.25 (Summer, 1992), 4, pp.711-736; W.G.Wagner. *Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia*. Oxford, Clarendon Press, 1994.

⁵⁹ Б.Н.Миронов. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сборник статей под ред. А.Г.Вишневого*. М.: «Статистика», 1977, с.83-104.

⁶⁰ См. Т.А.Бернштам. Молодежь в обрядовой жизни русской общины в XIX – начале XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: «Наука», 1988, с.51, 109.

⁶¹ См. Н.А.Миненко. *Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVII – первая половина XIX в.)*. Новосибирск: «Наука», 1979, с.217.

⁶² Быт великорусских крестьян-землепашцев, с.275-276.

Согласно другому информатору, «девственности невесты особого значения не придают. Обряд, совершаемый для проверки целомудрия, утратил силу около 25 лет назад. Правда, отдельные молодые жены, потерявшие невинность до свадьбы, прибегают к уловкам, не допуская полового сношения «до бани», ссылаясь на месячные очищения или сильные боли. Однако молодой супруг вправе упрекать жену и открыто обвинять в нецеломудрии, если обнаружится виновник, обольститель. С этого момента случай предается гласности и осуждается общественным мнением, молвой».⁶³ Вообще «нецеломудрие невесты – основная причина семейных раздоров».⁶⁴

Большие споры вызывают особенности русской «смеховой» культуры. В Западной Европе она служила своего рода мостом между «высокой» и «низкой» культурой. В карнавале, исполненном веселья и эротики, участвовали все, даже духовные лица, причем в нем не было деления на исполнителей и зрителей. По выражению М. Бахтина, здесь «все активные участники, все причащаются карнавальному действию. Карнавал не совершают и, строго говоря, даже не разыгрывают, а живут в нем, живут по его законам, пока эти законы действуют».⁶⁵

В России, как указывают Юрий Лотман и Борис Успенский, мера игровой раскованности была гораздо уже.⁶⁶ Знатные лица, тем более – духовные, сами не участвовали в плясках и играх скоморохов, относясь к ним просто как к смешному зрелищу. Провоцирование смеха («смехотворение») и чрезмерный «смех до слез» почитались в допетровской Руси греховными. Ограничивалась и самоотдача игровому веселью. Иностранцы с изумлением отмечали, что пляска на пиру у русского боярина была лишь зрелищем и, как всякое искусство, трудом: тот, кто плясал, не веселился, а работал, веселье же было уделом зрителей, слишком важных, чтобы танцевать самим. По словам одного польского автора начала XVII века, «русские бояре смеялись над западными танцами, считая неприличным плясать честному человеку... Человек честный, говорят они, должен сидеть на своем месте и только забавляться кривляниями шута, а не сам быть шутком для забавы другого: это не годится».

Когда Иван Грозный заставлял бояр надевать маски и чужое платье, это было сознательным их унижением, а нередко и богохульством, за которым иногда следовала кровавая расправа. Явно кощунственными были

⁶³ Там же, с.259.

⁶⁴ Там же, с.261.

⁶⁵ М.М.Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: «Художественная литература», 1990, с.207.

⁶⁶ См. Ю.Лотман, Б.Успенский. Новые аспекты изучения культуры древней Руси // Вопросы литературы, 1977, № 3, с.159-161. Ср. Д.С.Лихачев, А.М.Панченко, Н.В.Поныр-ко. Смех в Древней Руси. М.: «Наука», 1984; А.Я.Гуревич. Проблемы средневековой культуры. М.: «Искусство», 1981.

и некоторые развлечения Петра I в кругу его приближенных, хотя он ввел также обычай вполне респектабельных придворных «машкерадов» и бальных танцев.

Разумается, ограничения самоотдачи игровому веселью касались только «официального» поведения, мы не найдем их в крестьянской среде. Тем не менее чванство и повышенная забота о сохранении своего «лица» довольно характерны.

Судя по имеющимся данным, быт и нравы русского крестьянства, включая сексуальное поведение и ценности, оставались относительно стабильными в течение столетий. В центре всей жизни крестьянина стояла семья, а главным регулятором его отношений с окружающими была сельская община.⁶⁷

Для Европейской России было типично раннее и почти всеобщее вступление в брак. По свидетельству Николая Костомарова, в XVI-XVII вв. «русские женились очень рано. Бывало, что жених имел от 12 до 13 лет. Редко случалось, чтобы русский долго оставался неженатым».⁶⁸ Правда, против слишком ранних браков возражали и церковь, и государство. В 1410 г. митрополит Фотий в послании новгородскому архиепископу строго запрещал венчать «девочок меньше двенадцати лет».⁶⁹ Петр I в 1714 г. запретил дворянам жениться моложе 20 и выходить замуж до 17 лет. По указу Екатерины II (1775) всем сословиям запрещалось венчать мужчин моложе 15, а женщин – моложе 13 лет; за нарушение этого указа брак расторгался, а священник лишался сана. В дальнейшем нижняя граница брачного возраста еще более повысилась. В середине XIX в. разрешалось венчать невест лишь по достижении 16, а женихов – 18 лет.⁷⁰

Но и откладывать брак не рекомендовалось. В 1607 г. царь Василий Шуйский предписывал всем, кто «держат рабу до 18 лет девку, а вдову после мужа более дву лет, а парня холостаго за 20 лет, а не женят и воли им не дают, тем дати отпускныя...»⁷¹

Память о ранних браках была еще повсеместно жива в конце XIX – начале XX вв. Во многих районах они и реально существовали в скрытой форме. Отцы сосватывали своих детей-подростков в 12-15 лет, в 14-16 объявляли их женихом и невестой, а в 16-17 лет венчали. В южнорусских

⁶⁷ В последующем изложении я широко использую работы Б.Н.Миронова «Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в.» и А.Г.Вишневого «Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России» из кн. «Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР». Сборник статей под ред. А.Г.Вишневого. М.: «Статистика», 1977, с.83-104, 105-134.

⁶⁸ Н.И.Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887, с.226.

⁶⁹ Б.А.Романов. Люди и нравы Древней Руси, с.188.

⁷⁰ А.Терещенко. Быт русского народа. Т.II. СПб., 1848, с.37-38.

⁷¹ В.Н.Татищев. История Российская. Т.VII. Л., 1968, с.374.

и западнорусских районах иногда устраивали действительную свадьбу 12-14-летних подростков со всеми обрядами, кроме брачной ночи, но до наступления совершеннолетия «молодые» жили порознь в домах своих родителей.⁷²

В Елатомском уезде Тамбовской губернии женили подростков, когда девочка еще играла в куклы, а ее мужа наказывали розгами. Постепенно их приучали видеть друг друга и играть, но на ночь разводили по домам или по разным комнатам, а в 15 лет сводили для брачной жизни. Подобные браки были известны и на Севере: бабушки середины XIX в. вспоминали, как на другой день после свадьбы они бегали домой за куклами. Особая склонность к ранним бракам существовала в старообрядческой среде. По данным выборочных медицинских обследований, в 1880-х годах в одном из уездов Ярославской губернии 4 процента крестьянских женщин выходили замуж до начала менструаций, в Тульской губернии таковых было свыше 20 процентов.

В том, чтобы не откладывать брак, были заинтересованы и семья, и община, и сами молодые люди. До брака крестьянский парень, сколько бы ему ни было лет, никем в деревне всерьез не принимался. Он – не «мужик», а «малый», который находится в полном подчинении у старших. Он не имеет права голоса ни в семье («не думает семейную думу»), ни на крестьянском сходе – главном органе крестьянского самоуправления. Полноправным «мужиком» он становится только после женитьбы.⁷³

Холостяков в деревне не любили и не уважали. «Холостой что бешеный». «Холостой – полчеловека», – говорили крестьяне. Еще хуже было положение незамужней старой девы.

Возрастные нормы и представления о совершеннолетию варьировали в разных губерниях, но были весьма устойчивыми. Брачный возраст постепенно повышался, но вступление в брак было практически всеобщим. По данным переписи населения 1897 г., к возрасту 40-49 лет в сельском населении Европейской России было всего лишь около 3 процентов мужчин и 4 процентов женщин, которые никогда не состояли в браке.⁷⁴

Браки, заключавшиеся по экономическим и социальным мотивам, естественно, не были основаны на любви. Это не значит, что индивидуальная любовь была невозможна и полностью отсутствовала. Чудом сохранившаяся новгородская берестяная грамота второй половины XIV-XV вв. донесла до нас выразительное и страстное любовное послание: «[Како ся разгоре сердце мое, и тело мое, и душа моя до тебе и до тела до твоего, и до виду до тво]его, тако ся разгори сердце твое, и тело твое, и душа твоя

⁷² См. Т.А.Бернштам. Молодежь в обрядовой жизни русской общины, с.48-49.

⁷³ Миронов. Традиционное демографическое поведение, с.86.

⁷⁴ См. М.С.Тольц. Брачность населения России в конце XIX – начала XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР, с.138-153.

до мене, и до тела до моего, и до виду до моего...»⁷⁵ Однако ни церковь, ни общество, ни община не считали любовь ни необходимым, ни достаточным условием для брака. Первые документальные свидетельства о значении эмоциональных факторов при заключении брака появляются не ранее XVII века.⁷⁶ Индивидуальная привязанность была возможной, желательной, но несущественной. Здесь действовал принцип: «Стерпится – слюбится».

Так думали и чувствовали не только крестьяне. Известный русский мемуарист XVIII в. Андрей Болотов рассказывает, что в поисках невесты он хотел найти девушку, которая бы «собой была хотя не красавица, но по крайней мере такова, чтоб мог я ее и она меня любить».⁷⁷ Найденная им невеста, почти девочка (сватовство началось, когда ей было 12 лет, но было отстрочено), не поразила его воображение. «Сколько ни старался, и даже сколько ни желал я в образе ее найти что-нибудь для себя в особенности пленительное, но не мог никак ничего найти тому подобного: великая ее молодость была всему тому причиной... Со всем тем доволен я был, по крайней мере, тем, что не находил в ней ничего для себя противного и отвратительного».⁷⁸

Еще меньше возможностей выбора имела невеста. Гавриил Державин, заручившись согласием на брак матери своей будущей жены, решил затем «узнать собственно ее мысли в рассуждении его, почитая для себя недостаточным пользоваться одним согласием матери». Встретившись с девушкой, Державин спросил, «известна ли она о искании его – Матушка ей сказывала, она отвечала. – Что она думает? «От нея зависит». – Но если б от вас, могу ли я надеяться? – «Вы мне не противны», – сказала красавица вполголоса, покрасневшись».⁷⁹

Можно ли было ожидать от таких браков страстной любви? Тот же Болотов так описывает свои отношения с женой: «Я, полюбив ее с первого дня искреннюю супружескую любовью, сколько ни старался к ней со своей стороны ласкаться и как ни приискивал и ни употреблял все, что мог, чем бы ее забавить, увеселить и к себе теснее прилепить можно было, но успех имел в том очень малый. Не мог я от ней ни малейших взаимных и таких ласк и приветливостей, какие обыкновенно молодые жены

⁷⁵ Цит. по В.Л.Янин. Комплекс берестяных грамот № 519-521 из Новгорода // Общество и государство феодальной России. М.: «Наука», 1975, с.36-37.

⁷⁶ См. Н.Л.Пушкарева. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: «Ладомир», 1997.

⁷⁷ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738-1793. М.; Л.: «Academia», 1931, т.2, с.251.

⁷⁸ Там же, с.276-277. Интересный очерк эволюции понятия любви в русской культуре см.: А.Г.Вишневский. Страсть и супружество // Социологические исследования, 1986, № 2, с.108-121.

⁷⁹ Г.Р.Державин. Записки... // Сочинения. Л.: «Художественная литература», 1987, с.328.

оказывают и при людях и без них мужьям своим. Нет, сего удовольствия не имел я в жизни!» Тем не менее Болотов считает, что должен быть «женитьбою своею довольным и благодарить Бога».⁸⁰

Постепенно установки на этот счет в дворянской среде менялись. Под влиянием сентиментализма в XVIII в. в России появилась светская любовная лирика (важную роль в этом сыграл Тредиаковский). В 1802 году Н.М. Карамзин отметил, что в русском языке появилось «новое слово» – влюбленность.⁸¹ Брак, не теряя своего основного характера социального союза, также становится более индивидуально-избирательным.

Но крестьянские отношения оставались прежними. Вот бесхитростный рассказ орловского крестьянина: «В первых числах мая 1910 года состоялась наша свадьба с девушкой Марьяной, с которой живу донине. Мы поженились, не зная и не думая ни о какой любви, даже не зная друг друга до свадьбы. Так делали все. Нужна была жена в доме, работать, стирать, варить. Конечно, знал я и она, что будем спать вместе и будут у нас дети, которых надо растить и воспитывать. Всего родилось у нас 10 детей, из которых 6 выросло».⁸²

О физиологии секса крестьянские дети, которые жили в тесном контакте с природой, которых не шокировало зрелище спаривания животных и которые прекрасно видели все, что делали их родители, знали гораздо больше позднейших поколений юных горожан. Но натуралистическая философия сексуальности была плохо совместима с романтической образностью. «Крестьяне смотрят на зачатия и рождения по аналогии с животными и растениями, а последние для того и существуют, чтобы плодносить», – писал о деревне 50-70-х гг. XIX в. священник Ф. Гиляровский,⁸³ и эта жизненная философия мало изменилась в последующие полвека.

Рождаемость в крестьянских семьях, как и детская смертность, были высокими, но ни то, ни другое не было результатом свободного выбора. Дети рождались и умирали по воле Божией. Болотов, как за три века до него Мишель Монтень, весьма спокойно повествует о смерти своего ребенка (причем первенца, которыми особенно дорожили): «Оспа... похитила у нас сего первенца к великому огорчению его матери. Я и сам, хотя и пожертвовал ему несколькими каплями слез, однако перенес сей случай с нарочитым твердодушием: философия помогла мне много в том, а надежда... вскоре видеть у себя детей, ибо жена моя была опять беременна,

⁸⁰ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738-1793. М.; Л.: «Academia», 1931, т.2, с.306-307,310.

⁸¹ Н.М.Карамзин. Моя исповедь // Избранные произведения в двух томах. Т.1. М.; Л.: «Художественная литература», 1964, с.732.

⁸² Марк Поповский. Третий лишний. Он, она и советский режим. London, Overseas Publications, 1984, p.179.

⁸³ Цит. по: Миронов. Традиционное демографическое поведение, с.94.

помогла нам через короткое время и забыть сие несчастье, буде сие несчастьем назвать можно».⁸⁴

Столетие спустя так же и даже гораздо более жестко рассуждает герой толстовской «Крейцеровой сонаты» Позднышев, осуждающий свою жену за ее чрезмерные переживания по поводу болезни и смерти детей: «Если бы она была совсем животное, она бы так не мучалась; если же бы она была совсем человек, то у нее была бы вера в Бога, и она бы говорила и думала, как говорят верующие бабы: «Бог дал. Бог и взял, от Бога не уйдешь». Она бы думала, что жизнь и смерть как всех людей, так и ее детей вне власти людей, а только во власти Бога, и тогда бы она не мучалась тем, что в ее власти было предотвратить болезни и смерти детей, а она этого не сделала».⁸⁵ Если так рассуждал Толстой, чего было ждать от крестьянина?⁸⁶

Функциональное отношение к «бабе», которая была нужна, во-первых, для работы и, во-вторых, для рождения и выращивания детей, проявлялась и в самом ритме супружеской сексуальности. Интенсивность половой жизни в России, как и в доиндустриальной Западной Европе, находилась в тесной зависимости от календаря церковных постов и праздников, за которыми в действительности стоял ритм сельскохозяйственных работ.

О.П.Семенова-Тян-Шанская, изучавшая жизнь крестьян в Рязанской губернии, отмечала, что сожителство мужика с женой зависит от его сытости или голода: «Отъевшийся осенью Иван, да еще после «шкалика», всегда неумерен. А Иван голодный, в рабочую пору например, собственно, не живет с женой».⁸⁷

Другой внимательный наблюдатель крестьянской жизни, писатель Глеб Успенский подметил «существование в крестьянском быту желания сохранить женщину для возможно большего количества рабочих дней – желания, чтобы «баба» в трудную рабочую пору «страды» была здорова, не лежала в родах и не была брюхата».⁸⁸

Анализ помесечной динамики рождаемости показывает, что, как и странах Западной Европы, чередование постов и праздников облегчало реализацию этой задачи. Самой высокой была рождаемость в январе и

⁸⁴ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738-1793. Т.1. СПб., 1871, с.645.

⁸⁵ Л.Н.Толстой. Крейцера соната // Собрание сочинений в 22 томах, т.12. М.: «Художественная литература», 1982, с.160.

⁸⁶ См. об этом подробнее: А.Г.Вишневский. Место исторического знания в изучении прокреативного поведения в СССР // Второй советско-французский демографический семинар, Суздаль, 15-19 сентября 1986. М., 1986.

⁸⁷ О.П.Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана» // Записки Императорского Российского Географического общества по отделению этнографии. Т.39. СПб., 1914, с.59.

⁸⁸ Г.И.Успенский. Власть земли // Собрание сочинений в 9 томах, т.5, ГИХЛ, 1956, с.186.

октябре (почти 10 процентов всех родившихся за год), что соответствовало зачатиям в Рождественский мясоед, либо весной, после Великого поста, а меньше всего детей (7-7,5 процентов, иногда меньше) рождалось в декабре (влияние Великого поста) и в апреле-мае (зачатия периода летней страды и Успенского поста).⁸⁹

Хотя крестьянство было самым многочисленным классом российского общества и хранителем его национальных традиций, новые тенденции сексуальной морали и поведения и, что особенно важно, рефлексия по этому поводу зарождались не в деревне, а в городе.

Как и в Западной Европе, урбанизация России принесла с собой много нового и породила целый ряд ранее неизвестных проблем.

Наиболее общей тенденцией становления буржуазного общества была плюрализация и индивидуализация стилей жизни и связанное с этим изменение форм и методов социального контроля за сексуальностью. Если феодальное общество подчиняло сексуальность индивида задаче укрепления его семейных, родственных и иных социальных связей, то буржуазная эпоха выдвигает на первый план ценности индивидуально-психологического, личного порядка. Некогда единые, одинаковые для всех нормы религиозной морали расслаиваются, уступая место специфическим кодам, связанным с особым образом жизни того или иного сословия, социальной группы.

Первым, естественно, эмансипировалось дворянство, аристократия. Оно и раньше не особенно считалось с церковными ограничениями. Многое из того, что было для помещика запретным «в своем кругу», оказывалось вполне осуществимым с крепостной челядью, и при этом не считалось развратом. Трудно вообразить себе юного дворянского сына, сколь угодно религиозного и нравственного, который бы начал половую жизнь не с крестьянкой. Это было совершенно в порядке вещей. Если здесь и видели нравственную проблему, то исключительно проблему собственной моральной и физической чистоты.

Примеры помещичьего произвола, садизма, сексуального насилия, противостоять которому зависимые люди не могли, подрывали и раскачивали традиционные устои семейного благолепия как наверху, так и внизу. Отмена крепостного права в этом отношении мало что изменила, разве что теперь за сексуальные услуги приходилось платить.

Существенным фактором, подрывавшим семейные устои, был рост социальной мобильности населения. Отхожие промыслы, в которых участвовали миллионы крестьян, надолго отрывали женатых мужчин от семьи, нарушали регулярность половых отношений в браке, а кое-где вообще превращали его в фикцию. Как писал известный русский гигиенист Дмитрий Жбанков, «многим питерщикам, особенно приходящим домой

⁸⁹ Вишневецкий. Ранние этапы..., с.122.

через 3-5 лет, жена и семья, или, вернес, дом и хозяйство нужны только как обеспечение под старость, когда нельзя будет ходить в Питер, а до тех пор их привязанности и половые требования удовлетворяются в той или иной форме на стороне... Молодая жена не является помехой для отлучки, а, напротив, развязывает руки своему мужу, освобождает его от земли и деревни. Для некоторых женщин вся семейная жизнь ограничивается двумя-тремя месяцами».⁹⁰

Одних женщин это вынуждало к невольному воздержанию от половой жизни, другие находили утешение во внебрачных связях, хотя на глазах односельчан делать это было не так просто: уведомленный муж бил «изменницу» смертным боем при полном сочувствии соседей. «Жену, замеченную в прелюбодеянии, избивают до крайности, пока она не «бросит дурь». Мир в таком случае на стороне мужа».⁹¹ Привязанную к телеге, вымазанную дегтем и вываленную в пуху и в перьях голую женщину, которую мужик вел по деревне в наказание за измену, можно было видеть в русской деревне еще в конце XIX в. Максим Горький описывает такой случай в рассказе «Вывод».

Нравы городских фабричных рабочих были гораздо свободнее, но не чище крестьянских. Жилищная скученность, бедность, усугублявшаяся пьянством, оставляли мало возможностей для счастливой и стабильной брачной жизни. Многие женщины-работницы были вынуждены прирабатывать проституцией. Нередки были и случаи изнасилования. По словам известного русского юриста А. Ф. Кони, «с городом связаны: преждевременное половое развитие отроков и искусственно вызываемый им разврат юношей, под влиянием дурных примеров товарищей, своеобразного молодечества и широко развитой проституции, а также вредные развлечения, по большей части недоступные сельской жизни».⁹² «Половая распущенность», венерические заболевания и детская проституция упоминаются во всех описаниях городского быта второй половины XIX – начала XX в., причем этому нередко противопоставляли идеализированную «чистоту» и «целомудрие» традиционного крестьянского образа жизни.

⁹⁰ Д.Н.Жбанков. Бабыя сторона. Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 8. Кострома, 1891, с.82. Цит. по: Вишневский. Ранние этапы..., с.123.

⁹¹ Быт великорусских крестьян-землепашцев, с.275.

⁹² А.Ф.Кони. Самоубийство в законе и жизни // Собрание сочинений в 8 томах. Т.4. М.: «Юридическая литература», 1976, с.465.

Приложение 4

РУССКАЯ НАРОДНАЯ БОРЬБА СО СПИДОМ

Одна из самых больших издержек либерализации половой морали – распространение БППП. Привычное ханжество не позволяло советским людям говорить о них более или менее открыто, эти болезни, как и в XIX в., считались постыдными.

Это мешало санитарному просвещению, особенно когда речь шла о новых инфекциях, о которых люди ничего не знали. Однако бесплатная государственная медицина, сочетавшая лечение в специализированных кожно-венерологических диспансерах и клиниках с принуждением, – все случаи венерических заболеваний официально регистрировались, больных брали на специальный учет, источники заражения выяснялись, и врачи, с помощью милиции, старались проследить всю цепочку опасных связей, лечение было принудительным, уклонение от него и заведомое заражение кого-либо венерической болезнью подлежало уголовной ответственности (статья 115 Уголовного кодекса РСФСР) – позволяла блокировать опасность, удерживая ее в определенных рамках.

Заболеваемость сифилисом и гонореей даже снижалась. По официальной статистике, в 1987 г. в СССР на 100 тысяч населения было 5,6 больных сифилисом (в 1985 г. – 9,6), в 2,2 раза меньше, чем в США, и 86 больных гонореей (в 1985 г. – 113), в 6 раз меньше, чем в США. Даже с учетом ненадежности подобной статистики это можно было считать достижением.

Однако уже в начале 1980-х гг. врачи отмечали значительный рост, особенно среди молодежи и подростков, так называемых малых венерических заболеваний, которые часто протекают бессимптомно и при неупорядоченных сексуальных связях образуют запущенный «букет», с которым уже трудно сладить. Никакой сколько-нибудь серьезной профилактической работы среди населения не велось. Например, о генитальном герпесе и хламидиозе советские люди практически ничего не знали, пока не сталкивались с ними на личном опыте.

Развал советской системы резко ухудшил эпидемиологическую ситуацию. Экстенсивная половая жизнь с меняющимися партнерами, при незнании и несоблюдении элементарных правил безопасности и гигиены, сама по себе опасна. Кроме того, государственная медицина ослабела, а то и вовсе рухнула из-за отсутствия средств, лекарств и оборудования, а частная медицина не всем доступна и к тому же, когда дело касается заболеваний, требующих длительного лечения и последующего контроля, менее эффективна. Наконец, ослабел административный контроль, а официальная статистика стала еще менее надежной.

Отсюда – быстрый рост всех болезней, передаваемых половым путем (БППП), особенно среди молодежи и подростков. Заболеваемость сифилисом приняла поистине эпидемический характер. Число заболевших сифилисом среди взрослых с 1990 по 1995 год выросло в 33,4 раза, а среди подростков – в 51 раз. По числу зараженных сифилисом на 100000 населения Россия в 50 раз опережает США и Западную Европу. В 1995 г. зарегистрировано заболевание сифилисом 5 тысяч несовершеннолетних юношей и 15 тысяч девушек. Свыше тысячи из них – младше 14 лет.⁹³ Быстрый рост наблюдается и по другим БППП, причем, по мнению руководителей столичного здравоохранения, официальная статистика фиксирует немногим более половины реальных случаев заболевания, а независимые эксперты считают, что мимо нее проходит 60-70 процентов случаев «венеры». По данным проф. К.К. Борисенко, сейчас в стране официально зарегистрировано 1300 тысяч больных БППП, реальная же цифра составляет 3 миллиона.

Все чаще жертвами БППП становятся дети и подростки 12-14 лет. Это связано прежде всего с более ранним началом и экстенсивностью сексуальной жизни и особенно – с ростом детской проституции. При обследовании в 1989/90 гг. в Центральном кожно-венерологическом институте группы больных БППП подростков, выяснилось, что половую жизнь младше 17 лет они начинают вдвое чаще своих здоровых сверстниц, а среднее число сексуальных партнеров у них впятеро больше: 12,5 против 2,3.⁹⁴ Многие россияне даже не знают, что они больны и чем именно. Вместо того чтобы сразу обратиться в вендиспансер, юноши занимаются самолечением, наживая в результате новые болезни. У урологов даже появился новый диагноз – «хронический юношеский простатит».

Что делать? Снова сталкиваются те же две стратегии. Одни требуют ужесточения административных мер, например запрещения частным

⁹³ Российский статистический ежегодник, 1996. М.: Госкомстат, 1996, с.218-219.

⁹⁴ См. Борисенко К.К., Лосева О.К. «Заболеваемость молодежи болезнями, передаваемыми половым путем». Планирование семьи, № 4 (1994), стр. 20-22; Лосева О.К.. «Социально-медицинские аспекты болезней, передаваемых половым путем, у детей и подростков». Проблемы планирования семьи в России, стр. 90-96.

врачам лечить БППП. Другие, как московский эпидемиолог А. Хазиева, призывают считаться с социальными и психологическими реалиями: «Надо менять подход к больному, дать ему право выбора – к какому хочет врачу, пусть и идет: за деньги у частника или без денег в казенном учреждении. Однако частный врач обязан сообщать нам о случаях болезни, чтобы можно было правильно оценить эпидемическую обстановку, прогнозировать ситуацию и быть готовым к любым вариантам. Сегодня лечить такого больного частный венеролог не имеет права. Это неверно. Я бы высказалась за принцип лицензирования подобной практики: пусть квалифицированные врачи получают возможность лечить частным образом – разумеется, представляя правдивую статистику. Для этого надо пересмотреть инструктивные материалы Минздрава либо передать решение вопроса местным органам здравоохранения».⁹⁵

Пожалуй, самый характерный сюжет, в котором проявляются все противоречия постсоветской сексуальной политики, – отношение к СПИДу.

Благодаря социальной и сексуальной изоляции страны ВИЧ пришел в СССР значительно позже, чем на Запад, и в более мягкой форме. Мы имели несколько лет форы для подготовки к нему, но все это время было потрачено впустую. Сначала советская пресса, при участии чиновных эпидемиологов и руководителей Минздрава, использовала эпидемию в США для грязной антиамериканской пропагандистской кампании, будто бы ВИЧ изобретен Пентагоном в военных целях. Одновременно уверяли, что нам бояться совершенно нечего, потому что вирус поражает гомосексуалов и наркоманов, против которых у нас есть такое мощное средство, как уголовный кодекс.

После того как инфекция в СССР все-таки пришла и был диагностирован первый больной, начали создавать специализированную службу диагностики, однако все цифры держали в секрете. Покойный видный вирусолог академик медицины В.М. Жданов, первым опубликовавший в 1986 г. правдивую информацию о СПИДе в массовой печати, имел за это крупные неприятности.

В 1987 г., не столько в связи с осознанием опасности СПИДа, сколько в результате гласности, о СПИДе начали говорить публично. Однако все внимание было сосредоточено на так называемых «группах риска» – проститутках, наркоманах и особенно гомосексуалах, которых малевали самой черной краской. Что касается благонамеренных и сексуально благонадежных граждан, то им рекомендовали просто придерживаться норм традиционной моногамии, не нарушать супружеской верности, а при случайных связях, которых, впрочем, быть не должно, применять, как выразился в своем первом телевизионном интервью заведующий первой лабораторией по диагностике и лечению СПИДа Вадим Покровский,

⁹⁵ Ильин В. «Вам не хватало уличной нимфетки?» «Венера-пресс», 1992, № 4, стр. 2.

«извините, презерватив». Так это неприличное слово впервые прозвучало с непорочного советского телэкрана. Все это было скорее развлекательно, чем страшно.

Что же касается самых решительных людей, им все было ясно. В «Комсомольской правде» 1 августа 1987 г. было процитировано письмо 16 студентов-медиков, призывавших к физическому уничтожению всех проституток, наркоманов и гомосексуалов. СПИД рассматривался в нем как средство нравственного очищения общества. С этим мнением, разумеется, не согласились. Президент Академии медицинских наук В.И. Покровский сказал, что такие люди просто недостойны быть врачами.

Первой серьезной и тревожной публикацией о СПИДе в массовой печати была составленная из серии интервью статья Аллы Аловой «Жизнь при СПИДе: готовы ли мы?» в популярнейшем в то время еженедельнике «Огонек» (июль 1988 г.).⁹⁶

Отвечая на вопросы журналистки, я сказал, что меня крайне беспокоят «настойчивые разговоры о группах риска. Мы как бы отгородились от проблемы СПИДа этими группами: мол, СПИД – это там, у них, за непроницаемой стеной, а тут у нас все спокойно. Но стены нет, группы риска обитают не на Луне, а здесь, среди нас. И, простите, половой жизнью живут не только группы риска. Вполне добропорядочные люди тоже занимаются сексом, и не только со своими супругами, хотя бы потому, что не у всех есть семьи... Опасность заразиться СПИДом уже давно вышла из «резерваций» групп риска... Зоной риска стал вообще секс. И внебрачные, и добрачные, и даже брачные связи». Но секс как таковой устранить нельзя. На опыте борьбы американской армии с венерическими заболеваниями были показаны преимущества «оппортунистической» тактики перед «радикальным» требованием воздерживаться от случайных сексуальных связей, объяснялось, что эффективное использование презервативов зависит не только от их наличия и качества, но и от общей сексуальной культуры населения. Это были элементарные вещи, но в советской печати они сообщались впервые.

Страна предупреждалась также об опасности морализации и спидофобии: «В XIX веке сифилис был не опаснее, чем туберкулез. Однако отношение к больным сифилисом и к больным туберкулезом было разное. В случае туберкулеза инфекция порождала страх, но сами больные вызывали сочувствие. В случае венерического заболевания, поскольку оно было связано с нарушением религиозных и моральных запретов, отвращение и страх перед болезнью переносились на жертву. Конец XX века – вроде бы совсем иное отношение к сексу, совсем другие моральные критерии, но по отношению к больным СПИДом люди снова превращаются в беспощадных моралистов, в средневековых инквизиторов...

⁹⁶ Алова А. «Жизнь при СПИДе: готовы ли мы?» «Огонек», 1988, № 28, с. 12 – 15.

СПИД – своего рода экзамен для человечества на гуманность и здравый смысл... Вообще, если мораль данного общества выдает разрешение дискриминировать людей по одному признаку (зараженность СПИДом), это означает разрешение дискриминировать и по всем другим признакам. Как сухая трава от искры, вспыхнут национальные вопросы, расовые... Все общество превратится в систему гетто, которые будут ненавидеть друг друга.

– То, что безнравственно, негуманно, – оно и невыгодно?..

– Вот именно! Но нас-то десятилетиями учили абстрагироваться от понятия гуманности, уметь противопоставлять суровую историческую необходимость нравственным порывам, «слюнвявому либерализму», подавлять в себе жалость, элементарное человеческое сочувствие. Хорошо учили, и многие научились. Прибавьте в этому навыку вдолбленное в наши души четвертьвековым поиском «врагов народа», отточенное до автоматизма, до рефлекса умение переносить борьбу с недостатками с самих недостатков на любого имеющегося под рукой козла отпущения. Главное – всегда иметь козла»...

Однако для чиновников это были пустые слова, необычность которых только шокировала. Даже технические вопросы – одноразовые шприцы, презервативы – не решались. «Огонек» получил письмо из Риги, что там целый месяц не было презервативов. Алла Алова позвонила начальнику Главного аптечного управления Минздрава СССР:

«– Вас интересует изделие № 2? (Догадываюсь, что это своеобразный министерский эвфемизм).

– Изготовитель изделия № 2 – Миннефтехимпром СССР. Мы заказали ему на 1988 год 600 миллионов штук. Такова потребность населения в изделии № 2 для предупреждения заражения вирусом СПИДа.

– Простите, а каким образом вычислена эта потребность?

– Ученые подсчитали.

– Какие ученые? Из какого института?

– Я затрудняюсь сказать, не знаю... Но Миннефтехимпром отказался от такого плана, снизил план поставок на 1988 год до 220 миллионов, объяснив это отсутствием необходимых мощностей. А 220 миллионов проблему, конечно, не решат. Но все вопросы – к Миннефтехимпрому. Мы и так с ними бьемся, бьемся...

– Может быть, пока наша промышленность не справляется, в связи с ожидаемой эпидемией СПИДа надо закупить импортные... изделия?

– Нет, закупать мы не будем – валюты не хватает.

– А не намечается выпуск презервативов более высокого качества?

– Нет, зачем же – сейчас у нас изделия нормального качества. Их производят на импортной линии, они прочные, не рвутся. Так что в смысле предупреждения заражения СПИДом они высокока-

чественные, не уступают импортным. Ну, а в смысле удовольствия, удовлетворения женщин – это, знаете, нас не волнует.

Вообще мое мнение – презерватив погоды не сделает. Не должно быть случайных связей – вот главное! Тогда и презервативы не нужны будут. Если мужчина спит только с женой, зачем ему презервативы?..

– А как же быть молодежи и вообще всем тем, кто еще не вступил в брак?

– Ну, это случайные связи...»

С тех пор утекло много воды. Первые панические прогнозы о быстром распространении СПИДа в России, слава Богу, не оправдались,⁹⁷ зато притупили у людей чувство опасности. Однако число больных и инфицированных неуклонно растет, и скорость прироста возрастает. По данным Минздрава, на конец мая 1997 года в России зарегистрировано 4494 случая ВИЧ-инфекции, в том числе 259 больных. Минздрав считает, что реальные цифры в два-три раза выше.⁹⁸ В 1996 году в стране зарегистрировано больше новых случаев ВИЧ, чем за все девять лет с начала эпидемии! По оценкам В.В. Покровского, к 2000 году число ВИЧ-инфицированных может достигнуть восьмисот тысяч человек. Вполне возможно, что эти прогнозы не оправдаются так же, как и предыдущие. Но в том, что в некоторых портовых городах (Калининград, Новороссийск) и отдельных районах сибирской глубинки (Красноярский край) прирост ВИЧ-инфекции уже достиг эпидемических масштабов, сомневаться не приходится.

Все это – не неожиданность, и неподготовленность страны к эпидемии объясняется не только дефицитом средств.

В отличие от западных стран, первой наиболее многочисленной группой риска – 286 человек – были в России не гомосексуалы, наркоманы и проститутки, а новорожденные дети, которых заразили в родильных домах из-за отсутствия одноразовых шприцев и небрежности медицинского персонала. После этого сами они и их семьи стали жертвами не только страшной болезни, но и спидофобии: медицинский персонал боится их лечить, сослуживцы не хотят вместе работать, зараженных детей требуют убрать из общих школ и т.д.

Правда, когда распространение СПИДа оказалось не таким быстрым, общая спидофобия несколько уменьшилась. При опросе ВЦИОМ в 1989 г., 13 процентов опрошенных высказывались за «ликвидацию» больных СПИДом и 24 процента – за их изоляцию. В 1994 г. доля таких ответов снизилась до 7 и 20 процентов, а доля тех, кто считает нужным «помогать»,

⁹⁷ Российские специалисты исходили исключительно из прогнозов Всемирной организации здравоохранения, проигнорировав социологически более корректную модель, предложенную в 1988 г. Национальной Академией наук США, которая оказалась более точной для индустриально развитых стран.

⁹⁸ Сообщение агентства Рейтер, 19 июня 1997 г.

напротив, выросла с 57 до 68 процентов.⁹⁹ Но одно дело – ответ на общий вопрос, другое – реальное поведение в конкретной ситуации.

После скандала с заражением большой группы детей страна закупила или получила в порядке гуманитарной помощи большое количество одноразовых шприцев. Резко улучшилось и качество отечественных презервативов, производимых на Баковском заводе. По мнению экспертов, лучшие из них не уступают по качеству зарубежным. Но многие аптеки презервативов не закупают, продаются они без инструкций, часто с просроченным сроком годности. О том, как пользоваться смазками, не знает почти никто (даже слово это мало кому известно). К тому же импортные презервативы, которые россияне предпочитают отечественным, дороги.

По старой командно-административной рутине все государственные средства по борьбе со СПИДом были сосредоточены в руках отца и сына Покровских, президента Академии медицинских наук и директора центра по борьбе со СПИДом.

Для массового тестирования населения в бывшем СССР было создано 748 диагностических лабораторий, 6 региональных и 73 территориальных центра, 128 консультаций для анонимного тестирования. В России делается больше тестов, чем где бы то ни было в мире: 24 миллиона в 1993 и 20 миллионов в 1994 году. Но хотя стоит это очень дорого, надежность тестов у многих вызывает сомнения.

Медицинские меры были дополнены карательными и административными. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 августа 1987 г. «О мерах профилактики заражения вирусом СПИД» и затем статьей 115.2 УК РСФСР была предусмотрена уголовная ответственность за «заведомое поставление другого лица в опасность заражения заболеванием СПИД». Изданные на этой основе административные акты допускали возможность принудительного массового тестирования лиц, принадлежащих к группам риска.

Между тем пропагандой безопасного секса государственные антиСПИДовские организации практически не занимались. Ни один социолог или психолог к разработке их программ не привлекался. Ничего не было сделано и для подготовки соответствующих кадров. Непонимание того, что мы имеем дело с социальной проблемой, которой, наряду с медиками, должны заниматься также обществоведы, и желание сохранить собственную монополию на решение всех вопросов СПИДа привели к тому, что страна не сумела выработать продуманную **социальную** политику в этом трудном вопросе. «Эпидемиологизация» СПИДа во многом аналогична «гинекологизации» планирования семьи.

Некоторые другие члены эпидемиологического истеблишмента, например главный инфекционист мэрии Санкт-Петербурга профессор Аза

⁹⁹ Левада Ю.А. «Человек советский» пять лет спустя», с. 10.

Рахманова и московский инфекционист, президент ассоциации «САН-НАМ» К.К. Борисенко, гораздо демократичнее и социально активнее Покровских, но их административные и финансовые возможности ограничены. Издаваемый Рахмановой журнал «СПИД, секс, здоровье» освещает широкий круг вопросов и интересен как для профессионального, так и для массового читателя.

Поняв, что с государственной медициной кашу не сварить, общественность решила взять антиспидовскую пропаганду и помощь ВИЧ-инфицированным в собственные руки, создав для этого ряд добровольных общественных фондов и ассоциаций. Благотворительный фонд «Огонек»-ВИД-Антиспид», созданный в январе 1990 г., собрал свыше 5 миллионов долларов, использованных на закупку одноразовых шприцев и гуманитарную помощь ВИЧ-инфицированным детям, каждый из которых получает от Фонда крошечное пособие. Чтобы стимулировать антиспидовскую пропаганду в средствах массовой информации, в 1994 г. Фонд провел Первый международный конкурс тематических видеоклипов, лучшие из которых демонстрируются по российскому ТВ. Более медицински ориентированная Ассоциация по профилактике СПИДа (первым ее президентом был Вадим Покровский) публикует учебники для медицинских учреждений и популярные брошюры для массового читателя; Ассоциация начала также издавать ежемесячную газету «СПИД-инфо», но, как только газета достигла массового тиража, она стала самостоятельной и ее название имеет так же мало общего с ее содержанием, как «Московский комсомолец» и «Комсомольская правда» – с идеологией бывшего коммунистического союза молодежи. Полезную работу по профилактике СПИДа в течение нескольких лет проводил основанный американцем Кевинном Гарднером Центр ЭЗОП. Общество ВИЧ-инфицированных и их друзей «Мы и вы», основанное в 1992 г., оказывает психологическую, социальную и правовую помощь жертвам страшной болезни.

К сожалению, как в остальных сферах постсоветской общественной деятельности, антиспидовские организации разобщены и подчас не столько сотрудничают, сколько соперничают друг с другом. Очень мешает им и недостаток профессионализма, в результате чего специальные эпидемиологические вопросы подчас обсуждаются так, как если бы они были только политико-идеологическими. Для некоторых людей борьба со СПИДом стала удобной кормушкой.

В 1994 г. политическая ситуация вокруг СПИДа резко обострилась. Против монопольного положения Покровских резко выступила группа молодых биологов и медиков – Андрей Козлов, Эдуард Карамов и другие. Обвиняя руководство Минздрава в недооценке угрозы распространения СПИДа, они настаивают на продолжении и даже расширении массового тестирования, а главное – на необходимости и возможности для России создать собственную эффективную вакцину. Стоимость этого

проекта и его социально-правовые аспекты, их, кажется, не особенно заботят. Вадим Покровский назвал их «сторонниками репрессивных методов», которые предлагают насильственно обследовать «все население России и всех ВИЧ-инфицированных интернировать». На что Козлов ответил ссылкой на особенности русской ментальности: «Когда мы брали кровь на анализ у представителей 10 групп риска, никому из них не пришло в голову воспринимать это как покушение на свободу личности».¹⁰⁰

Не будучи биологом, я не могу судить об обоснованности притязаний этой группы ученых на разработку оригинальной вакцины. Президент РАМН В.И. Покровский утверждает, что они просто самозванцы и, например, Карамов, представляющийся профессором и экспертом ВОЗ, на самом деле не имеет даже кандидатской степени.¹⁰¹ В России сейчас все возможно. Меня, как обществоведа,стораживают ссылки этих людей на национальную ментальность и геополитические соображения. В недавнем прошлом помещение инакомыслящих в психушки тоже не воспринималось как нарушение свободы личности. Подозрительно и то, что в числе активных защитников всеобщего тестирования, какого нет нигде в мире, – производители отечественной тест-диагностики, которым это сулит баснословные прибыли.

Борьба интересов ярко проявилась при обсуждении Госдумой закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)». Первоначальный проект имел более или менее нормальный «западный» вид. Идея всеобщего обязательного тестирования, которую проталкивали производители тест-систем, не прошла не потому, что это ущемляет права человека, а потому что слишком дорого стоит. Зато, следуя духу советской командно-административной системы и вопреки категорическим возражениям ученых и международных организаций, включая Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), 11 ноября 1994 г. Дума подавляющим большинством голосов приняла закон, предусматривавший обязательное обследование на ВИЧ всех прибывающих в Россию иностранцев, доноров (что вполне логично), а также российских граждан, занимающихся «определенными видами деятельности», перечень которых утверждается Правительством.

Тут уж взвыли не только правозащитники, но и внешнеполитические и внешнеэкономические ведомства. Допустим, президента США и королеву Елизавету II от получения справки как-нибудь освободят. Но ведь к нам едут многие тысячи бизнесменов и туристов, они не станут возиться с получением справок. От инфекции справки страну не спасут из-за нена-

¹⁰⁰ Цит. по: Соснов А. «Россия против СПИДа: кто кого?» «Московские новости», 1994, № 42, стр. 20.

¹⁰¹ Покровский В.И. «Это повредит борьбе со СПИДом». «Медицинский вестник», № 15-16, 1994, с. 16

дежности тест-систем и продажности чиновников, а международные контакты пострадают. На председателя думского комитета по охране здоровья эти доводы впечатления не произвели, но президент Ельцин с ними посчитался и вернул закон на доработку.

Согласно окончательной редакции закона, предъявлять сертификат об отсутствии у них ВИЧ-инфекции или проходить тестирование при въезде в страну должны только те иностранцы, которые приезжают в Россию на срок свыше трех месяцев. Насколько я знаю, это требование не выполняется. ВИЧ-инфицированные иностранцы подлежат депортации. Для российских граждан тестирование остается добровольным, за исключением работников «отдельных профессий, производств, предприятий, учреждений и организаций, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации», для которых такое освидетельствование обязательно, хотя каких-либо санкций за уклонение от проверки не предусмотрено.

Закон этот не удовлетворил никого.

Сторонники поголовного тестирования уверяют, что он открывает дорогу эпидемии. Правозащитники указывают на его внутреннюю противоречивость и даже видят в нем попытку воздвигнуть новый «железный занавес» вокруг России.

Официальная же медицина по-прежнему охраняет прежде всего собственные ведомственные интересы. Оказавшись под огнем критики, В.И. и В.В. Покровские возражают против принудительного тестирования и сетуют на свое административное бессилие и ведомственную разобщенность, доказывая необходимость создания нового государственного органа, который должен возглавить «руководитель рангом никак не ниже вице-преьера страны». Но кого будет слушаться этот высокий руководитель? Вадим Покровский справедливо жалуется на непрофессионализм и неэффективность «самодеятельных» анти-СПИДовских организаций и доказывает необходимость «срочно, специальным образом, готовить или переподготавливать кадры, перебрасывая их на профилактику... Нужны люди, способные не только читать лекции студентам, но и соответствующим образом беседовать с гомосексуалистами, проститутками, наркоманами, бродягами». ¹⁰²

Но все это было ясно и восемь лет назад! И смогут ли социологически, исторически, этнографически и сексологически безграмотные эпидемиологи взять на себя обучение россиян безопасному сексу «в формах, соответствующих традиционным представлениям наших народов, а не заимствованным у других культур» (любимый эвфемизм современного антизападничества). Интересно, где они будут искать эти древние, но вечно

¹⁰² Покровский В.В. «Ложка меда в бочке дегтя, или О необходимости новой государственной программы по профилактике СПИДа». «Медицинская газета», № 16, 1 марта 1995, с.4.

живые формы? В боярской думе или крестьянской общине? Или имеются в виду холерные бунты? Все это, увы, просто неизящная словесность.

Что же касается широкой публики, то ей не до СПИДа. При такой всеобщей неразберихе, кому охота думать, от чего мы вымрем в более или менее отдаленном будущем? Может быть, мы вообще генетически не расположены к СПИДу? Давно сказано: что русскому здорово, то немцу смерть. Авось и на этот раз пронесет. Такая вот, по выражению «Известий», русская народная борьба со СПИДом...

Приложение 5

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА

Двадцать лет назад я напечатал в «Вопросах философии» свою первую статью по теоретической сексологии¹⁰³ (этому предшествовали две историко-социологические статьи¹⁰⁴). Сегодня, опираясь на данные теоретической сексологии и результаты новейших массовых сексологических опросов, я хочу поделиться размышлениями о современных тенденциях развития сексуальности.

После того как сексуальность, отчасти благодаря эпидемии СПИДа, стала уважаемым предметом научных исследований и философского дискурса, в котором участвуют не только сексологи и психоаналитики, но и видные философы (Мишель Фуко, Джудит Батлер) и социологи-теоретики (Антони Гидденс), теоретический уровень этого дискурса заметно повысился. Проведенные в 1990-х годах в ряде стран (США, Великобритания, Франция, Финляндия, Швеция) репрезентативные национальные сексологические опросы, дополняемые множеством локальных исследований, позволяют судить о направлении и характере соответствующих социальных изменений не спекулятивно, а вполне предметно. Некоторые «сексуальные» сюжеты, например, отношение к гомосексуальности, даже используются политологами (Роналд Ингелхарт) в качестве индикаторов общей динамики социальной терпимости и культурного плюрализма.

Чтобы не загромождать текст сносками и полемикой, я излагаю свои соображения в предельно сжатой тезисной форме. Их эмпирическое обоснование содержится в моих ранее опубликованных работах.

¹⁰³ Кон И.С. На стыке наук. «Вопросы философии», 1981, № 10.

¹⁰⁴ Кон И.С. Половая мораль в свете социологии. «Советская педагогика», 1966, № 12, его же. Секс, общество, культура. «Иностранная литература», 1970, № 1.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Главные общие принципы и процессы этой эволюции – индивидуализация и плюрализация культур и стилей жизни, так что нужно говорить не о сексуальности, а о сексуальностях, не о сексуальной культуре, а о сексуальных культурах. Эти процессы нужно анализировать одновременно на социетальном (нормативная культура) и индивидуальном (мотивационные структуры и стили сексуального поведения). Это требует разных источников и методов исследования, но одно без другого неполно и непонятно.

Важнейшая тенденция в этой сфере жизни состоит в том, что сексуально-эротическое поведение и мотивация окончательно эмансипируются от репродуктивной биологии, связанной с продолжением рода, которой они обязаны своим происхождением в филогенезе. Рассмотрение человеческой сексуальности в терминах репродуктивного здоровья импонирует спонсорам и грантодателям, но методологически оно ошибочно.

На индивидуально-психологическом, мотивационном уровне так было всегда. Люди, как и животные, спариваются не для размножения, а для получения удовольствия. Однако в прошлом эта сторона дела всячески вуалировалась и приглушалась. В XX в. положение изменилось. Общественное сознание (нормативная культура) приняло тот факт, что сексуальность не направлена на деторождение, не нуждается в легитимации и является самоценной. Эта гедонистическая установка явно противоречит принципам антисексуальной цивилизации, допускающей сексуальную жизнь только ради деторождения. Христианские фундаменталисты выступают против контрацепции не менее яростно, чем против аборт, потому что речь идет не только о праве человека воспрепятствовать рождению новой жизни, но и о легитимации чувственности, которую они отрицают в принципе.

В конце XX в. мотивационное разделение сексуальности и репродукции обрело также материальную базу. С одной стороны, эффективная контрацепция позволяет людям, прежде всего женщинам, заниматься сексом, не боясь зачатия. С другой стороны, генная инженерия создает потенциальную возможность производить потомство «в пробирке», с заранее запрограммированными наследственными данными, без сексуального общения и даже личного контакта родителей. Не думаю, что это приобретет широкий размах, «старый способ» имеет ряд преимуществ. Но к этому нужно добавить другие достижения биологии, например, возможность заранее узнавать пол зародыша, а затем, возможно, и контролировать его.

Расширение сферы индивидуальной репродуктивной свободы чревато серьезными макросоциальными последствиями (например, угрозой депопуляции, вместо привычного перенаселения, или изменением необходимого соотношения полов, если «все» вдруг захотят рожать мальчиков). Одна-

ко помимо традиционных стихийных способов регулирования рождаемости (если девочек станет мало, их рождение станет более престижным) и методов материального поощрения желаемого репродуктивного поведения, техногенное общество, в случае необходимости, сможет корректировать нежелательные явления, не прибегая к насилию над индивидами.

Благодаря достижениям медицины, особенно сексофармакологии (эффективные средства контрацепции и препараты типа виагры), существенно расширяются возрастные рамки сексуальной активности: люди смогут испытывать сексуальные радости чаще и дольше, чем в недавнем прошлом. Биологические причины мужской импотенции и женской аноргазмии оказываются преодолимыми, поддающимися коррекции. Вместе с тем, чтобы продолжать сексуальную жизнь до старости, нужно заботиться о поддержании не только потенции, но здоровья, красоты и культуры тела в целом. Причем это в равной мере касается мужчин и женщин.

Современный культ тела порождает новые тревоги и психологические расстройства (например, болезненное желание похудеть, *anorexia nervosa*, которая была исключительно женским расстройством, в конце XX в. стала все чаще появляться у молодых мужчин), но одновременно стимулирует заботу о здоровье, соблюдении правил личной гигиены и способствует долголетию. Однако это возможно только при достаточно высоком уровне благосостояния и общественного здравоохранения. Бедные и необразованные слои населения (и целые общества) остаются также (сравнительно) сексуально обездоленными.

Это значит, что любые психосексуальные процессы и отношения необходимо рассматривать в контексте сексуально-эротической культуры, которая, в свою очередь, органически связана с социально-экономическими отношениями данного общества.

Сдвиги в сексуальной культуре неразрывно связаны с изменениями в системе гендерного порядка. Главным субъектом и агентом этих изменений являются не мужчины, а женщины, социальное положение, деятельность и психика которых изменяются сейчас значительно быстрее и радикальнее, чем мужская психика. Дело здесь, вероятно, не столько в более широкой адаптивности женщин (по теории В.А. Геодакяна), сколько в общей логике социально-классовых отношений. Любые радикальные социальные изменения осуществляют прежде всего те, кто в них заинтересован, в данном случае – женщины. Женщины шаг за шагом осваивают новые для себя занятия и виды деятельности, что сопровождается их психологическим самоизменением и изменением их коллективного самосознания, включая представления о том, как должны складываться их взаимоотношения с мужчинами. Хотя систематических кросс-культурных исследований такого рода я не знаю, похоже на то, что и женские самоописания, и женские образы маскулинности изменились за последние десятилетия больше, чем мужские.

Дело не в ригидности, жесткости мужского сознания, а в том, что класс, который теряет господство, не торопится сдавать свои позиции и делает это только под нажимом, в силу необходимости. Степень и темпы изменения гендерного порядка и соответствующих ему образов маскулинности очень неравномерны в разных странах, в разных социально-экономических слоях, в разных социально-возрастных группах и среди разных категорий мужчин и женщин.

Глубокие сдвиги в гендерных стереотипах и поведении означают не «феминизацию» мужчин и/или «маскулинизацию» женщин и образование некоего «унисекса», а ослабление поляризации гендерных различий и связанной с ними социальной стратификации. Многие традиционные различия мужского и женского, которые привычно ассоциируются с половым диморфизмом, такие, как инструментальный и экспрессивный стиль жизни или мужская гомосоциальность, не столько исчезают, сколько трансформируются и перестают быть обязательной социальной нормой. Это открывает дорогу проявлению множества индивидуальных вариаций, которые могут быть связаны или не связаны с полом и гендером.

Это проявляется и в сфере сексуальных отношений. Сексуальная революция второй половины XX века на Западе была прежде всего женской революцией.¹⁰⁵ Идея равенства прав и обязанностей полов в постели – плоть от плоти общего принципа социального равенства.

Сравнительно-исторический анализ динамики сексуального поведения, установок и ценностей за последние полстолетия показывает повсеместное резкое уменьшение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта, числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике и т.д. Положение в разных странах зависит не столько от уровня их социально-экономического развития, сколько от степени социального равенства полов. Эти сдвиги, несомненно, продолжатся и в XXI веке.

С этим связано обострение многих старых и появление новых психосексуальных проблем. Появление женской гормональной контрацепции дает женщинам небывалую власть над репродуктивными процессами. Сегодня женщина может решать этот вопрос без согласия и даже без ведома мужчины. Ресексуализация женщин, которые лучше мужчин рефлексируют и вербализуют свои сексуальные потребности, также создает для мужчин трудности, такие, как исполнительская тревожность. Массовое распространение таких ранее запретных сексуальных позиций как «женщина сверху» и куннилингус, повышая сексуальное удовольствие обоих партнеров, есть одновременно символический удар по фаллоцентризму и гегемонной маскулинности. Современные молодые женщины

¹⁰⁵ Эмпирические данные по этому и другим вопросам, а также библиографию, см Кон И.С. «Подростковая сексуальность на рубеже XXI века: социально-педагогический анализ», электронная версия – <http://sexology.narod.ru/book.10.html/>

ожидают от своих партнеров не только высокой потенции, но и понимания, ласки и нежности, которые в прежний мужской джентльменский набор не входили. В результате традиционная поляризация мужской и женской сексуальности корректируется принципами основанного на взаимном согласии партнерского секса.

Однако при всем выравнивании мужских и женских сексуальных сценариев, мужская сексуальность остается более экстенсивной, предметной, не связанной с эмоциональной близостью и переживаемой не как отношение, а как завоевание и достижение. Многие мужчины по-прежнему отождествляют маскулинность с сексуальностью, осмысливая последнюю главным образом количественно – размеры члена, сила эрекции, частота сношений и количество женщин. Почти каждый юный Вертер по-прежнему втайне завидует Дон Жуану. Многие юноши ассоциируют взрослость с началом сексуальной жизни, причем «мужественность» (вирильность) отождествляется с потенцией, а ее реализация – с агрессией и насилием.

Соотношение половых (биологически обусловленных) и гендерных (социальноконструированных) различий мужской и женской сексуальности остается теоретически спорным. С одной стороны, сексуальное раскрепощение женщин везде и всюду способствует росту их сексуальной активности и удовлетворенности, уменьшает фригидность и т.д. С другой стороны, женщины чаще мужчин испытывают отсутствие сексуального желания (в финском национальном опросе 1992 г. это признали от 5 до 20 % мужчин и от 15 до 55 % женщин¹⁰⁶). Когда в Петербурге, по данным репрезентативного опроса 1996 г., отсутствие или редкость сексуального удовольствия признали 5 % мужчин и 36 % женщин¹⁰⁷, это можно объяснить не только особенностями советско-российского стиля жизни.

Индивидуализация и плюрализация сексуальностей реализуется в разнообразии сексуальных сценариев (скриптов). Оценить их историческую и когортную динамику в полном объеме сегодня невозможно из-за недостатка эмпирических данных и концептуальной неразработанности проблемы. За некоторыми из этих различий стоят не только субкультурные нормы, но и глубинные личностные свойства.

Например, важнейшая психологическая черта молодых мужчин, ведущих интенсивную сексуальную жизнь и имеющих связи с большим количеством женщин, – любовь к новизне и риску, с которой коррелируют гипермаскулинность, физическая привлекательность, эмоциональная раско-

¹⁰⁶ Kontula, O. and Haavio-Mannila, E., *Sexual Pleasures: Enhancement of Sex Life in Finland, 1971-1992*, Dartmouth: Aldershot, 1995, p. 214.

¹⁰⁷ Gronow J, Haavio-Mannila E, Kivinen M, Lonkila M, Rotkirch A. *Cultural Inertia and Social Change in Russia. Distributions by Gender and Age Group*. Univ. of Helsinki. Manuscript (1997).

ванность и повышенный уровень тестостерона¹⁰⁸. Иными словами, эти молодые люди сексуальнее своих сверстников и полнее персонифицируют в себе традиционные ценности маскулинности – предприимчивость, смелость, раскованность, любовь к риску и т.д. Возраст сексуального дебюта и индивидуальный стиль сексуальной активности старшеклассников, включая «любовь к риску», коррелируют как со степенью их физической зрелости (точнее – с тем, как они ее воспринимают), так и со стремлением скорее добиться взрослого статуса, причем это верно для обоих полов.

Отсюда вытекает, что те же самые (предположительно природные) качества, которые дают молодым людям определенные социосексуальные преимущества, одновременно являются факторами риска (девиантное поведение, склонность к наркотикам, алкоголизму и сексуальному насилию). Это весьма существенно для выработки стратегии как сексуального, так и всякого прочего воспитания и образования молодежи, особенно – для борьбы с наркоманией.¹⁰⁹

В прошлом изучение сексуального поведения часто строилось вокруг институтов брака и семьи. Этот ракурс проблемы, то есть сопоставление брачной, добрачной и внебрачной сексуальной активности, остается существенным.

Вопреки предсказаниям радикалов, моногамный брак и юридически неоформленные постоянные партнерские отношения (сожителства) отнюдь не отмирают. Как показывает Всемирное исследование ценностей, граждане постиндустриальных обществ считают частную жизнь важнее политической. Когда в 1990 году население 43 стран опрашивали, какая сфера жизни для них самая важная, первое место – 83 % – заняла семья. Хотя «постматериалисты» значительно терпимее «материалистов» относятся к разводу, аборту, внебрачным связям и проституции, они отнюдь не поддерживают идею отмирания брака и семьи, что же касается заботы о детях, то ее ценность даже возрастает. В 1990-х годах выросло число людей, согласных с тем, что «для счастливого детства ребенок нуждается в доме, где есть и отец и мать». Вообще «детские» и семейные ценности явно находятся на подъеме.¹¹⁰

Это связано с изменением понимания качества жизни. По всем социологическим опросам, женатые люди больше удовлетворены жизнью, чем одинокие. Большинство людей считают совместную жизнь с сексуальным

¹⁰⁸ Bogaert, A.F. and Fisher, W.A., Predictors of university men's number of sexual partners. *The Journal of Sex Research*, 1995, vol.32, # 2, pp.119-130; Buzwell, S. and D. Rosenthal, Constructing a sexual self: Adolescents' sexual self-perception and sexual risk taking. *Journal of Research on Adolescence*, 1996, vol. 6, # 4, pp. 489-513.

¹⁰⁹ Wills, T.A., Windle, M., Cleary, S.D. Temperament and novelty seeking in adolescent substance use *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, vol. 74, # 2, pp.387-406.

¹¹⁰ Inglehart, R.. *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton University Press, 1997, p.209.

партнером наиболее близкой к идеалу (и фактически основная часть сексуальной активности приходится на стабильные партнерские отношения).

Однако сами семейные ценности дифференцируются, на первый план выходят качественные показатели субъективного благополучия. Если традиционный брак является достаточно жестким социальным институтом, то современные партнерства и браки тяготеют к тому, чтобы быть «чистыми» (термин А. Гидденса), самоценными отношениями, основанными на взаимной любви и психологической интимности, независимо от способа их социального оформления. Такие отношения значительно менее устойчивы, чем нерасторжимый церковный брак и даже буржуазный брак по расчету, основанный на общности имущественных интересов. Это означает неизбежное увеличение числа разводов и связанных с ними социально-психологических проблем. Актуальной задачей общества становится поэтому не только укрепление семьи, но и повышение культуры развода, от недостатка которой больше всего страдают дети. Иногда те же самые процессы, которые порождают болезненные проблемы, содержат в себе средства их смягчения (например, психологическая травма, причиняемая ребенку разводом родителей, смягчается осознанием того, что это явление массово, ты не один в таком положении).

Типичная форма сексуального партнерства у современных молодых людей – так называемая серийная моногамия, когда человек живет одновременно только с одним партнером /партнершей, но эти отношения продолжают не всю жизнь, а только какой-то более или менее длительный отрезок времени. Эта установка противоречит, с одной стороны, идее пожизненного брачного союза, а с другой – леворадикальным идеям о ненужности института брака и супружеской верности вообще. Отношение серьезных социологов к серийной моногамии сначала было ироническим, казалось, что она может существовать только в молодежной среде и при отсутствии детей. Но последние десятилетия показали, что подобная практика, нравится нам это или нет, в городской среде становится все более распространенной, а связанные с нею социальные издержки могут быть компенсированы. Это ставит новые задачи перед государством и системами социального страхования.

Установка на возможную временность сексуального партнерства производна от высокой социальной мобильности, которая делает любые социальные идентичности и принадлежности (профессиональные, территориально-этнические, конфессиональные и т.д.) более изменчивыми и сменными. С одной стороны, это создает ситуацию ненадежности и неопределенности, но с другой – увеличивает степень индивидуальной свободы и связанной с нею ответственности.

Снижение возраста сексуального дебюта и автономизация подростковой и юношеской сексуальности от «внешних» форм социального контроля со стороны родителей, школы, церкви и государства создает мно-

жество опасных ситуаций, прежде всего – нежелательных беременностей, аборт и заражения инфекциями, передаваемыми половым путем (ИППП), последнюю угрозу сделал особенно серьезной СПИД. В 1970-х годах раннее начало сексуальной жизни повсеместно коррелировало с различными антинормативными и девиантными поступками (плохая успеваемость, пьянство, хулиганство, конфликты с учителями и родителями и т.д.). В дальнейшем эта взаимосвязь ослабела. Хотя раннее начало сексуальной жизни часто сочетается у подростков с проблемным поведением и стремлением скорее повзрослеть, оно зависит как от социальных условий, так и от индивидуальных, личных особенностей подростка. Это необходимо учитывать в практике сексуального просвещения.

Убедившись в бесплодности запретов и неэффективности семейного сексуального образования, большинство западных стран в конце XX в. пошли по пути создания общественных систем сексуального просвещения детей и подростков. Хотя в большинстве стран службы сексуального просвещения находятся в начальной стадии развития и плохо согласованы друг с другом, они уже дают положительные плоды, особенно в том, что касается уменьшения количества аборт и профилактики ИППП и ВИЧ-инфекции. Те страны, которые с этим запоздали (США), имеют значительно худшие демографические и эпидемиологические показатели. Нет сомнения, что в XXI в. усилия по сексуальному образованию подростков и молодежи будут продолжены, причем акцент делается не на запретах, а на убеждении и просвещении.

Важные сдвиги происходят в сфере сексуальной морали. Само по себе моральное регулирование и оценка сексуальных отношений не исчезают, но становятся более гибкими и реалистическими. При этом а) уменьшается разрыв между повседневной, бытовой и официальной моралью (и, следовательно, становится меньше лицемерия) и б) суживается круг морально оцениваемых явлений.

Число и тип сексуальных партнеров и конкретные сексуальные техники (что именно люди делают в постели) постепенно становятся исключительно делом личного усмотрения. Главным и единственным критерием моральной оценки сексуальных действий и отношений становится их добровольность, взаимное согласие партнеров, причем требовательность общества в этом отношении заметно повышается. Осуждению, а порой и юридическому преследованию подвергается не только прямое сексуальное насилие, но и различные формы сексуального принуждения, на которые раньше не обращали внимания. Нетерпимость к сексуальному насилию и принуждению четко коррелирует с гендерным равенством, демократичностью и просвещенностью общества.

В связи с этим возникает ряд теоретических и научно-практических проблем: как разграничить реальное насилие от условного, игрового, можно ли устранить гендерную асимметричность в процессе ухаживания, сде-

лать так, чтобы «да» всегда было «да», а «нет» – всегда «нет», или же некоторая неопределенность и непредсказуемость, будучи фактором риска, представляет собой неотъемлемый компонент флирта и сексуальной игры?

Важный элемент современной сексуальной культуры – нормализация гомосексуальности, связанная с общим ростом социальной терпимости, ослаблением гендерной биполярности и эмансипацией сексуальности от репродукции. Хотя гомофобия и дискриминация людей по признаку их сексуальной ориентации во всем мире остается серьезной социально-политической проблемой, по данным массовых национальных опросов, в последние 30 лет наблюдается заметный рост терпимости к однополый любви, особенно среди молодых (18-24 года) и более образованных людей, а также увеличение числа мужчин и особенно женщин, которые признают, что испытывали сексуально-эротическое влечение к лицам собственного пола (чаще всего в юности).

Однако исключительные гомосексуалы по-прежнему составляют незначительное меньшинство населения. Эмпирические данные о распространенности гомосексуального поведения противоречивы. Метаанализ массовых американских опросов за последние 10 лет, с 1988 по 1998 г., показал: хотя абсолютные цифры людей, имевших за последний год однополый партнера, невелики, составив в 1998 г. 4,1 % мужской и 2,8 % женской выборки, – относительный прирост тех, что в этом признался, значителен: в 1988 г. среди мужчин так ответили 1,7 %, а среди женщин – только 0,2 %¹¹¹. Напротив, при опросе немецких студентов в 1966 и 1981 гг. гомосексуальные контакты в юности (до 17 лет) признали 18 % опрошенных, а в 1996 – только 7 %. По мнению Гунтера Шмидта, это объясняется именно тем, что гомосексуальность стала видимой и слышимой. Раньше подростки играли в гомосексуальные игры просто так, не придавая этому особого значения. Теперь это поведение стало более проблематичным и знаковым, поэтому юноши, которые еще не определились относительно своей сексуальной ориентации, предпочитают его избегать.¹¹²

Морально-психологическая нормализация однополый любви облегчает как самореализацию геев и лесбиянок, так и их социальную интеграцию. В первой половине XXI века однополые браки или домашние партнерства определенно будут легализованы во всех цивилизованных странах, а дискриминация людей по признаку их сексуальной ориентации станет такой же юридически и морально неприемлемой, как расизм или антисемитизм. Это можно сделать даже без конфронтации с церковью, поскольку речь идет не о церковном браке, а о гражданском союзе, где все налогоплательщики равны. Однако результатом ослабления гетеро-

¹¹¹ Butler, Amy C. Trends in same-gender sexual partnering, 1988 –1998. -The Journal of Sex Research, vol. 37, N 4, November 2000, pp.333-343

¹¹² Schmidt, G. (Hg.) Kinder der sexuellen Revolution. Kontinuität und Wandel studentischer Sexualität 1966-1996. Eine empirische Untersuchung. Giessen, 2000, S.52-53

центризма и гетеронормативизма (признание гетеросексуальных отношений единственно нормальными) будет не увеличение абсолютного числа или удельного веса геев и лесбиянок, а то, что люди перестанут категоризировать себя и других по этому признаку. Ведь никто не классифицирует и не дискриминирует людей по тому, предпочитают ли они блондинок или брюнеток и практикуют ли они позицию «женщина сверху». В демократическом обществе сексуальная ориентация из политической проблемы постепенно становится делом индивидуального предпочтения. В научно-теоретическом плане это актуализирует изучение бисексуальности, сексологический статус которой в настоящее время неопределен.

Между прочим, де-демонизация, расколдование гомосексуальности одновременно означает и ее де-поэтизацию. Однополая любовь предстает такой же разнообразной и вариабельной, как разнополая, а сексуальная идентичность становится одной из многих личных идентичностей. У некоторых индивидов она может быть сменной. Вместе с идеей монолитной гей-идентичности рушится и популярная в последней трети XX в. идея всеобъемлющей *gay community*.

Нормализация гомосексуальности – первый случай социального признания индивидуально-групповых особенностей, не укладывающихся в прокрустово ложе полового диморфизма, гендерной биполярности и репродуктивной модели сексуальности. Постепенно такого же признания добиваются и другие сексуальные меньшинства (транссексуалы, трансвеститы, садомазохисты и др.). Это обостряет проблему соотношения социально-нравственных и медико-биологических критериев депатологизации и демедикализации сексуального поведения и его субъектов. Вопрос не в том, может ли человек размножаться, а может ли он быть полноценным членом социума и совместима ли реализация его сексуальных желаний с безопасностью окружающих людей.

Плюрализация стилей жизни выводит многие старые проблемы из сферы исключительной компетенции психиатрии и сексопатологии и одновременно ставит перед клинической медициной новые задачи. Вместо того, чтобы безуспешно пытаться изменить необычный стиль сексуальной жизни своего клиента по принципу «телеграфный столб – это хорошо отредактированная сосна», врачи и психологи помогают ему добиться максимально возможного благополучия в рамках его собственной индивидуальности, уменьшив связанные с ней специфические трудности и риски (применительно к гомосексуальности – это склонность к депрессии и суициду, применительно к садомазохизму – проблема разграничения допустимого и недопустимого риска и т.п.).

Принципиально меняется отношение общества к эротике. В XX в. ее включили в число законных предметов массового потребления, но консервативные силы часто использовали это в политических целях. Научные исследования показывают, что административные запреты на эротику боль-

шей частью неэффективны, а сами эротические материалы не приносят того вреда, который им приписывают. По мере ослабления сексуальных страхов населения будут ослабевать и юридические запреты на сексуально-эротические материалы. Потребление эротики становится делом индивидуального усмотрения, а свобода получения и распространения сексуальной информации – одним из неотчуждаемых прав взрослого человека.

Существенный сдвиг в сексуальных установках конца XX в. – нормализация аутоэротизма и мастурбации. Мастурбационная тревожность и чувство вины по этому поводу, отравлявшие жизнь бесчисленным поколениям мужчин и женщин, постепенно отходят в прошлое. Хотя некоторые люди продолжают считать мастурбацию опасной и постыдной (авторы Британского национального опроса 1992 г. даже не решились включить вопрос о ней в свою анкету), эти страхи заметно ослабевают. Многие взрослые благополучно женатые люди не только дополняют ею свою партнерскую практику, но и считают ее автономной и самоценной формой сексуальной активности.

Исключительно важной формой сексуального удовлетворения становится виртуальный секс, особенно для тех людей, которым по тем или иным причинам трудно реализовать свои эротические желания в обычных отношениях, лицом к лицу. Интернет – это и новая, не ограниченная даже государственными границами служба знакомств, и возможность проиграть свои воображаемые сексуальные идентичности, и просто шанс выговориться. Как и всякое новое явление, это чревато определенными опасностями, прежде всего – возможностью отрыва от действительности и ухода из реальной жизни в виртуальную. Сексологи уже говорят об особой «виртуальной сексуальной одержимости». Но подвержены ей, как и «телемании», о которой много писали в середине XX в., главным образом люди с уже наличными коммуникативными проблемами и трудностями. К тому же виртуальный секс может использоваться и в целях сексуальной терапии.

Меняются функции коммерческого секса (проституции). В последней трети XX в. в странах Западной Европы он практически перестал выполнять функцию сексуальной инициации подростков и юношей, они делают это в своей собственной среде. Однако проституция остается прибежищем тех, кто по тем или иным причинам не может сочетать сексуальные отношения с любовными – секс без ухаживания, свобода от ответственности, анонимность, техническое разнообразие, возможность удовлетворить какие-то «неканонические», «странные» запросы, разновозрастность, секс вдали от дома, последнее убежище для несчастных, уродливых и больных и т.д. Чтобы понять это, нужно изучать и типологизировать не только и не столько сексработниц и учреждения сексуального обслуживания, сколько их клиентов. Выработать единую стратегию и социальную политику относительно проституции западные общества в XX в. не смогли, даже две самые сексуально либеральные страны – Голландия и Швеция – в этом вопросе решительно расходятся.

Самая трудная проблема, которую XX век оставил в наследство XXI-му, – отношение к детской сексуальности. В этом вопросе существуют две противоположные и одинаково важные тенденции. С одной стороны, в противоположность средневековой идее имманентной чистоты и асексуальности ребенка (хотя она сосуществовала с идеей имманентной детской греховности, от которой ребенка может уберечь только строгость и родительский контроль), европейская культура нового времени, особенно после Фрейда, признает факт существования детской сексуальности, которую должны учитывать родители и воспитатели и из которой вытекает также право детей и особенно подростков на получение сексуальной информации.

С другой стороны, западное общество, в отличие от ряда древних цивилизаций, остро осознает необходимость защиты детей от сексуальных посягательств и эксплуатации со стороны взрослых. Отсюда – целый ряд социально-правовых проблем, таких как легальный возраст согласия, запрещение производства и распространения детской порнографии и т.д.

Поскольку дети – естественные жертвы всех, включая сексуальные, злоупотреблений взрослых, покушения на них всегда были частыми, они вызывают сильную эмоциональную реакцию со стороны общества, которую консервативные силы часто используют для разжигания массовой истерии в средствах массовой информации. В спорах на эти темы зачастую непонятно, идет ли речь о защите детей от сексуальных посягательств со стороны взрослых или от их собственной пробуждающейся сексуальности. Чтобы корректно поставить эти вопросы, необходимо теоретическое уточнение целого ряда понятий, включая понятие «педофилии» и «сексуального совращения». При этом неизбежно возникает множество деликатных вопросов, например наличие потенциально эротических компонентов в материнской и отцовской любви, разграничение осознанных и неосознанных мотивов эмоциональной привязанности взрослых к детям и т.д. Это не сексологические, а психологические вопросы, которыми предстоит заняться ученым XXI века.

Индивидуализация и плюрализация сексуальных отношений обогащает сексуально-эротический репертуар и освобождает людей от многих древних табу и страхов, но одновременно порождает новые психосексуальные проблемы. Иначе просто не может быть: высшие человеческие потребности принципиально ненасыщаемы, их удовлетворение не имеет простых стандартных решений.

Снятие и ослабление многих культурных запретов делает сексуальную жизнь более будничной, прозаической, подверженной манипулированию со стороны масс-медиа. Массовой сексуальной проблемой в конце XX века стали скука и отсутствие сексуального желания – люди имеют все социальные и физиологические предпосылки для занятий сексом, но их просто не тянет к нему. Созданные массмедиа мифы порождают у людей завышенные, не принимающие в расчет их собственную индивиду-

альность, ожидания и требования к сексуальному удовлетворению, что неизбежно порождает разочарования.

Сексуальная активность, какой бы высокой она ни была, не может заменить других форм самореализации. Главные трудности, с которыми будут сталкиваться люди XXI в., – не столько сексуальные, сколько коммуникативные – чувство одиночества, неудовлетворенная потребность в самораскрытии, любви и психологической интимности. В этом смысле психология любви – более интересный и перспективный сюжет, чем психология сексуальности, хотя возможностей для обобщений естественно-научного типа в ней меньше.

Это актуализирует и некоторые мировоззренческие проблемы. При всей гениальности З. Фрейда и плодотворности его интуиции, многие положения созданной им мифологии никогда не были и не могли быть доказаны. Выведение всех эмоциональных потребностей личности из либидо – простой антитезис репрессивной антисексуальной культуры. Индивиды имеют не только количественно разный уровень сексуальных потребностей, но и качественно разные, не сводимые друг к другу, иерархии жизненных ценностей. Социальная терпимость «расколдовывает» сексуальность, побуждая рассматривать ее не глобально, а в конкретных социокультурных и личностных контекстах.

Это преломляется и в содержании самого сексологического знания. Его «гуманитаризация» предполагает критическое отношение к жесткой нормативности, все равно — морально-религиозной или медицинской. Индивидуализация сексуальности означает перемещение акцентов с анализа ее объективных функций (чему служит то или иное действие?) на изучение ее субъективных значений и смыслов (что оно значит для кого-то?). Если раньше ученые старались зафиксировать сексуальное поведение (кто, с кем, что, как часто и т. п. делает), то теперь их внимание концентрируется на изучении эротического воображения и мотивации (зачем и почему?). Для этого нужны гораздо более тонкие методы. С изменением сексологической проблематики редукционистские биолого-медицинские теории уступают место более сложным и тонким социологическим, культурологическим и психологическим моделям.

Однако разные дисциплины сохраняют автономию своих парадигм. При ближайшем рассмотрении, постмодернистский конструктивизм столь же односторонен, как и эссенциализм. Учитывая многомерность самого феномена сексуальности и ее связей с организмом, личностью, культурой и социумом, единая, всеобъемлющая теория пола, гендера и сексуальности принципиально невозможна. Разные «теоретические перспективы» в сексологии (их насчитывают без малого сорок)¹¹³ по-прежнему остаются

¹¹³ См. The Journal of Sex Research, 1998, vol. 35, № 1. Special Issue “The Use of Theory in Research and Scholarship on Sexuality”; The Journal of Sex Research, 1999, vol.36, № 1. Special Issue “Methods of Inquiry About Sex: New Advances”.

взаимодополнительными, а учебники сексологии – эклектическими. Важнейшие научные открытия относительно сексуальности делают не «чистые» сексологи, а ученые, твердо стоящие на почве фундаментальных базовых дисциплин (генетики, эндокринологии, социологии, антропологии и т.д.) и соответствующих научных парадигм. Философия и «культурные исследования» выполняют по отношению к ним критическую функцию, показывая недостаточность и ограниченность монодисциплинарного (и вообще научного) знания и выдвигая новые вопросы и гипотезы.

СИТУАЦИЯ В РОССИИ

Перечисленные выше тенденции являются глобальными, но они по-разному проявляются в разных странах и социальных средах. Полнее всего они проявляются в западных странах. На Востоке могут быть другие ценности и модели поведения. Впрочем, «западная» модель сексуальной культуры тоже не единообразна. Понятие «национальной сексуальной культуры» слабо разработано. Исторические культурные традиции часто важнее, чем социально-структурные моменты. Типологизация национальных сексуальных культур по нормативным предписаниям господствующих конфессий сплошь и рядом недооценивает исторические и субкультурные вариации развития.

Эмпирически-ориентированная классификация, принимающая во внимание такие практически значимые моменты, как степень сексуальной терпимости, структура семьи и взаимоотношения поколений, а также эпидемиологические показатели, различает в европейском регионе три главных типа сексуальной культуры¹¹⁴.

В странах Северной Европы, где отношение к сексуальности традиционно терпимое, подростки максимально автономны от старших, половые/гендерные различия резко уменьшаются, и существует систематическое сексуальное просвещение; демографическая и эпидемиологическая статистика в этих странах наиболее благоприятна. Систематическое сравнение статистических показателей динамики подростковых беременностей, абортов, инфекций, передаваемых половым путем, и изнасилований показывает, что в терпимых, перmissive странах (скандинавские страны, Нидерланды), дело обстоит гораздо лучше, чем в тех, где больше уповают на запреты и ограничения, как, например, в США. В 1996 г. число абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста в Нидерландах состав-

¹¹⁴ Rademakers, J. Adolescent sexual development: a cross-cultural perspective. Sexuality Beyond Boundaries. International Conference. Amsterdam, 29 July – 4 August 1997.

ляло 6,5, а в США – 22,9¹¹⁵. Исследователи объясняют успех Нидерландов превосходной программой сексуального просвещения и тем, что социальная политика государства совпадает с личными установками людей.

В странах Южной Европы (Италия, Испания, Греция и др.) традиционные стереотипы, влияние родительской семьи и религии сильнее, а сексуальное просвещение менее откровенно; там сохраняется двойной стандарт, но тенденции развития те же самые.

Третья группа стран (условно – Центральной Европы), включающая Англию, Францию и Германию, стоит посередине, причем одни больше тяготеют к первому, а другие – ко второму полюсу. Очень велики индивидуальные различия между странами, особенно в институтах сексуального образования. Во всех типах стран налицо существенные социально-классовые, региональные и половые / гендерные различия, требующие конкретного количественного и качественного анализа.

Поскольку критерии сексуального «либерализма» или «консерватизма» относительны, одна и та же культура может быть либеральной в одном вопросе и консервативной в другом. Например, при сравнении в 1994 г. сексуальных установок населения 24 стран, россияне (1998 человек, из них 64 % – женщины, средний возраст – 41 год) опередили всех остальных по готовности принять и оправдать внебрачные связи (их категорически осудили только 36 % опрошенных, а 17 % признали их допустимыми при всех условиях); в оценке добрачного и подросткового (до 16 лет) секса россияне оказались на среднем уровне, но ближе к либеральному полюсу, а в оценке гомосексуальных отношений – в консервативной части спектра («всегда неправильными» их считают 57 %, а вообще не осуждают только 19 % опрошенных).¹¹⁶

Однако общее **направление** развития сексуальности вообще, и подростковой сексуальности в особенности (а именно она позволяет предугадать будущее и порождает наибольшее количество социально-педагогических и эпидемиологических проблем), во всех трех типах стран более или менее одинаково.

Историческая традиционная русская сексуальная культура, как на бытовом, так и на символическом уровне, всегда отличалась крайней противоречивостью.¹¹⁷

¹¹⁵ David, H.M., ed (with the assistance of J. Skilogianis). *From Abortion to Contraception. A Resource to Public Policies and Reproductive Behavior in Central and Eastern Europe from 1917 to the Present*. Westport: Greenwood, 1999.

¹¹⁶ Widmer E. D, Treas, J. and Newcomb R. Attitudes toward nonmarital sex in 24 countries. *Journal of Sex Research*, vol 35, # 4, November 1998, pp.349-358.

¹¹⁷ См. Кон, И.С., *Сексуальная культура в России. Клубничка на березке*. М.: О.Г.И, 1997. Кон, I. S., "Sexuality and politics in Russia (1700-2000)". In: F.X.Eder, L.A. Hall and G. Hekma, eds. *Sexual cultures in Europe. National Histories*. Manchester University Press, 1999, pp.197-218.

Жесткий патриархатный порядок, логическим завершением которого была поговорка «не бьет – не любит», сочетается с фемининным национальным характером и синдромом «сильной женщины».

Откровенный крестьянский натурализм, не знающий закрытости и интимности, соседствует с суровым внемирским православным аскетизмом. Разобщенность телесности и духовности проявляется и в языке, и в телесном каноне, и в представлениях о любви.

Изоощренная матерщина и иное сквернословие соседствуют с отсутствием высокой эротической лексики. Это усугубляется сословными и классовыми контрастами.

Начиная, как минимум, с XVII века, все цивилизационные процессы в России проходят под влиянием и во взаимодействии с Западом, «цивилизация» воспринимается как европеизация и вестернизация и вызывает прямо противоположные чувства. Одни видят в этом прогрессивную индивидуализацию и обогащение жизненного мира, а другие – разложение и деградацию. Всевластие бюрократического государства и отсутствие четкого разграничения публичной и частной жизни затрудняет формирование автономных субкультур, являющихся необходимой предпосылкой сексуального, как и всякого другого, плюрализма и терпимости. Отношение к сексуальности и эротике в России всегда политизировано и поляризовано, а реальные проблемы частной жизни при этом нередко теряются.

Тем не менее в России XIX – начала XX в. происходили принципиально те же процессы, что и в Европе, и обсуждались они в том же самом интеллектуальном ключе. Особенно важную роль в развитии русской сексуально-эротической культуры сыграл серебряный век.

Октябрьская революция прервала это поступательное развитие. Декадентская эротика была не нужна рабоче-крестьянским массам, а большевистская партия видела в неуправляемой сексуальности угрозу своей идеологии тотального контроля над личностью. К тому же советская власть уже в 1920-х годах столкнулась со сложными социально-демографическими и социально-медицинскими проблемами (дезорганизация брачно-семейных отношений, рост числа нежелательных беременностей и абортов, распространение проституции, ИППП и т.д.). Не сумев справиться с ними цивилизованным путем, советская власть в 1930-х гг. обратилась к репрессивным, командно-административным методам (рекриминализация гомосексуальности, запрещение коммерческой эротики, ограничение свободы развода, запрещение искусственных абортов и т.д.) Идеологическим оправданием этой политики была уникальная большевистская сексофобия («у нас секса нет»), с резко выраженным антибуржуазным и антизападным острием. С помощью репрессивных мер в СССР была выкорчевана сексуально-эротическая культура (эротическое искусство, научные сексологические исследования и какое бы то ни было сексуальное просвещение).

Однако ее официально провозглашенные практические цели – укрепление семьи и нравственности и повышение рождаемости – не были достигнуты. Напротив, эта политика имела эффект бумеранга. Вместо повышения рождаемости страна получила рост числа подпольных аборт, а как только аборты были легализованы – заняла по этому показателю первое место в мире. Запрещение легального сексуально-эротического дискурса неизбежно низводит человеческую сексуальность до уровня немой, чисто физиологической, активности, делая ее не только примитивной, но и социально опасной и непредсказуемой.

Как только репрессивный режим ослабел, сексуальный дискурс стал возрождаться, причем выяснилась не только чудовищная отсталость страны, но и то, что, несмотря на все репрессии и социальную изолированность от Запада, главные тенденции динамики сексуального поведения здесь те же, что и там, – снижение возраста сексуального дебюта, эмансипация сексуальной мотивации от матримониальной, рост числа разводов, добрачных и внебрачных зачатий и рождений, повышение интереса к эротике, ресексуализация женщин и т.д. В том же направлении эволюционируют и сексуальные установки россиян.

По данным всех эмпирических исследований, существенные сдвиги в этом направлении начались не в эпоху перестройки и гласности, а уже в 1960-х и особенно 1970-х годах.¹¹⁸ Подростки 1990-х годов только продолжили этот процесс.

Отличие России от Запада заключается не столько в направлении развития, сколько в его хронологических рамках и в степени общественной рефлексированности. Сексуальное поведение и ценности петербуржцев середины 1990-х годов напоминают те, которые существовали в Финляндии в начале 1970-х годов,¹¹⁹ а структура сексуального поведения современных российских подростков похожа на ту, что была типична для юных американцев начала 1970-х.¹²⁰

Второе существенное различие – в уровне рефлексивности происходящих перемен.¹²¹ В демократических странах Запада сдвигам в сексуальном поведении обычно предшествовали сдвиги в социальных уста-

¹¹⁸ См. Бочарова О.А., «Сексуальная свобода: слова и дела». Человек, 1994, № 5, с. 98-107; Голод С.И., XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб: Алетейя, 1996; Кон И.С., Сексуальная культура в России, 1997; Rotkirch, A., The Man Question. Loves and Lives in late 20th century Russia. University of Helsinki – Department of Social Policy, 2000.

¹¹⁹ Naavio-Mannila E. and Rotkirch, A., “Generational and gender differences in sexual life in St. Petersburg and urban Finland”. Yearbook of Population Research in Finland, vol. 34, 1997. pp.133-160.

¹²⁰ Chervyakov, V. and Kon, I., 'Sexual Revolution in Russia and the tasks of sex education'. In: AIDS in Europe: new challenges for social sciences. Ed. by Theo Sandford et al. London: Routledge, 2000. pp.119 –134.

¹²¹ Rotkirch, A., op. cit.

новках, которые выражались и обсуждались публично. В России на бытовом уровне дело обстоит так же (иначе просто не бывает). Однако цензурные запреты (раньше) и отсутствие профессионального дискурса (теперь) препятствуют осознанию этих сдвигов, которые из-за этого кажутся неожиданными и катастрофическими.

Сегодняшние российские политические и педагогические дебаты о задачах и возможностях сексуального просвещения идут на уровне 1950-х – начала 1960-х годов, а то и конца XIX века. Многие важные проблемы, которые открыто обсуждаются в любой молодежной тусовке, профессионально вообще не отрефлексированы и остаются под запретом, дабы не вводить молодежь в соблазн. Разрыв поколений в вопросах сексуальной культуры в России не только больше, чем на Западе, но и значительнее, чем он был там во время сексуальной революции 1960-70-х годов.

Еще один важный момент, отмеченный финскими исследователями, – противоречивое соотношение принципов сексуального либерализма и гендерного равенства¹²². В скандинавских странах пик сексуальной терпимости был достигнут в 1970-х годах, теперь некоторые ее проявления, такие, как проституция и порнография, подвергаются критике с точки зрения гендерного равенства. В России либерализация началась позже, приняла форму коммерциализации секса и часто сочетается с махровым сексизмом и традиционализмом, как только речь заходит о праве женщин на сексуальное самоопределение.

Сдвиги в сексуальном поведении молодежи, сопровождающиеся значительными социальными издержками, застали российское общество и государство врасплох.

Глобальные демографические процессы, такие, как снижение рождаемости, органически сливаются с локальными, обусловленными социально-экономическим упадком и дезинтеграцией России (снижение уровня жизни, рост детской смертности, разрушение общественного здравоохранения и общая криминализация страны). Обсуждающие их политики и журналисты, вместо серьезной научной статистики, пользуются случайными, недостоверными данными, отбор и выводы из которых крайне политизированы. Отечественные данные не сравнивают с тем, что происходит в других странах, а закономерные глобальные процессы зачастую принимают за местные, сугубо российские, вытекающие из специфики российских и трудностей. Сложные и противоречивые тенденции общественного развития примитивно объясняются «падением нравов», влиянием «растленного Запада», происками западных спецслужб и фармацевтических компаний. Реальные трудности, переживаемые страной, при этом мистифицируются и усугубляются.

¹²² Haavio-Mannila E. and Rotkirch, A. Gender Liberalization and Polarisation: Comparing Sexuality in St. Petersburg, Finland and Sweden. 2001. Manuscript.

Главный положительный результат ельцинского десятилетия в сексуальной сфере, достигнутый усилиями медиков, – значительное снижение количества нежелательных беременностей и абортов. Однако соответствующие российские показатели остаются одними из самых худших в мире. Успешная контрацепция требует не только материальных средств, но и достаточно высокой общей сексуальной культуры. Между тем идея систематического сексуального просвещения молодежи опорочена и заблокирована совместными усилиями коммунистов, церковников и коррумпированных СМИ при активной финансовой и идеологической поддержке американских фундаменталистов из так называемого движения Pro Life. Начатый в 1996 г. и продолжающийся по сей день крестовый поход против сексуального просвещения отбросил страну на 20-25 лет назад. Заметно усиливается гомофобия (декриминализация гомосексуальности в 1993 и ее депатологизация в 1999 году были осуществлены в России главным образом ради вступления в Совет Европы), ксенофобия и антисемитизм, вплоть до откровенно фашистских выходов¹²³.

Тем временем в дополнение к прочим трудностям Россия оказалась перед лицом вполне предсказуемой эпидемии СПИДа и инфекций, передаваемых половым путем, в предотвращении которых, как показывает западный опыт, решающая роль принадлежит сексуальному просвещению, которого в стране нет и не планируется.

Продолжение нынешней сексуальной политики (точнее – заменяющей ее антисексуальной истерии), в сочетании с другими неблагоприятными условиями (низкий уровень жизни, низкая рождаемость, высокая детская смертность, низкая культура здоровья и особенно традиционная нечувствительность россиян к факторам социального и личного риска и угрозы смерти, связанная с такими культурно-историческими диспозициями, как фатализм, социальный мазохизм и «выученная беспомощность»¹²⁴ увеличивает вероятность физического вымирания и деградации страны.

¹²³ См. Сергеев И. Тортом по сексу. Фашиствующие отморозки решили «лечить» нашу мораль. МК, 12 февраля 2001, с.3.

¹²⁴ Эту проблему серьезно рассматривают не только зарубежные, но и российские ученые. См. Неравенство и смертность. Коллективная монография под редакцией В. Школьников, Е. Андреева и Т. Малевой. М.: Московский центр Карнеги, Сигналь, 2000.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Aggleton P., Baldo M. and Slutkin G.,** 1993. «Sex education leads to safer behaviour», *Global AIDS News*, 4, pp. 1-20.
- Bajos N., Ducot B., Spencer B. and Spira A.,** 1998. «Trajectoires socio-sexuelles et comportement face au risque de transmission sexuelle du Sida», in **Bajos, N., Bozon, M., Ferrand, A., Giami. A. and Spira. A. (Eds).** *La sexualite aux temps du Sida*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Baldo M., Aggleton P., Slutkin G.,** 1994. Does sex education lead to earlier or increased sexual activity in youth? World Health Organization, Global program on AIDS PO – D02 – 3444;.
- Bardeleben H., Fieberg R., Reimann B.W.,** 1995. Abchied von der sexuellen Revolution. Liebe und Sexualitaet der «Nach-68-er-Generation» in Zeiten von Aids. Berlin: Edition Sigma,.
- Bearman, P.S., Brueckner, H.,** 2000. Promising the future: Virginity pledges as they affect the transition to first intercourse. NY: Columbia University.
- Bildjuschkin et al.,** 2000. The open house adolescent project. *Scandinavian Journal of Sexology*, vol.3, # 3, p.91.
- Bogaert A.F. and Fisher W.A.,** 1995. Predictors of university men's number of sexual partners. *The Journal of Sex Research*, vol.32, # 2, pp.119-130.
- Bozon M.,** 1996. «Reaching adult sexuality. First intercourse and its implications», in **Bozon, M. and Leridon, H. (Eds).** *Sexuality and the Social Sciences. A French Survey on Sexual Behaviour*. Aldershot: Dartmouth (French version: 1993).
- Bozon M.,** 1991. «Women and the age gap between spouses. An accepted domination?», *Population. An English selection*. 3. pp. 113-48 (French version: 1990).
- Bozon, M. and Heran F.,** 1989. «Finding a spouse. A survey of how French couples meet». *Population. An English Selection*, 1, pp. 91-121 (French version: 1987).
- Bozon M. and Kontula K.,** 1998. «Sexual initiation and gender in Europe: a cross-cultural analysis of trends in the twentieth century». in **M. Hubert et al., (eds).** *Sexual Behaviour and HIV/AIDS in Europe: Comparisons of National Surveys*. London: UCL Press.
- Bozon M. and Leridon, H. (Eds),** 1996. *Sexuality and the Social Sciences. A French Survey on Sexual Behaviour*, Aldershot: Dartmouth (French version: 1993).
- Breakwell G.M. and Fife-Shaw C.R.,** 1992. «Sexual activities and preferences in a UK sample of 16-20 year olds», *Archives of Sexual Behavior*, vol. 21, # 3.

- Carael M.**, 1995. «Sexual behaviour», in **Clelland and Ferry, B. (Eds)** Sexual Behaviour and AIDS in the Developing World. London: Taylor and Francis.
- Chervyakov V. and Kon I.** 1998. «Sex education and HIV prevention in the context of Russian politics». In: **R. Rosenbrock, ed.** Politics behind AIDS Policies. Case Studies from India, Russia and South Africa. Berlin: SWZ.
- Chervyakov V. and Kon I.**, 2000. «Sexual Revolution in Russia and the tasks of sex education». In: AIDS in Europe: new challenges for social sciences. Ed. by Theo Sandford et al. London: Routledge, pp.119 –134.
- Clement U.**, 1990. «Surveys of Heterosexual Behaviour», Annual Review of Sex Research, vol 1, pp. 45-74.
- David H.M., ed (with the assistance of J. Skilogianis)**, 1999. From Abortion to Contraception. A Resource to Public Policies and Reproductive Behavior in Central and Eastern Europe from 1917 to the Present. Westport: Greenwood.
- Davies P. M., Hickson F.C.I., Weatherburn P. and Hunt A.J.**, 1994. Sex, Gay Men and AIDS. London: Falmer Press.
- Dekker A.**, 1999. «Patterns of masturbatory behavior: changes from the 1960s and 1990s». Abstracts. International Academy of Sex Research. Twenty-fifth annual meeting. Stony Brook, New York, June 23-26 1999, p.20.
- Dickson, N., C. Paul, P. Herbison, P. Silva**, 1998. «First sexual intercourse: age, coercion, and later regrets reported by a birth cohort». British Medical Journal, vol. 316, pp.29-33.
- Ditch J., Barnes H., Bradshaw J. and Kilkey M.**, 1998. European Observatory on National Family Policies. A Synthesis of National Family Policies in 1996. London: European Commission.
- Entwisle B. with L. Waterson**, 1996. «Family planning and abortion in the Russian Federation: Recent trends.» The Russia Longitudinal Monitoring Survey 1992-1995, February 1996. Chapel Hill: University of North Carolina.
- Eurostat (1993), Demographic Statistics. Luxembourg.
- Family Planning Perspectives, 2000.
- Feshbach, M.**, 2001. Russia's population meltdown. Declining birth rates and soaring rates of disease now threaten Russia's very survival as a nation. – Wilson Quarterly, Winter 2001.
- Field B. and Wellings, K.**, 1993. Context of Sexual Behaviour in Europe. Selected Indices Relating to Demographic, Social and Cultural Variables. London: St Mary's Hospital Medical School.
- Gagnon J. and Simon W.**, 1973. Sexual Conduct. The Social Sources of Human Sexuality, Chicago: Aldine.
- Greydanus D., Pratt H. and Dannison L.**, 1995. «Sexuality education programs for youth: current state of affairs and strategies for the future», Journal of Sex Education and Therapy, 4, pp. 238-54.
- Haavio-Mannila E. and Rotkirch A.**, 1997. «Generational and gender differences in sexual life in St. Petersburg and urban Finland». Yearbook of Population Research in Finland, vol. 34, pp.133-160.
- Haavio-Mannila E., and Kontula O.**, 1997. «Correlates of increased sexual satisfaction». Archives of sexual behavior, vol.24, # 4, pp.399-419.
- Haavio-Mannila E., Roos J.P. and Kontula O.**, 1996. «Repression, revolution and ambivalence: the sexual life of three generations». Acta sociologica, pp. 409-430.

- Halpern C.T. et al.**, 1993. Testosterone and pubertal development of as predictors of sexual activity: A panel analysis of adolescent males. *Psychosomatic Medicine*, vol. 55, pp. 436-437 .
- Halpern , C.T. at al.**, 2000 a. Smart teens don't have sex (or kiss much either). *Journal of Adolescent Health*, 2000, vol. 26, pp.213-225.
- Halpern , C.T. at al.**, 2000 b. Adolescent males' willingness to report masturbation. *The Journal of Sex Research*, vol. 37, # 4, pp. 327-332.
- Helmius G.**, 1998. «The 1996 Swedish sex survey. An introduction and remarks on changes in early sexual experiences». *Scandinavian Journal of Sexology*, vol.1, #1, pp. 63-70.
- Hoem J. and Rennermalm B.**, 1985. «Modern family initiation in Sweden: experience of women born between 1936 and 1960», *European Journal of Population*, 1, pp. 81-112.
- Hofsten E.**, 1978. «Consensual unions and their recent increase in Sweden», *Statistical Review*, 1, pp. 24-32. Stockholm.
- Hubert M. and Marquet J. (Eds)**, 1993. *Comportements sexuels el reactions au risque du Sida en Belgique*. Brussels: Centre d'etudes sociologiques, Facultes universitaires Saint Louis.
- Ingham R. and Van Zessen G.**, 1998. «From cultural contexts to interactional competencies: A European comparative study». *AIDS in Europe: Social and cultural dimensions. New Challenges for Social and Behavioural Sciences*. Paris, 12-16 January 1998.
- Janus S.S., Janus C.L.**, 1993. *The Janus Report on sexual behavior*. NY: Wiley.
- Jessor R., Costa F., Jessor L. and Donovan J.**, 1983. «Time of first intercourse: a prospective study». *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 44, # 3, pp. 608 – 26.
- Johnson A. and Wadsworth J.**, 1994. «Heterosexual partnerships», in **Johnson, A., Wadsworth J., Wellings K. and Field J.**, *Sexual Altitudes and Lifestyles*. Oxford Blackwell Scientific Publications.
- Johnson A., Wadsworth J., Wellings K. and Field J.**, 1994. *Sexual Attitudes and Lifestyles*, Oxford: Blackwell Scientific Publications.
- Jonsdottir J.I.**, 1996. «Sexual behaviour among Icelanders: implications for the risk of HIV prevention and planning of AIDS prevention». *Nordisk Sexologi*, vol.14, pp. 9-17.
- Kenen J.**, 1997. U.S. teen sex down after two decades, study shows. Washington, Reuter, 1 May.
- Kirby D. et al.**, 1994., «School-based programs to reduce sexual risk behaviors: A review of effectiveness.» *Public Health Reports*, May-June 1994, vol.109, # 3, pp. 339-360.
- Kon I.S.**, 1999 a. «Sex als Spiegel der russischen Revolution». In: **H. Steiner, W.A. Jadow (Hrsg)**. *Russland – wohin? Russland aus der Sicht russischer Soziologen*. Berlin: Trafo Verlag, S.330-342.
- Kon I. S.**, 1999 b. «Sexuality and politics in Russia (1700-2000)». In: **F.X.Eder, L.A. Hall and G. Hekma, eds**. *Sexual cultures in Europe. National Histories*. Manchester University Press, pp.197-218.
- Kon I.S.**, 2000. «Better AIDS than sex education». *The Sexual counter-revolution in Russia*. Paper at the 5th Congress of the European Federation of Sexology, Berlin, June 29 – July 2, 2000.

- Kontula O. and Haavio-Mannila, E.**, 1995. *Sexual Pleasures: Enhancement of Sex Life in Finland, 1971-1992*, Dartmouth: Aldershot.
- Kontula O. and Kosonen K.**, 1996. «Sexuality changing from privacy to the open: a study of the Finnish press over the years from 1961 to 1991», *Nordisk Sexologi*, 14, 3, pp. 34-47.
- Kontula O., Rimpela M. and Ojanlatva A.**, 1992. «Sexual knowledge, attitudes, fears and behaviours of adolescents in Finland (the Kiss study)». *Health Education Research*, vol. 7, # 1, pp. 69-77.
- Kontula O.**, 1991. Cultural terms of sexual initiation (in Finnish, with English summary, pp. 179-88), Helsinki: Sosiaali-Ja Terveystieteiden tutkimuskeskus.
- Korteniemi-Poikela E., et al.**, 2000. The attitudes of young Finnish girls to sexuality. *Scandinavian Journal of Sexology*, vol.3, # 3, p.98.
- Lagrange H.**, 1998. Le sex apprivoisé ou l'invention de flirt. *Revue française de sociologie*, t. XXXIX, # 1, pp.139-175.
- Lagrange H. et Lhomond B. (eds)**. 1997. *L'entrée dans la sexualité. Le comportement des jeunes dans le contexte du sida*. Paris: La découverte.
- Laumann E., Gagnon J., Michael R. and Michaels S.**, 1994. *The Social Organization of Sexuality. Sexual Practices in the United States*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lewin B. and Traen B.**, 1993. «Seeing the real through the eyes of the ideal. Some comments on Traen et al. (1992) account of gender difference in Norwegian young people's sexual behaviour». *Journal of Community and Applied Social Psychology*, vol. 3, pp. 71-6.
- Lunin I., Hall T. L., Mandel J., a.o.**, 1995. «Adolescent Sexuality in St.Petersburg, Russia». *AIDS. AIDS prevention research in the developing world*. Vol. 9, Supplement 1, July, pp.553-560.
- Meldbye M. and Biggar R.**, 1992. «Interactions between persons at risk for AIDS and the general population in Denmark», *American Journal of Epidemiology*, 135, 6, pp. 593-602.
- Mellanby A. R., Phelps F. A., Crichton N.J. and Tripp J. H.**, 1995. «School sex education: an experimental programme with educational and medical benefit», *British Medical journal*, 311, pp. 414-17.
- Messiah A. and Mouret-Fourme E.**, 1996. «Homosexuality, bisexuality: elements of sexual socio-biography», in **Bozon, M. and Leridon, H. (Eds)** *Sexuality and the Social Sciences. A French Survey on Sexual Behaviour*, Aldershot: Dartmouth (French version 1993).
- Miller P.Y. and Simon W.**, 1980. «The development of sexuality in adolescence», *Handbook of Adolescent Psychology*, edited by J. Adelson, New York: Wiley, pp 343 – 407.
- Papp K., Kontula O., Kosunen E.**, 1997. «Teenagers' sexuality in Estonia and Finland in the 1990s.» *Yearbook of Population Research in Finland*, vol.34, pp.161-172.
- Poolamets O.** 2000. Sexuality and reproductive health counseling for boys and men in Estonia. *Scandinavian Journal of Sexology*, vol.3, # 3, pp.96-97.
- Program activities and progress 1995-2000. Demographic and behavioral sciences branch. Center for population research. National institute of child health and human development. February 2000.
- Rademakers J.**, 1997. «Adolescent sexual development: a cross-cultural perspective». *Sexuality Beyond Boundaries. International Conference. Amsterdam, 29 July – 4 August 1997*.

- Reinisch J. M., with Beasley R.,** 1990. The Kinsey Institute New Report on Sex. What You Must Know to be Sexually Literate. New York: St. Martin's Press.
- Rotkirch A.,** 2000. The Man Question. Loves and Lives in late 20th century Russia. University of Helsinki – Department of Social Policy.
- Roussel L.,** 1987. «Deux decennies de mutations demographiques (1965-1985) dans les pays industrialises». Population, 3, pp. 429-48.
- Saarelainen R.** 2000. Pro filia – for girls. Scandinavian Journal of Sexology, vol.3, # 3, p.95.
- Santos-Lucas J.,** 1993. Sida. A sexualidade desprevenida dos Portugueses (in Portuguese), Lisboa: McGraw Hill.
- Sardon J. P.,** 1993. «Women's first marriage rates in Europe. Elements for a typology», Population – An English Selection. 5, pp. 119-52 (French version: 1992).
- Schmidt G. (Hg.)** (2000). Kinder der sexuellen Revolution. Kontinuitaet und Wandel studentischer Sexualitaet 1966 – 1996. Eine empirische Untersuchung. Giessen, 2000.
- Schmidt G., Klusmann D., Zeitzschel U.,** 1993. «Veraenderungen 1970-1990 (BRD)», in: G.Schmidt, Hrsg. Jugendsexualitaet. Sozialer Wandel, Gruppenunterschiede, Konfliktfelder. Stuttgart: Enke.
- Schmidt G.,** 1993. «Jugendsexualitaet in den Neunziger Jahren. Eine Synopse in zwolf Thesen», in: G.Schmidt, Hrsg. Jugendsexualitaet. Sozialer Wandel, Gruppenunterschiede, Konfliktfelder, S. 1-11.
- Schofield M.,** 1965. The Sexual Behavior of Young People. Boston: Little, Brown, 1965.
- Segalen M.,** 1981. Amours el menages de l'ancienne France. Paris: Berger-Levrault.
- SIECUS,** 1994. Teens talk about sex. Adolescent sexuality in the 90s. NY: SIECUS.
- Simon W. and Gagnon J.,** 1986. «Sexual scripts: permanence and change». Archives of Sexual Behaviour, vol. 15, # 2, pp. 97-120.
- Spira A., Bajos N. and ACSF group,** 1994. Sexual Behaviour and AIDS. Avebury: Aldershot.
- Sprecher S, Aron A., Hatfield E., et al.,** 1994. «Love: American Style, Russian Style, and Japanese Style». Personal Relationships, vol. 1, pp.349-369.
- Sprecher S. and Hatfield E.,** 1996. «Premarital sexual standards among U.S. college students: comparison with Russian and Japanese students». Archives of Sexual Behavior, vol.25, # 3, pp. 261-288.
- Sundet J. M, Magnus P., Kvaem I. L., Samuelsen S.O., and Bakketeig L.,** 1992, «Secular trends and sociodemographic regularities of coital debut age in Norway», Archives of Sexual Behavior, vol. 21, # 3, pp. 241-52.
- Toulemon L. and Leridon H.,** 1992. «Twenty years of contraception in France 1968-1988», Population – An English Selection, 4, pp. 1-34 (French version: 1991).
- Toulemon L. and Leridon H.,** 1995. «La diffusion des preservatifs: contraception et prevention», Population el Societes, 231, Paris: INED.
- Traeen B., Kvaem I. L.,** 1986. «Sexual socialization and motives for intercourse among Norwegian adolescents». Archives of Sexual Behavior, vol.25, # 3, pp.289-302.
- Traeen B., Lewin B. and Sundet J.,** 1992. «The real and the ideal: Gender differences in heterosexual behaviour among Norwegian adolescents». Journal of Community and Applied Social Psvchology, vol. 2, pp. 227-37.
- Trost J.,** 1978. «A renewed social institution: non-marital cohabitation», Acta Sociologica. Journal of the Scandinavian Sociological Association. Vol. 4, pp. 303-15.
- Trost J.,**1990. «La famille: stabilite et changement», in Prioux, E. (Ed.) La famille dans les pays developpes: permanences et changements, Paris: PUF-INED.

- Van de Kaa D. J.**, 1987. «Europe's second demographic transition». Population Bulletin, 42, pp. 1-57.
- Van Zessen G. and Sandfort T.**, 1991. Seksualiteit in Nederland: seksueel gedrag, risico en preventie van AIDS (in Dutch), Amsterdam/Lisse: Swets and Zeitlinger.
- Vener M., Stewart C. S.**, 1974. «Adolescent sexual behavior in Middle America revisited: 1970-1973». Journal of Marriage and the Family, vol.34, pp 728-735;.
- Weller K. und Starke K.**, 1993. «Veraenderungen 1970-1990 (DDR)», in: **G.Schmidt, Hrsg.** Jugendsexualitaet. Sozialer Wandel, Gruppenunterschiede, Konfliktfelder. Stuttgart: Enke.
- Wight D., Henderson M., Raab G., Abraham C., Buston K., Scott S., Hart G.**, 2000. «Extent of regretted sexual intercourse among young teenagers in Scotland: a cross sectional survey». British Medical Journal, vol. 320:1243-1244.
- Wills T.A., Windle M., Cleary S.D.**, 1998. «Temperament and novelty seeking in adolescent substance use»... Journal of personality and social psychology, vol. 74, # 2, pp.387-406.
- Wimmer-Puchinger B.**, 1992. «Patterns of Sexual Relations of Adolescents in the 1990s: An International, Abstracts. International Academy of Sex Research. Eighteenth Annual Meeting. Prague, Czechoslovakia, July 7 – 11, 1992;.
- Yamaguchi, K., Kandel D. B.**, 1985. «Dynamic relationships between premarital cohabitation and illicit drug use: An event-history analysis of role selection and role socialization». American Sociological Review, vol. 50, pp. 530-546.
- Youth sexuality 1998. Final results. Repeat survey of 14-17-year-olds and their parents. Bzga, Federal centre for health education. Cologne, 1999.
- Zwillich T.** 2000. Parents Want More Comprehensive Sex Education in Schools. Reuters, 27 September.
- Батенева Т.**, 1997. «На собачьем уровне. Кому выгодно превратить половое воспитание школьников в шумный скандал?» «Известия», 1 апреля.
- Бодрова В.**, 1997. «Представления населения о половом поведении и половом воспитании молодежи в России». «Выбор», с. 12-20.
- Борисов И.**, 1999. «Запретный плод для российской школы», «Первое сентября», 8 мая.
- Бочарова О.А.**, 1994. «Сексуальная свобода: слова и дела». «Человек», 1994, № 5, с. 98-107.
- Бредун Юлия.** 1995. «Православная церковь никогда не выступала против контрацепции. Интервью священника Петра Коломейцева». «Сегодня», 18 марта.
- Буторина О.Г.**, 1994. «Опыт работы медико-педагогического центра Российской ассоциации «Планирование семьи». Проблемы планирования семьи в России, стр. 106-108.
- Буторина О.Г.**, 1994. Интервью. «Планирование семьи», 1994, № 4, стр. 5.
- Владимиров А.**, 1997 На страже детской души. Урок полового воспитания проводит о. Артемий Владимиров». «Тверская, 13», № 11, 13-19 марта.
- Гадасина А.**, 1997. «Спасет ли идеология от нежелательной беременности». «Российские вести», 7 июня.
- Голод С.И.**, 1984 Стабильность семьи. Л.: «Наука».
- Голод С.И.**, 1990. Личная жизнь; любовь, отношения полов. Л.: «Знание».
- Голод С.И.**, 1996. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб: «Алетейя», 1996.
- Госкомстат, 1996. Российский статистический ежегодник, 1996. М.: Госкомстат.

- Гребешева И., Камсюк Л., Алесина И., 1997.** Концепция полового воспитания подростков, разработанная Российской ассоциацией «Планирование семьи». «Выбор», с. 10-13.
- Денисенко М., Далла Зуанна Ж.-П., 1999.** Сексуальное поведение российской молодежи. Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, № 36, май 1999.
- Иващенко И., 1997.** Откуда «ноги растут?» «Вечерняя Москва», 30 апреля, с.3.
- Колесов Д.В., 1999.** Пол и секс в современном обществе. М.: Издательство УРАО.
- Коломейцев Петр, 1994.** «Церковь не препятствует интимным отношениям». «Смена», 6 апреля.
- Кон И.С., 1966.** «Половая мораль в свете социологии». «Советская педагогика», № 12.
- Кон И.С., 1979.** Психология юношеского возраста. М.: «Просвещение», 1979.
- Кон И.С. 1984.** «Научите учителя». «Учительская газета», 25 сентября.
- Кон И.С. 1988.** Введение в сексологию. М.: «Медицина».
- Кон И.С., 1997 а.** Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: О.Г.И.
- Кон И.С., 1997 б.** «Секспросвет в Вороньей слободке.» «Труд», 1997, 29 августа.
- Кон И.С., 1997 в.** «Не говорите потом, что вы этого не знали. Подростки и сексуальная контрреволюция.» «Известия», 1997, 30 декабря, с. 5. Перепечатано в журнале «Планирование семьи», 1998, № 2, с. 5-7.
- Кон И.С. 1998 а.** Вкус запретного плода. Сексология для всех. М.: «Семья и школа».
- Кон И.С., 1998 б.** Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви. М.: «Олимп» – АСТ.
- Кон И.С., 1999.** Введение в сексологию. Учебное пособие для вузов. М.: «Олимп» и ИНФРА-М.
- Кон И.С. 2000.** «Сексуальное поведение россиян в XX веке». «Психологическая газета», № 3/54, март 2000, с.12-13.
- Косунен Э., Римпела М., 1997.** «Улучшение сексуального здоровья подростков Финляндии». «Выбор», с. 20-26.
- Лосева О.К., 1991.** Сексуальное поведение больных сифилисом: эпидемиологические и медико-социальные проблемы. Автореферат докторской диссертации. М.: Центральный научно-исследовательский кожно-венерологический институт.
- Лунин И.И., 1994.** «Сексуальное просвещение как фактор профилактики сексуальных посягательств», Российская ассоциация «Планирование семьи». Первая Национальная конференция Проблемы планирования семьи в России, 7-9 декабря 1993 г., Москва. Москва: НИО «Квартет».
- Мацковский М.С., Бодрова В.В., 1990.** «Ценность семьи в сознании различных слоев населения». Семья в представлениях современного человека. М. стр. 159-163.
- Медведева И.Я., Шишова Т.Л., 1996.** Международный проект «Половое воспитание российских школьников» и национальная безопасность. Доклад, прочитанный на научно-практическом семинаре при Комитете по безопасности Государственной Думы РФ 25 декабря 1996 года.

- Молодцова В.**, 1999. «Секс: развращение вместо просвещения». «Российская газета», 10 июня.
- Обухов М.**, 1994. «Изменен лишь способ убийства». «Православная Москва», №11.
- Полторак А.**, 2000. «Почитай врача... ибо Господь создал его». «Мир за неделю», 15 апреля.
- Протоиерей Дмитрий Смирнов**, 1995. «Все равно это убийство. Ответы на трудные вопросы». «Радонезж», № 2.
- Сексуальное и репродуктивное поведение подростков в России (2001). – Демоскоп Weekly, № 13-14 26 марта – 8 апреля 2001 г. <http://www.demoscop.ru/weekly/013>.
- Сергеев И.**, 2001. Торгом по сексу. Фашиствующие отморозки решили «лечить» нашу мораль. «Московский комсомолец», 12.02.2001, 3 с.
- Собкин В.С., Писарский П.С.**, 1994. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросс-культурный анализ Москва-Амстердам. М.: Центр социологии РАО.
- Соловьев О., Шишимаров Е.**, 1996. Православный брак и страсть блуда. М.: ИПА «ТриЛ».
- Сотникова Е.И., Перминова С.Г.**, 1994. «Репродуктивное поведение и контрацепция у подростков», Проблемы планирования семьи в России, Москва: НИО «Квартет».
- Темкина А.**, 1999. «Сценарии сексуальности и сексуальное удовольствие в автобиографиях современных российских женщин». «Гендерные исследования», № 3, с.125-150.
- Харчев А.Г, Голод С.И.**, 1969. «Молодежь и брак». «Человек и общество». Вып. 6, Л.: Изд. ЛГУ, стр. 125-142.
- Царегородцев А.Д., Гаврилова Л.В., Зелинская Д.И., Такунов С.Ф.**, 1997. «Состояние и перспективы охраны репродуктивного здоровья населения России». «Планирование семьи», № 1, с. 5-6.
- Штарке К., Лисовский В.**, 1993. «Любовь. Эротика. Секс. Опыт сравнительного исследования (Россия-Германия)». Молодежь. Цифры. Факты. Мнения. Санкт-Петербург, № 1, стр. 147-152.
- Шушарин Д.**, 1992. «Совокупление без зачатия – грех». «Независимая газета», 27 мая.

Оглавление

Предисловие	3
1. ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ИСТОЧНИКИ	5
2. ПОДРОСТКОВАЯ И ЮНОШЕСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ – тенденции развития и национальные различия за 50 лет	11
Состояние проблемы	11
Возраст сексуального дебюта	14
Гендерные различия и двойной стандарт	17
Индивидуальный разброс в возрасте сексуальной инициации	17
Возрастные различия с первым сексуальным партнером	18
Эмоциональный фон и социальный контекст сексуального дебюта	19
Удовлетворенность сексуальным дебютом	21
Социальные факторы юношеской сексуальности	22
Отношение к сексуальности и моральные ценности	23
Браки и сожителства	24
Подростковая сексуальность – элемент сексуальной культуры общества	25
Юношеская сексуальность и девиантное поведение	26
Мастурбация и отношение к ней	27
Гомосексуальность и отношение к ней	29
Безопасный секс	32
Источники и характер сексуальной информации	34
Что может и чего не может сексуальное просвещение?	36
3. ПОДРОСТКОВАЯ И ЮНОШЕСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ В РОССИИ	41
4. КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?	69
Приложение 1 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДРОСТКО- ВОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ	98
Приложение 2 СЕКСУАЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ЧТО, ГДЕ, КОГДА?	125
Приложение 3 ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ СЕКС- СУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	134
Приложение 4 РУССКАЯ НАРОДНАЯ БОРЬБА СО СПИДОМ	170
Приложение 5 ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА	181
Общие тенденции развития	182
Ситуация в России	194
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	200